

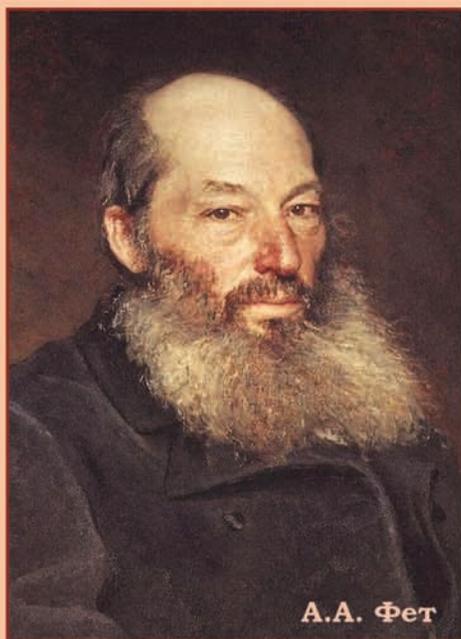
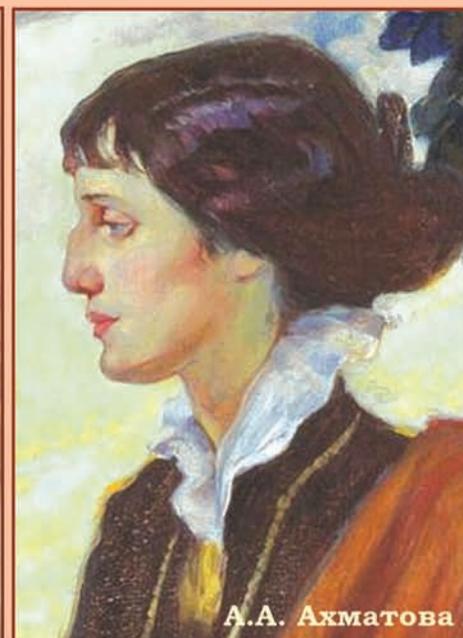
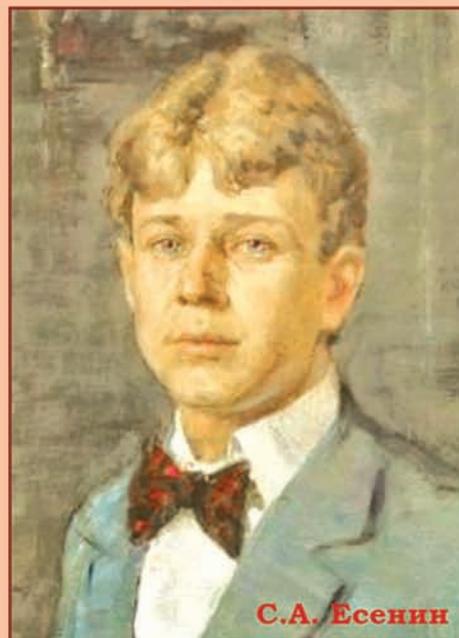
Угрешская лира

Выпуск 6

Угрешская лира

Выпуск 6

**К 75-летию Победы в Великой
Отечественной войне**

К 250-летию И.А. Крылова

К 225-летию А.С. Грибоедова

К 220-летию А.С. Пушкина

К 200-летию А.А. Фета

К 150-летию И.А. Бунина

и А.И. Куприна

К 130-летию А.А. Ахматовой,

Б.Л. Пастернака и В.М. Инбер

К 125-летию С.А. Есенина

К 120-летию Ю.К. Олеши,

М.В. Исаковского и А.А. Суркова

К 110-летию А.Т. Твардовского,

О.Ф. Берггольц и Н.И. Рыленкова

К 100-летию А.И. Фатьянова и

С.И. Наровчатова

К 100-летию гибели Н.С. Гумилёва

Угрешская Дира

Литературный альманах

Выпуск 6

2019

ББК 84 (2Рос–Рус)6–5
У 27

Угрешская лира / Литературный альманах. Выпуск 6. — М.: Литературное объединение «Угреша» Московской областной организации Союза писателей России; Дзержинский: ДМУП «Информационный центр», 2019. — 256 с., ил.

Шестой выпуск альманаха посвящён 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и выдающимся поэтам и писателям, чьи значимые юбилеи отмечаются в 2019–2020 годах. Книга открывается разделом, где собраны стихотворные посвящения наших авторов А.С. Пушкину, И.А. Крылову, А.С. Грибоедову, С.А. Есенину, А.А. Ахматовой, И.А. Бунину и другим литераторам–юбилярам.

В разделе «Новые смеляковские лауреаты» помещены подборки стихов лауреатов московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова за 2017 год. Раздел «Угрешский Парнас» составлен из лучших стихотворений и прозы членов литературного объединения «Угреша» имени Я.В. Смелякова. Значительная часть произведений повествует о Великой Отечественной войне. Стихи и проза победителей 7-го городского творческого конкурса «Юная муза Угрешы», состоявшегося в 2018 году, опубликованы в одноимённом разделе.

Произведения Ярослава Смелякова, Сергея Красикова, игумена Антония (Бочкова) и других авторов прошлого, чьи судьбы связаны с Угрешской землёй и подмосковным городом Дзержинским, помещены в разделе «Элизиум „Угрешской лиры“». Завершает альманах новая публикация о Ярославе Смелякове в годы Великой Отечественной войны.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Редактор–составитель *Елена Егорова*

Книга издана за счёт премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье», полученной в 2018 году за проект «Угрешские альманахи».

ISBN 978–5–6041100–4–1

© Литературное объединение «Угреша» Московской областной организации Союза писателей России, 2019
© Егорова Е.Н., составление, фото, дизайн, 2019
© Авторы, тексты стихов и прозы, 2019
© ДМУП «Информационный центр», 2019

**Поэтический венок
русским литераторам**

Поэтическое слово

1

Век практический, суровый на дворе державы.
Поэтическое слово не приносит славы.
Но душа поэта всё же
Без него прожить не может.
В нём рыданье с наслаждением
И страданье со спасеньем
Слиты величаво.

2

Безжалостно время: жестокое пламя
Его пожирает всё бренное.
Но чувства поэтов, излившись словами,
Вовек остаются нетленными.

От роскоши — пепел и пыльная плесень,
От зданий нет даже обломков.
Но ветер столетий созвучия песен
Доносит до слуха потомков.

Поэмы Гомера — глас древнего мира.
Пространства поэтов — безмерны.
Рубаи Хайяма, сонеты Шекспира
И Пушкина песни бессмертны.

Заснеженное Болдино

Болдинская осень отпылала,
Золото легло на зелень трав.
Вьюга лебединым покрывалом
Застелила землю, сень дубрав,

Перелески, сад, дорожки парка —
Всюду снежная искрится цветь.
Небо — бело-сине, солнце — ярко,
От пейзажей взгляда не отвести.

Наш поэт любил такую свежесть —
Русский холод, щёчки ярче роз,
Вдохновительную белоснежность
И прогулки в солнечный мороз.

Торжество оттенков белых красок —
Продолжение сказки золотой.
Может, потому здесь столько сказок
Пушкину даровано судьбой.

Нам снежинки лёгкие в круженье
Словно шепчут новый дивный сказ.
Мы идём тропюю вдохновенья,
Пушкиным проложенной для нас.

Алексей Гушан

На Чёрной речке

Не уснуть. Барашки и овечки
По чужим блуждают закоулкам.
Прогуляюсь-ка до Чёрной речки.
Белой речки нету в Петербурге.

А была бы, может, и иначе
Всё сложилось в жизни у поэта.
Здесь, у старой комендантской дачи...
Впрочем, что мечтать теперь об этом.

Тихий сквер, и обелиск, и профиль,
И цветы на мёрзнувшем граните.
Я стою с волнением напротив:
«Прочитать стихи вам? Не хотите?

От толпы читающих устали?
Понимаю». Что ж, тогда присяду,
Помолчу. И с голубиной стаей
Посмотрю на спящие громады.

Елена Егорова

Болдинская сирень

Любуясь Болдином в цвету,
С благоуханием сирени
Впитайте эту красоту
И зарядитесь вдохновеньем.

Клубы лиловые кустов
Повсюду. Аромат волшебный
Пусть юный возродит восторг,
Наполнит радостью целебной.

В лощине белая сирень.
Как всплески нежные метели,
Играет в гроздьях светотень.
И соловьи заводят трели.

Запечатлейте птичью песнь
И шум листвы. Хотя, без спору,
Весною Пушкин не был здесь,
Но он родился в эту пору.

Быть может, именно о нём
Журчат ручья живые струи,
Лилово–розовым огнём
Сирень в его честь салюрует!

Роща Лучинник

Сегодня здесь шумят правнучки
Тех юных пушкинских берёз,
Чьи жизни наш поэт сберёг,
Крестьянам лёгкую дав взбучку:
Стволы–лучинки понапрасну,
Мол, не рубите — ни к чему.
Доныне рощица прекрасна —
Природный памятник ему.

Особенно в начале лета,
Испив водицы ключевой,
Под молодой её листвою
Люблю бродить тропою светлой,
Послушать птичек, у опушки
Присев тихонько на пенёк.
Кукуют мерно здесь кукушки,
Поют щегол, и королёк,
И соловей. Мне жаль, что Пушкин
Их слышать осенью не мог.

Пять стройных молодых берёзок
Украсили заветный луг —
Как в хороводе, встали в круг.
Повсюду бабочек, стрекозок
Порхает много над цветками,
Растущими в траве густой.
И хочется за мотыльками
Беспечно полетать самой,

Да не имеет крыльев тело,
Крылата разве лишь душа...
А роща чудо хороша
И осенью, не облетела
Пока листва. Деньком погожим
Берёзки золотом горят,
Как будто сонм лучинок Божьих,
Молитву тихую творят.

По той молитве вдохновенье
Господь поэтам щедро шлёт
Под сенью их и подаёт
На творчество благословенье.
Пусть с Пушкиным по силе слова
Сравниться не дано всем нам,
Сюда приходим снова, снова —
Здесь пушкинской глубинки храм.

Игорь Ушаков

Грусть предновогодняя

*Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.*

А.С. Пушкин. К Наташе

Скучаю я без вас, Наташа,
Пусть вспоминаю не всегда,
Но вот мелькнёт улыбка ваша, —
И сгинет будней череда.

Я помню Волгу, берег левый
И свет неповторимых глаз.
Достойны быть вы королевой,
Но молчалив Небесный Спас.

И поцелуи, что в тот вечер
Так нежны были и тихи.
Они пришли как свежий ветер,
Ушли как грустные стихи.

Но не грустите, жизнь не стоит
Ни осуждать и ни жалеть.
Вас сердце тихо успокоит,
А мне печально сердцем петь.

Елена Егорова

Сосны во Львовке

1

Четыре высятся сосны
Во Львовке — пушкинском именье.
Величественны и стройны,
Они при ветра дуновенье,
Наверное, шумят о том,
Что их шестнадцать раньше было,
Что окружали барский дом
Со всех сторон. Не пощадило
Лихое время их подруг,
Грозе подобное, промчалось,
Проредило их дружный круг,
Одна четвёрка лишь осталась.

В честь четверых детей поэта
Сын старший сосны посадил
По просьбе матери в те лета,
Когда владельцем Львовки был.
И парк разбит, и дом построен
Здесь по велению Натали.
А рядом церковь с колокольной
Спустя полвека возвели,
Чуть дальше — школу приходскую
У живописного пруда,
Чтоб грамоту и речь родную
Крестьянским детям преподать...

2

Теперь здесь болдинский музей,
И на экскурсии ребятам
Дают урок. По анфиладам
Старинных липовых аллей
И мимо сосен в барский дом
Ведут шумливою гурьбою
На встречу к пушкинским героям,
Живущим в веке золотом
Литературы славной русской...
Мне нравится по листьям хрустким
В осеннем парке не спеша
Бродить, когда он тих и светел,
То белку встретить, то ежа,
То пса дворового приветить.

Весною здесь, как на балах,
Всё сочно, празднично и ярко.
Струятся тени на стволах
И ландышевый запах в парке.
Зимой то холодно и голо,

Усадьба хмурится, грустит.
То иней бахромой весёлой
Берёзы, липы оживит,
И вётлы, и кусты акаций
На радость болдинцам, гостям...
Здесь будто смена декораций
К любимым с детства повестям.

3

А сосны вечно зелены,
Как ветви пушкинского древа.
Прильну щекой к стволу сосны,
Послушаю времён напевы.
Прозрачна занавесь веков,
В мир Пушкина отверста дверца.
Мы все его потомки сердцем —
Живут в нас гены его слов.

Благодатная туча

Памяти И.А. Крылова

По набережной вдоль Фонтанки
Шёл с тростью тучный господин.
Не глядя в зеркала витрин,
Спешил он к другу спозаранку.

Студенты шли ему навстречу —
«От делать нечего друзья», —
Шутя над встречными зазря
И камешки бросая в речку.

Желая пошутить покруче,
Вдруг громко произнёс один,

Не зная, кто тот господин:
«Смотрите–ка, идёт к нам туча!»

«И уж заквакали лягушки», —
Ответил тучный остролов,
С презреньем глянул на юнцов,
Знакомой кланяясь старушке.

Они узнали баснописца:
«Да это сам Иван Крылов!»
И отошли без лишних слов,
Стыдливо прикрывая лица.

Крылов был благодатной тучей,
Питавшей нивы русских душ,
Для совести холодный душ.
И строки басен его лучших

Разобраны на афоризмы.
Он, бронзовый, бросает взгляд
На нас, пришедших в Летний сад, —
Достойный, мудрый сын Отчизны.

Евгений Хазов

Заяц и волк

Вспоминая И.А. Крылова

Заяц по лесу гулял,
В чаще волка повстречал.
Волк голодный был и злой,
Грубо крикнул: «Стой, косой! —
И схватил его за уши. —
Мне как раз пора покушать».

Заяц обмер, задрожал,
Но очнулся — храбрым стал:
«Серый, лучше отпусти,
Чтобы свой живот спасти.
Кушать извергу пора!
Съешь — и будет, как вчера».
Волк, колеблясь, отпустил,
Но вдогонку всё ж спросил:
«А вчера, косой, что было?» —
«Так же вот лиса схватила
Да, как ты, и отпустила».

Елена Егорова

Наследие поэта

Памяти А.С. Грибоедова

Поэт давно в небесном мире,
В земле истлело тело в прах.
Остались только песни лиры,
Запечатлённые в стихах.

Потомок, книгу открывая,
В своей душе их воскресил
И, чувствам сопереживая,
Поэта сердце оживил

Всего лишь на одно мгновенье.
Но эта связь через века —
Невольное поминовение —
Поэту очень дорога.

Ведь он творил стихи не тщетно,
Делился счастьем и бедой,

И трудный опыт в миг заветный
Впитал потомок молодой.

Он вальсы трепетные слушал,
Что Грибоедов сочинил.
Общались вдохновенно души,
Их Бог с небес благословил.

Гранатовый браслет

Памяти А.И. Куприна

Гранатовый браслет —
Любви великой дар,
Хранящий много лет
Души счастливой жар.
Счастливой, несмотря
На горечь той любви.
Гранаты — как заря,
Застывшая в крови.

Пять кабошенов вокруг
Зелёного глазка
Тревожным светом вдруг
Зарделись. В них тоска
Княгини о любви —
Той, что, как смерть, сильна,
Что сердце обновит,
Смиренна и нежна.

Лишь избранным Христос
Даёт с небес её.
Лучи гранатов-слёз
Выводят: «Да твоё
Святится имя». Лик

Пречистой тот браслет
Украсил — из дали
Минувшей сотни лет
Живой любви привет.

Лев Котюков

Фетовский мотив

Эта жизнь до конца впереди,
И далече ещё до рассвета...
На заре ты любовь не буди,
Впереди — бесконечное лето.

Ни огня в неземной высоте,
Ни души в ледяной круговерти.
И любовь не нужна красоте,
Да и жизнь не нужна после смерти...

Наталья Алимова

По мотивам стихов Афанасия Фета

Серебряного вечера признание,
Волненье, шёпот, робкое дыханье,
Огней на канделябрах угасанье,
Смущение, прощанье, расставанье...

И всё это — с согласия октября,
Когда земля со златом растается,
И первый снег так лучезарно вьётся,
Зимы простые радости даря.

Лев Котюков

Лёгкое дыханье

Бунинский мотив

Ослепла ночь без отраженья,
Прозрела мёртвая вода...
И шорох лёгкого движенья
Во тьме растаял навсегда.

Ночь поглотила, как пустыня,
Твои прелестные шаги...
О, если б знали, кто я ныне, —
Мои безумные враги...

Но трепет лёгкого дыханья
Ещё живёт в моей крови.
И вечны в недрах мирозданья
Ночные образы любви.

И без раздумий остаётся
Признать свободу — волей зла.
И ждать, а вдруг навек вернётся —
Та, что себя не сберегла...

Игорь Ушаков

Бело–розовое платье

У нас нет чувства своего начала и конца.

Иван Бунин

Бело–розовое платье из перкаля
Помню на тебе в наш первый вечер.
Мы с тобою шли — как будто из Версаля.
Платье раздувал нескромный ветер.

Ты была, как бабочка из лета,
Весела, ярка и беззаботна.
Я искал в твоих глазах ответа,
А вокруг сияла красками природа.

Не ценили мы тогда покой природы,
Говорили напролёт ночами.
Доверяли мы любой погоде
И не знали горя и печали.

Бело–розовое платье из сатина
Было на тебе в дождливый день разлуки.
И в окно стучала грустная калина,
Предвещающая расставанья муки.

Татьяна Уварова

Анне Ахматовой

Излучают свет твои портреты.
Веет хмель духов.
Кем заложен фантик от конфеты
В том твоих стихов?

По страницам я твоим гадаю
Наобум в ночи.
Ты мою судьбу откроешь, знаю,
У тебя ключи.

Отчего, когда разбито сердце,
Так душа чиста?
Рама приоткроется, как дверца, —
Выйдешь из холста.

Гордый профиль золотой орлицы
Спрячешь под вуаль.
Если это только мне приснится,
Было б жаль.

Ярослав Смеляков

Анна Ахматова

Не позабылося покуда
и, надо думать, навсегда,
как мы встречали вас оттуда
и провожали вас туда.

Ведь с вами связаны жестоко
людей ушедших имена:
от императора до Блока,
от Пушкина до Кузмина.

Мы ровно в полдень были в сборе
совсем не в клубе городском,
а в том Большом морском соборе,
задуманном ещё Петром.

И все стояли виновато
и непривычно вдоль икон —
без полномочий делегаты
от старых питерских сторон.

По завещанью, как по визе,
гудя на весь лампадный зал,
сам протодьякон в светлой ризе
вам отпущенье возглашал.

Он отпускал вам перед Богом
все прегрешенья и грехи,
хоть было их не так уж много:
одни поэмы да стихи.

Алексей Гушан

В Коломне

Я шёл один Ахматовской тропой
Средь домиков цветных, садов отцветших.
Шёл наугад бульжной мостовой
И вот своей рифмованной судьбой
Соединился с судьбами прошедших

Сквозь арку древних Пятницких ворот,
Сквозь переключку колокольных звонов
И далее — до утомлённых склонов,
Где величаво башня предстаёт

Перед очами. Дивный, дивный город,
Ты словно символ пакибытия!
Июльский день... Ахматова... Скамья...
И тень от деревянного забора.

Елена Егорова

Читая Ахматову

*Донеси любовь мою
Златоустой Анне — всяя Руси!
Марина Цветаева*

На островке уютном в крымском парке
Сижу под южной ивою кудрявой.
Вокруг толпятся юкки и агавы.
Закрыла лилия свой венчик яркий,

Спустился вечер тёплой дымкой матовой,
А я читаю всё стихи Ахматовой,
Хоть буквы мелкие почти неразличимы.
Две пары лебедей плывут спокойно мимо.

Не клики их в крошечной тишине,
А голос лиры — задушевный, дивный —
Всё явственнее слышится здесь мне
И мнится Анны профиль лебединый

На лоне царскосельских парков дальних.
Как песнопенье стих исповедальный:
Мелодия полна живого чувства,
А слово — мудрости золотоустой.

Наталья Алимова

Памяти Анны Ахматовой

Оплакивать участь сына
Уже не хватает сил.
Я — женщина, не машина.
Война. Отправляют в тыл.
До встречи, любимый город!
Я скоро к тебе вернусь!
К коптилке в блокадный холод
Молитвою прикоснусь.
Времени мы не выбираем,
Судьбу не дано нам знать.
Рождаемся — умираем
В надежде на благодать.
О милостях не мечтаю,
Я — здесь, я просто живу.
То падаю, то взлетаю,

В спутницы правду зову.
Я верю — отпустят сына,
Я верю — отступит мрак,
Отхлынет горя лавина.
Я верю. Да будет так!

Станислав Горшков

Памяти Николая Гумилёва

Сумерки нового дня.
Яра в окошке заря.
Звякает дверь, отворяясь.
— Что, офицерская честь!
Выпить её или съесть.
— Где уж вам... — чуть улыбаясь.
Снята шинель без погон.
Отдал команде поклон.
Глянул, прищурясь, потом:
«Ах да, ведь это ЧК».
— Пусть же не дрогнет рука.
Цельтесь наверняка.
Щёлкнул затвор, досылая патрон.
С мёдом душа у летка...

Ярослав Смеляков

Сергей Есенин

Средь почты медленной и малой,
когда дороги замело,
однажды книжица попала
к нам в белорусское село.

Там на обложечке весенней,
лицом прекрасен и влюблён,
поэт страны Сергей Есенин
был бережно изображён.

Лишь я один во всей округе,
уйдя от мира, тих и мал,
под зимний свист последней вьюги
её пред печкою читал.

Поленья, красные вначале,
нагревши пламенем жильё,
чудесным блеском освещали
страницы белые её.

Я сам тогда, кусая руку
и глядя с ужасом назад,
визжал, как та визжала сука,
когда несли её щенят.

Я сам, оставив эти доли,
как отоснившиеся сны,
задрав штаны, за комсомолом
бежал по улицам страны.

И, озираясь удивлённо,
всё слушал, как в неранний час
дышали рыхлые драчёны,
ходил в корчаге хлебный квас.

Вспоминая Есенина

Было всё — и ничего не стало.
И метель упала на крыло.
Замела тропу на полустанок,
Замела дорогу на село.
Ни души!.. Метель промчалась мимо.
Как метель, полжизни пронеслось.
Думал утром свидеться с любимой —
С нелюбимой свидеться пришлось.
А казалось — всё навек забыто.
Оказалось — помнится сполна.
Обвалилась зеркалом разбитым
В тишь и стынь полярная луна.
Только свет безумный и бесплодный,
Только уголь полночи в окне,
Только угол, где паук голодный...
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?!

Памяти незабытого поэта

Он не менял поэзию на жизнь.
Он в Слове жил, как вечности посланец.
Он повторял, угрюмо глядя ввысь:
*«В своей стране я словно иностранец...»**

О, как прекрасен на закате свет!
Но зримому и явному не верьте.
Он был поэтом. Умер как поэт.
Но стал вдруг человеком после смерти...

* Цитата из стихотворения Есенина «Русь Советская».

Сергей Есенин

Синий огонь в предрассветной ночи
В сердце горит, не сгорая.
Нежное слово скажи, не молчи
Из безмятежного рая.

Не отцвело твоё сердце цветком,
С чёрной землёй не смешалось.
Ветер пушистым рязанским платком
Пусть обернёт мою жалость.

Молча у озера я посижу,
Там, где камыш и осока.
Душу к душе обращаю и спрошу,
Как же ушёл ты до срока?

И ликовала болотная тля.
Мать же не знала покоя.
На соловьиное горло петля
Брошена злобной рукою.

Песен твоих бесподобный бальзам:
Сколько ни пей — не напиться.
Буду в тоске предаваться слезам
Я, неутешная птица.

Вместе заплачем горючим дождём
Над горемычной страной.
Теплись, надежда, ещё подождём:
Светлое имя дано ей —
РУСЬ!

Владимир Зайцев

Сергею Есенину

Загорелась серебряным светом
Между туч голубая звезда.
Стал ты самым лиричным поэтом,
Но твой гений — твоя же беда.

Распустив белокурый свой локон,
Обнажив всю душевную грусть,
Побежал догонять тех, кто с Блоком
Воспевали родимую Русь.

Он — то барин, серьёзный и гладкий!
Ты, мальчишка, певец деревень,
Пел про липы, берёзы, лампадки,
Красоту и мужицкую лень.

А отстав, в переулочках узких
Опустился в подвальный кабак.
Эх, Сергей! Ты как истинно русский
Забывал в нём российский бардак.

Жаль, конечно, что рано сгорела
Утомлённая правдой душа.
Серебром голубым отзвенела.
Ах, чиста была! Ах, хороша!

Сон о Сергее Есенине

Купол небесного ситца.
В воздухе — нежная дрожь.
Поле. Кругом колосится,
Спеет озимая рожь.

Вижу: во ржи на приволье
Тихо Есенин идёт,
Вздохи родимого поля
Слушая, песню поёт.

Ветер отчизны ласкает
Волосы — злато колец.
Светом нетленным сияет
Тяжкий поэта венец.

Льётся Есенина песня,
Эхом в российских сердцах
Множится голос небесный...
Нет этой песне конца!

Ясный месяц

*Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звёздного огня.*
Сергей Есенин

Ясный месяц смотрит с вышины
И в воде холодного колодца,
Выплыв из бездонной глубины,
То грустит, то весело смеётся.

Сотни мелких звёзд вокруг него
Хороводятся в полночных весях,
Не желая знать, из-за чего
То грустит, то веселится месяц.

Так поэт чужд суетной толпе,
Равнодушно отвернувшей лица.
И, один на узенькой тропе,
Он поёт, грустит и веселится.

Денис Минаев

Сергею Есенину

То поле, то стёжка, а то перевал
Бывали не раз в твоей жизни.
Но голову гордо держа, прошагал
Ты, не изменяя Отчизне.

А жизнь далеко не похожа на штиль,
Встречала порой с кулаками.
И книги враги превращали в утиль,
Но люди дышали стихами.

Ты не лебезил, не ломал свой хребет
Пред сильными мира в изгибе.
И вот ты ушёл... И тебя больше нет.
Нашёл в «Англетере» погибель.

И, глядя бесстрашно костлявой в глаза,
Уснул на диване в гостиной,
Священные в сердце храня образа
С улыбкою непобедимой.

Анна Картавец

Сергею Есенину

Мне б Серёжу Есенина
Затвердить наизусть.
Где-то в сердце потеряна
Неизжитая грусть.

Ожил сон, былью ставший,
Над землёй прозвенело:
*«Клён ты мой опавший,
Клён заледенелый...»*

Наталья Алимова

Близкий и родной

Сергей Есенин... В этом сочетанье
Фамилии и имени слились
Заснеженных берёз очарованье,
Осенняя предутренняя высь.

Среди веселья кабаков столичных
Грустил поэт о матери своей,
О русских песнях, сызмальства привычных,
О шири константиновских полей.

Его судьба как скорый вольный ветер,
Как непокорный уголёк костра:
Её не подытожил жизни вечер,
Была она строптива и быстра.

Он херувим — прекрасный и безгрешный,
Он хулиган — безудержно шальной,
Неукротимый, искренний и нежный,
Такой понятный, близкий и родной.

Евгений Хазов

Есенинские мотивы

Отстудила зима, отметелила,
Отбахвалилась снежным ковром.
Блинной масленицей вскаруселила,
Полыхнув на прощанье костром.

Приутихли морозы трескучие,
Колкий ветер, шальная метель.
Вешней музыкой — лёгкой, певучею —
Зазвенела в сосульках капель.

Небосвод голубеет бездонностью,
Сердце радуют солнца лучи,
Скоро с буйной неугомонностью
Загорланят в берёзах грачи.

Песнь скворца вдохновенной мятежностью
Ранним утром разбудит от сна.
И волшебной рассветною свежестью
Одурманит мне душу весна.

По дороге Есенина

*Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

Сергей Есенин

Лечу по муромской дороге.
По ней когда-то, как во сне,
В Москву поэт по воле Бога
Скакал на розовом коне.

Душа поёт его стихами
О тихой русской красоте.
Тогда берёзки колыхали
Листвой вот так же в высоте.

Их воспевал Сергей Есенин
Восторженно порой любой.
С природой был он откровенен,
Не разделял её с собой.

Путём есенинским дорога
Ведёт в рязанские края.
Хотя бы миг мечтаю строго
Поймать его глазами я...

Сергей Соловьёв

Из «Персидского цикла»

О, край Есениным воспетый
В Нахичеванской стороне!
Не там ли грезился поэту
Прекрасный образ Шаганэ?

Здесь от Табриза до Шираза
Чинары водят хоровод.
Под звоны лютни, стоны саза
Светило белое встаёт.

И над орнаментом восточным,
В огне звенящей пустоты,
Встают видением полночным
Её забытые черты.

Маргарита Филатова–Клюева

Есенин

Есенин, Есенин...
В часы снегопада
Твой голос весенний
Для сердца — отрада.
Ты кружево мая,
Рассветная скрипка.
Лёд в сердце ломая,
Запела улыбка:
«Есенин, Есенин...»

«И счастья без подвига нет»

Памяти Бориса Пастернака

В мирской суете и ненастье
Смятение гложет сердца.
А людям так хочется счастья.
И ищут его без конца.

Но в чём оно, счастье людское?
В восторгах взаимной любви?
Быть может, в свободе, покое?
В беседе друзей vis-a-vis?

В богатстве огромном и власти?
В расцвете здоровья и сил?
А может быть, в подвиге счастье,
Который герой совершил?

Да, в подвиге — самом обычном,
Который даётся трудом, —
Трудом ежедневным, привычным.
И в хлебушке самом простом,

В своём уголке укромном.
Господь людям счастье даёт
В том хлебе насущном духовном,
Который за труд ниспошлёт.

Вспоминая Бориса Пастернака

Свеча на столе горит,
Смирняя времени бег,
О прошлом память хранит
Парящий в ночи снег.

Но снова придёт весна,
И ветер ворвётся в дом.
Река, очнувшись от сна,
Помчится в апрель льдом...

Николай Рыленков

Воспел он раздолье природы,
Родные леса и поля,
Ему, пареньку из народа,
Дарила красоты земля.

Воспел материнские руки —
Источник святой доброты,
Дождя неуёмные звуки,
Мальчишки простые мечты.

Рожденье великого Глинки
Он с песней связал соловья.
Поэт из смоленской глубинки,
В наследство нам — память твоя!

Ярослав Смеляков

Юрий Олеша

Не на извозчике, а пеший,
жуя потайно бутерброд,
в пальтишке стареньком Олеша
весной по улице идёт.

Башка апрельская в тумане,
ледок в проулочке блестит.
Как чек волшебника, в кармане
рублёвка старая лежит.

Её возможно со стараньем
истратить на закате лет
на чашку кофе в ресторане,
на золотой вечерний свет.

Он не богат, но и не жалок,
и может, если всё забыть,
букетик маленьких фиалок
одной красавице купить.

Но так тревожно и приятно
не обольщать и не жалеть,
а в переулочке бесплатно
снежком и наледью хрустеть.

Пускай в апрельском свежем мраке,
не отставая там и тут,
как бы безмолвные собаки,
за ним метафоры бегут.

Алексей Фатьянов

Мне во что бы то ни стало
надо б встретиться с тобой,
русской песни запевала
и её мастеровой.

С обоюдным постоянством
мы б послали с кондачка
все романсы–преферансы
для частушки и очка.

Володимирской породы
достолавный образец,
добрый молодец народа,
госэстрады молодец.

Ты никак не ради денег,
не затем, чтоб лишний грош,
по Москве, как коробейник,
песни сельские несёшь.

Песня тянет и туманит,
потому что между строк
там и ленточка, и пряник,
тут и глиняный свисток.

Песню петь–то надо с толком,
потому что между строк
и немецкие осколки,
и блиндажный огонёк.

Там и выдумка и были,
жизнь как есть — ни дать ни взять.
Песни те, что не купили,
будем даром раздавать.

Краснощёкий, белолицый,
приходи ко мне домой,
шумный враг ночных милиций,
брат милиции дневной.

Приходи ко мне сегодня,
чуть с устаточку хмелён:
посмеёмся — я ж охотник,
и поплачем — ты ж силён.

Ну-ка вместе вспомним, братцы,
отрешась от важных дел,
как любил он похваляться,
как он каяться умел.

О тебе, о неушедшем, —
не смогу себе простить! —
я во времени прошедшем
вздумал вдруг заговорить.

Видно, чёрт меня попутал,
ввёл в дурацкую игру.
Это вроде б не к добру-то,
впрочем, нынче всё к добру.

Ты меня, дружок хороший,
за обмолвку извини.
И сегодня же, Алёша,
или завтра позвони...

Наталья Алимова

Блокадные музы

Памяти

Варвары Вольтман–Спасской (1901–1966),

Веры Инбер (1890–1972),

Ольги Берггольц (1910–1975),

Маргариты Алигер (1915–1992)

Варвара, Вера, Ольга, Маргарита —
Святые музы тяжких дней блокады.
Прямолинейны, искренни, открыты,
Их строки бились сердцем Ленинграда!

Стихи, как метрономы, мрак взрывали
Костлявого безжалостного ада,
В них к стойкости сограждан призывали
Четыре музы долгих дней осады.

И город выстоял — бесстрашный, легендарный,
И имена не будут позабыты
Блокадных муз, воспевших подвиг славный:
Варвары, Веры, Ольги, Маргариты!

Поэзия Сергея Наровчатова

В небо взметнулась радостно
После гроз и дождей
Не фронтовая радуга —
Радуга мирных дней.

Друзья — с литфака ребята —
Навечно остались в строю.
О них Сергей Наровчатов
Сложит поэму свою.

Напишет о вёрстах военных,
О тех, кто любил и ждал,
О чувствах простых, сокровенных,
Что в жизни не раз испытал.

Сладко в кроватке дочка
С зайкой в обнимку спит.
Строчку сменяет строчка,
Сердце память хранит.

Боевые спутники

*К 75–летию Великой Победы.
К 120–летию Алексея Суркова и
Михаила Исаковского,
115–летию Якова Шведова,
110–летию Александра Твардовского*

Известны всем на всех фронтах
Василий Тёркин бравый,
Катюша с песней на устах,
«Землянка», «Клён кудрявый»...

Был с ними крепче дух солдат,
Они их в бой вели,
В тылу их знал и стар и млад,
К Победе с ними шли!

И ныне слава их жива,
Мы благодарны им.
Простые светлые слова
Поём, читаем, чтим.

**НОВЫЕ СМЕДЯКОВСКИЕ
ЛАУРЕАТЫ**

Елена Егорова

Елена Николаевна Егорова — член Союза писателей России, автор 37 книг, руководитель литобъединения «Угреша», дипломант московской областной премии имени М.М. Пришвина (2006, 2014, 2018), лауреат московской областной премии имени Я.В. Смелякова (2005, 2017), губернаторской премии «Наше Подмосковье» (2013, 2015, 2016, 2018). Удостоена благодарности полномочного представителя президента в ЦФО (2015). Награждена Патриаршей грамотой,

многими ведомственными, муниципальными и общественными орденами и медалями.

Ноябрьский вечер на Угреше

Ноябрьский вечер свеж и ясен.
Прозрачны, алы облака.
Притих блаженно старый ясень,
Берёзы шепчутся слегка.
Трава в узорах сине-белых.
У дуба на ветвях-руках
Манжеты листьев поседелых.
Окошки светятся в церквях
Таинственным огнём лампадным:
Он в перекрестьях строгих рам
И арках тёмно-шоколадных.
Живёт и дышит каждый храм —
Христовой веры средоточье.
Свечами древних куполов
Он славит Господа воочью
И златом розовым крестов...
Непросто передать словами
Нежданный праздник для души,
Вдруг породнённой с небесами
Ноябрьским вечером в тиши.

Тона весеннего утра

Играют тонкие тона
В туманной предрассветной дымке.
И проявляет их весна,
Как на старинном фотоснимке.

Вот очертанья всё ясней
Расцветшего поутру парка,
А дали всё синей, синей,
Но солнышко пока неярко.

Изящество светотеней
Разлито вешней акварелью.
Палитры красок нет нежней,
Чем у волшебника–апреля.

Гирлянды крошечных листков
Едва проклюнулись на клёнах...
Так просыпается любовь
В сердцах, тоскою опалённых.

Счастливых чувств полутона
Всё ярче в предрассветной дымке,
И проявляет их весна,
Как на старинном фотоснимке.

«Лунная соната»

Мы на концерт пришли прощальный
В знакомый зал, как будто в храм.
Бетховен музыкой печальной
Бередит раны сердца нам.

Ведь в этом зале мы когда-то
Впервые встретились с тобой,
Казалась «Лунная соната»
Прелюдией любви большой.

Как наши чувства были юны,
День ото дня всё горячей,
И поцелуи в свете лунном
Пылали тысячей свечей...

Теперь твой поцелуй холодный
Едва касается щеки.
Так, видно, Господу угодно:
Хоть рядом мы, но далеки.

Любовь уходит без возврата.
Увы, мы чувств не обновим.
И мощно «Лунная соната»
Звучит как реквием любви.

Страсть–смерч

Страсть налетела, точно смерч,
Двоих соблазном закружила.
Им показалось, что и смерть
Их разлучить теперь не в силах.
Им показалось, что парят
На крылышках любви беспечно,
Счастливых наслаждений ряд
Теперь продлится бесконечно.
И не расслышав адский смех,
Попрали заповеди Божьи.
Вдруг страсть утихла, точно смерч,
С размаха бросив в бездорожье.

Звёздные лебеди

Вечернее небо умылось алмазным дождём,
И капельки яркими звёздами вмиг засверкали.
И дивные звёздные лебеди Млечным Путём
Поплыли один за другим в бесконечные дали.

Куда вы летите, прекрасные птицы, куда?
К нездешним ли солнцам? К спиральям галактик?
Туда ли, где чистые души сияют в Господних садах,
Где люди земные ещё никогда не бывали?

О, звёздные лебеди, чудится, слышу ваш зов
И душу облегчить спешу покаянием чистым.
Торите нам путь в те края, где лишь Свет и Любовь
Лелеют всех любящих в нежных объятьях лучистых.

Весна в Крыму

Черешни и яблони в кипенно–белом цвету,
А персиков ветки в атласном узорочье розовом.
Мне кажется всё в этом крымском весеннем саду
Рассветною сказкой, волшебною райскою грёзою.

Махровые кисти в лазурь окунула сирень,
Пион древовидный в роскошных малиновых венчиках.
Гудение пчёл, певчих птиц неумолчная звень.
Садовые ландыши в каплях бутонов–бубенчиков.

Синеют барвинки, желтеет акации куст,
И жимолость льёт ароматы повсюду тончайшие...
И ветер морской прочь уносит тревогу и грусть
Души, по теплу, красоте и по свету скупающей.

Барон Мюнхгаузен и планета X

Пародия–фантазия

— Уважаемые господа, я пригласил вас сегодня, чтобы признаться, что несколько месяцев назад ввёл всех в заблуждение, — начал свой рассказ Мюнхгаузен, сидя в кресле у камина. — Помните, как я летал на пушечном ядре в неприятельский лагерь во время турецкой кампании? Так вот, я скрыл от вас правду, господа, из опасения, что вы ни за что не поверите мне. Честно признаюсь: я вовсе не сразу вернулся в наш лагерь, пересев на встречное ядро, а полетел гораздо дальше. Я и сам был удивлён, но моё ядро, преодолев силу земного притяжения, понесло меня в космос. Луна осталась позади, наша планета быстро удалялась и наконец стала похожа на яркую голубую звезду.

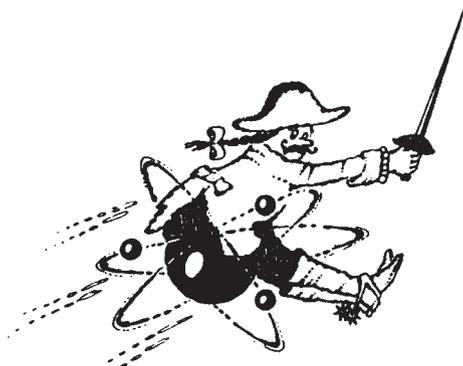
Тут мне вдруг начали попадаться космические глыбы, я еле–еле успевал от них увёртываться и один раз чуть не столкнулся лоб в лоб. Если бы не хвост пролетавшей встречной кометы, не сидеть бы мне здесь с вами. Я ухватился за этот хвост, немного изменил орбиту, вдруг почему–то полетел ещё быстрее и, как метеор, пронёсся мимо красного Марса прямо к Юпитеру. Ну и огромная планетица, доложу вам! Она притянула меня к себе, и я начал крутиться как заведённый вокруг неё. Кабы не ухватился за хвост летевшей от Солнца другой кометы, наверное, навсегда остался бы спутником Юпитера. Комета утащила меня за собой, я отцепился от её хвоста и помчался дальше мимо Сатурна и Нептуна.

Плутона не видел, господа, врать не стану. Эта планетка близ меня не пролетала. Может, она на другой стороне от Солнца тогда была? Точно не знаю.

И снова полетели мне навстречу всякие бесформенные астероиды и кометы, но только хвосты у комет там были совсем коротенькие: и ухватиться–то не за что! Но Бог милывал, благополучно миновал я и это опасное место. Чувствую, что снова стремительно ускоряюсь. Пригляделся, а там ещё одна планета есть. Не иначе как та самая неизвестная планета X. Значит, не врут астрономы. Сначала мне показалось, что она не больше Марса и тоже красная. Когда

же я приблизился, то понял, что это такая же громадина, как Юпитер. Ну, может, немного поменьше. Врать не стану. И какая—то тёмно—багровая. Облетел я вокруг неё и сам не знаю, как так получилось: моим ядром, будто из пушки, планета X выстрелила, и я помчался с бешеной скоростью в обратном направлении вместе с парочкой комет. Вы поняли, господа? Оказывается, именно эта планета X нашу Землю опасными кометами бомбардирует! Но я нёсся быстрее них и хорошенько дёрнул за хвост каждую попавшуюся мне на пути, чтоб ненароком не угодила в Землю.

Так быстро мчалось моё ядро, что я едва успевал считать встречные планеты: Нептун, Сатурн, Юпитер, Марс. Вот и матушка—Земля! Ох как обрадовался я, господа, как соскучился в чёрном космосе по нашим зелёным лесам и лугам, голубым озёрам и рекам! Лечу в облаках и думаю, как бы мне не врезаться в землю на такой смертельной скорости да не попасть к туркам в плен. И снова волею Божией всё обошлось. Недалеко от вражеского лагеря я соскочил с ядра, потащил себя за волосы вверх и тем самым затормозил своё падение. Вот тут—то мне и попалось встречное неприятельское ядро, я на него сел и благополучно приземлился на лугу, близ от нашего лагеря. Ведь со мной вместе ядро весило больше, чем без меня, поэтому чуть—чуть не долетело. Что случилось с тем ядром, на котором я к планете X летал, спрашиваете? Так вот, оно со всего маху угодило прямо в турецкий лагерь, уничтожило неприятельскую дивизию, чем и обеспечило нашу победу. Так—то, господа!

Святая Ульяния Новоторжская

Поэтическая диалогия

Иллюстрации В.И. Бурянина

1405 — 1407 годы

Торжок

Святая Ульяния Новоторжская и князь Юрий Смоленский

I

Несёт потемневшие воды Тверца,
Не видно ни рва, ни дорожки.
Спит город усталый, и только дворца
Во тьме золотятся окошки.
Там все веселятся, хоть ночь глубока,
Там слышатся песни хмельные:
Пирует князь Юрий, наместник Торжка.
Смоленские земли родные
Недавно он кинул, гонимый Литвой,
Но, властный, жестокий и смелый,
Изгнанник обласкан престольной Москвой,
Назначен в тверские пределы.

Надменно глядит на пирующих он.
По правую руку от князя
Сидит его верный соратник Семён,
Рождённый и княживший в Вязьме.
Собою красив, благороден, умён
Отважный потомок Мстислава,
Как Юрий, литовцами вотчин лишён,
И горе с ним делит, и славу.

Повсюду разносится праздничный шум,
Несут князю яства и чаши,
Но Юрий Смоленский, как туча, угрюм,
Не рад он ни мёду, ни брашнам.
Не слышит ни песен, ни льстивых речей,
Ни кубков заздравного звона,
Лишь молча глядит из-под хмурых бровей
Со страстью на жёнку Семёна.

Идёт, словно пава, к столу не спеша
Младая княгиня Ульяна,
Как ангел небесный, собой хороша:
Бела, черноброва, румяна.
Не могут другие боярыни с ней
Сравниться ни ликом, ни станом,
Но ласковым взором прекрасных очей
Не Юрия дарит Ульяна.
Бросает свой нежный и любящий взгляд
Она на родного супруга,
А Юрия злость отравляет, как яд,
И зависть к счастливому другу.

Уж месяц влюблённый наместник ходил
Вокруг ненаглядной Ульяны,
Но к гнусной измене её не склонил
Ни златом, ни хитрым обманом.
Отвергла она и подарки, и лесть,
Оставив его за порогом.
Княгиня хранит, как сокровище, честь
И верность супругу пред Богом.
На Юрия холодно смотрит она —
Сгорает он пуще от страсти.
Любви не помеха висков седина,
Князь сам над собою не властен.

Дать ковш золочёный велит себе он,
Наполнив его, возглашает:
«Пусть здравствует многая лета Семён,
Князь Вяземский!» Сам обнимает
Соперника подлый властитель, а в бок
Ему на глазах у Ульяны
Вонзает нежданно булатный клинок,
И падает муж бездыханный.

Бросается с криком к Семёну жена,
А Юрий её обнимает
И, думая: «Будет моею она!» —
С волос ей корону срывает...
В борьбе окровавленный нож со стола
Отважно хватает Ульяна
И в руку наносит — где силы взяла? —
Убийце глубокую рану.
Её отпустив, он взирает, как кровь
Из раны струёй вытекает,
И дикая ярость былую любовь
Из сердца его вытесняет.

Княгиня с испуганным бледным лицом
Во двор из палат выбегает,
Но быстро её за высоким крыльцом
Князь Юрий с мечом настигает.
Безжалостно рубит беглянку в куски,
В мученьях она погибает.
Он тело велит бросить с берега реки...
Холопы приказ исполняют.
В глазах своих подданных гнев и укор
Князь видит и всё понимает,
Не в силах стерпеть величайший позор,
Трусливо Торжок покидает.
Князь скачет вдоль речки и, словно в бреду,
Зовёт исступлённо Ульяну...
Наутро, опомнившись, едет в Орду
С поклоном к татарскому хану.
Себя от бесчестья он хочет спасти,
Стремясь на чужбине забыться,
Да только убийцы и там не в чести,
От совести негде укрыться.

II

Лампада в пещерке в венёвских лесах
Всю ночь пред иконой мерцает.
Спит праведный старец, пустынный–монах,
Но гость его глаз не смыкает,
Глядит на икону с мольбой на лице,
И худ, и оборван, и грязен.
Никто не узнал бы в простом чернеце
Могучего некогда князя.
В степях и в лесах, на Руси и в Орде,
И в зной, и в морозы, и в бури
Скитался он долго. Покоя нигде

Не смог обрести себе Юрий.
Пустынный его приютил у себя,
Обмыл ему раны водицей.
Заблудших и сырых смиренно любя,
Наставил он князя молиться.

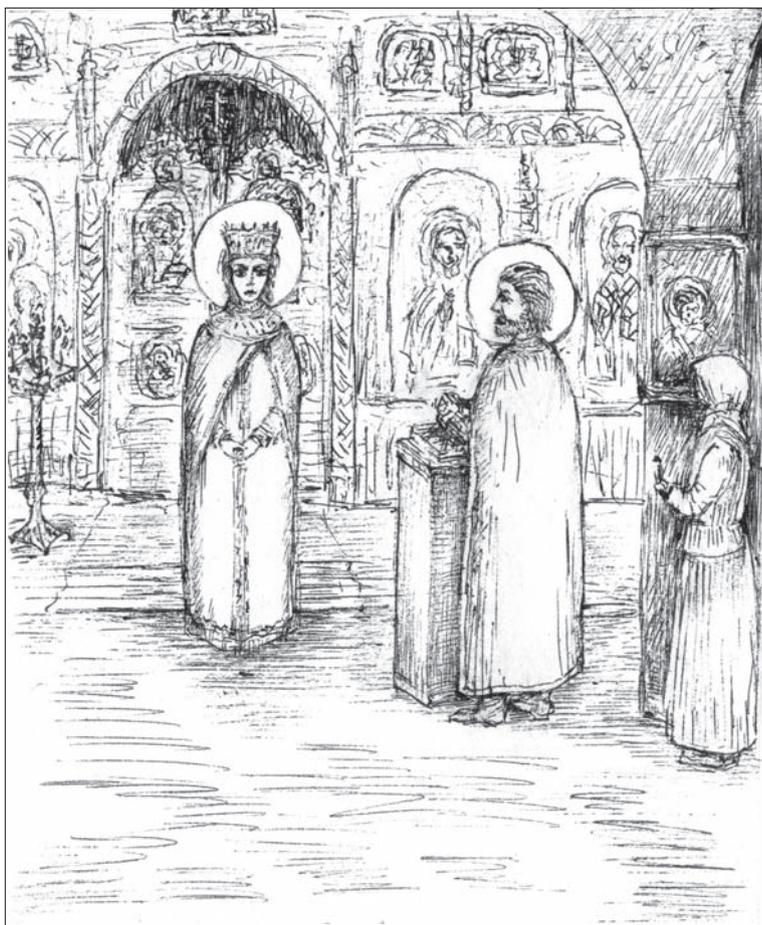
Теперь на коленях в горячих слезах
Князь молится денно и ночью:
«О Боже! Погряз я в смертельных грехах,
Помилуй меня, если можно.
Навеки нетленную душу свою
Сгубил я, убийца поганый,
Но знаю: Тебя воспевают в раю
Теперь и Семён, и Ульяна.
О Господи, сбился я, мерзкий, с пути,
Был пленником страсти позорной,

Гнуснее меня никого не найти,
Приму наказание покорно.
О Господи, близок последний мой час,
Тебя лишь молю непрестанно:
Услышь покаяния позднего глас...»
Умолк он и сник, бездыханный.

Святая Ульяния Новоторжская и благоверный князь Семён Вяземский

I

Во храме соборном царит тишина,
Лампады горят в полумраке,
Едва различимы икон письмена,
Святых драгоценные раки.
Семён, князь–наместник, снимая убор,
Знаменьем себя осеняет,
С поклоном смиренным заходит в собор,
Главу пред иконой склоняет,
Возносит молитву о благе Торжка,
О занятой недругом Вязьме,
Где княжил он раньше: тоска велика
О родине храброго князя.
Окончив моление, глядит он кругом.
Безлюдно так рано во храме,
Лишь молится дева в углу за столпом.
Полны её очи слезами
И светом такой неземной чистоты,
Что замер Семён, поражённый:
Нигде не видал он такой красоты,
Как будто сошедшей с иконы.

В сраженьях с Литвой с юных лет закалён,
Он знал пораженья, победы.
О браке не думал доселе Семён
И счастья любви не изведал.
Любуется девою прекрасною князь,
Застывши под паникадиллом.
В измученном сердце любовь родилась
И душу собой осветила.

Меж тем собирается к службе народ.
Плывут колокольные звоны,
Заутреня чином обычным идёт.
Блистают в окладах иконы,
Струится таинственно пламя свечей,
Летят в небеса песнопенья,
Читает Евангелье вслух иерей...
Окончено богослуженье,
И храм покидает в смятенье Семён:
Весь мир для него изменился.
Находит ту девушку юную он,
Чьим обликом чистым пленился.
«Скажи мне, о девица, как тебя звать? —
С поклоном её вопрошает. —
Из чьей ты семьи, кто отец твой и мать?»
Робея, она отвечает:
«Ульянией, княже, меня нарекли
Родители. Имя простое.
В могилу они много лет как сошли,
Оставив меня сиротою.
Боярин Максим Гостомыслов, отец,
Растерзан жестокой толпою.
За то лишь мучительный принял конец,
Что мира хотел он с Москвою.
Тоскуя о нём, моя мать умерла.
Но нет, не горька моя доля:
Я в доме у дяди как дочка росла.
Во всём видна Божия воля.
Я Господа Бога смиренно молю,
Чтоб мир воцарился над Русью,
Чтоб души родителей были в раю,
Не ведая боли и грусти».
«Что ж, девица милая, счастья тебе», —
Промолвил ей князь. Неторопко,

Простившись с Семёном, пошла по тропе
В свой терем Ульяна с холопкой.

С тех пор видит часто боярышню князь
В соборе, в рядах, на гулянье.
Сильней с каждым днём разгорается страсть
Нежнейшая к юной Ульянье.
Князь шлёт к Гостомысловым добрых сватов,
Подарки любимой невесте.
И вскоре под сводом родных куполов
В соборе стоят они вместе.
Блистают венцы. Они клятву дают
О верности вечной пред Богом.
Из храма под звон новобрачных ведут
К украшенным дивно чертогам.
Ликуют в Торжке и бояре, и люд.
Разносят им брашна и вина.
Заздравные песни повсюду поют
О князе младом и княгине...
С Ульянией нежен, заботлив Семён.
В любви, уваженье, согласие
Зажили они христианской семьёй,
Но было недолгим их счастье.

II

Князь Юрий Смоленский вернулся в Торжок,
В Московии был он два года.
Не молод уж князь, своеволен, жесток,
Гордится он знатностью рода.
Надеется Юрий вернуть свой престол
В Смоленске в союзе с Москвою:
Поддержку Василия–князя обрёл
В борьбе с обнаглевшей Литвою.

Соратника радостно встретил Семён.
Князя на пороге обнялись.
Под славными стягами русских знамён
Не раз они вместе сражались.

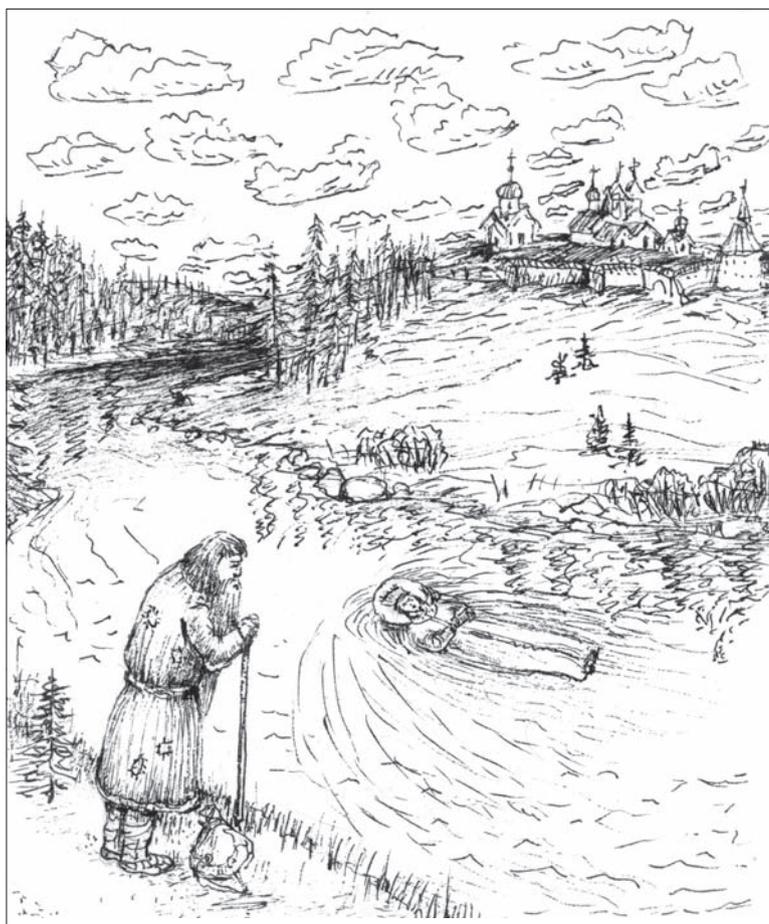
На две половины Торжок поделён,
И правили ими согласно
Одною — князь Юрий, другою — Семён,
Покуда Ульяны прекрасной
Смоленский не видел. Княгини краса
Развратника так поразила,
Что мнит он повсюду большие глаза,
Улыбку и стан её милый.
Лелеет нечистые помыслы князь,
От страсти своей будто пьяный,
И, дружбы с Семёном ничуть не стыдясь,
Склоняет к измене Ульяну.

Княгиня прекрасная с ним холодна,
Нарочно его избегает:
Порочным страстям неподвластна она,
Соблазны его отвергает.
Князь Юрий то молит её, то грозит.
Всё тщетно: он как пред стеною.
Ульяния строго ему говорит:
«Почто, княже, ходишь за мною?
Напрасно ты трудишься. Как я могу
Супруга любимого ложе
Предать оскверненью?! Я честь сберегу.
Спаси и наставь меня, Боже!
Я лучше умру, свою клятву храня,
Чем дело свершу таковое.
И если ты, князь, не оставишь меня,
То будешь изранен ты мною».

Но Юрий, не слушая робких угроз,
Гордыни своей не смиряет.
В нём пламень желаний сильнее возрос,
Он злобную месть замышляет
И вдруг на пиру безо всякой вины
Семёна клинком убивает,
У всех на глазах его верной жены
И плечи, и стан обнимает.
Ульяния смело кровавым клинком
Коварного ранит злодея.
Князь Юрий во гневе булатным мечом
Пронзает и грудь ей, и шею.
Безгласное тело с обрыва в Тверцу
Холопы послушно бросают.
Но нету покоя в душе подлецу...
Убитых в церквях величают,
И всякий горюет о них новотор.
Семёна хоронят со славой.
На русской земле величайший позор
Обрёл их убийца кровавый.
Страшась поношения, Юрий, к стыду,
Покинул родные святыни,
Подался к татарам в Златую Орду,
Но хан его в свиту не принял.

III

Бредёт на обедню погожим деньком
По берегу расслабленный шатко.
Порты и рубаха в заплатках на нём,
Дырявые лапти да шапка.
Страданье застыло на бледном лице:
Болезный умаялся зело.

Вдруг с ужасом видит он: вверх по Тверце
Плывёт бездыханное тело
Боярыни юной. Прекраснейший лик
Не портят глубокие раны.
Сняв шапку, убогий главою поник:
Узнал он княгиню Ульяну.
Вдруг слышит: «Не бойся, не будет беды.
Ступай, возвести иерею:

Пусть грешное тело возьмут из воды,
В собор отнесут поскорее,
С молитвой направо полдневных дверей
Моё совершат погребенье.
За веру тебе по молитве моей
Дарует Господь исцеленье».

Расслабленный, чувствуя крепость в ногах,
Шагает уверенно в гору.
Исчезли в душе и сомненье, и страх.
Подходит он быстро к собору
И молвит о чуде святому отцу.
Священник рассказу дивится,
Ведёт крестным ходом народ на Тверцу.
Княгиню берут из водицы,
Святое нетленное тело несут
В собор, на указанном месте
Во каменный гроб с песнопеньем кладут,
Воздав величанье по чести.

Глядит на молящихся в храме с тех пор
Ульяния строго с иконы,
А с образа рядом возносят свой взор
На Господа очи Семёна.
В Торжке почитают княгиню святой.
У раки свершая моления,
Безумный и хворый, хромой и слепой
Имели не раз исцеленье.

В церквях новоторжских в молитвенный час
Разносится глас и поныне:
«Моли милосердного Бога о нас,
Ульянья, святая княгиня!»

Денис Минаев

Денис Викторович Минаев — поэт, прозаик, секретарь правления Московской областной организации Союза писателей России, генеральный директор издательства «Серебро Слов», лауреат литературной премии имени Я.В. Смелякова (2017), автор книг «Моя родная» (2009), «Поэт и осень» (2010), «Мне бы в юность» (2013), «Стихи разных лет» (2015), «Автограф» (2017), книжки-раскраски для детей «Одуванчик» (2013). Имеет общественные награды: Золотая Есенинская

медаль, Большая серебряная медаль им. Н. Гумилёва, медали им. М. Лермонтова, И. Бунина, С. Маршака, Я. Смелякова.

Моя родная

Ты пробовал когда-нибудь проснуться
Так просто в тишине ночной?
Погладить волосы и нежно прикоснуться
К девчонке, ставшей для тебя женой.

Потом, когда глаза привыкнут к ночи
И ты увидишь милые черты,
Сильнее чувствуешь, что счастлив очень, —
Ведь в этом мире есть она и ты.

Лежишь ты тихо — так, как только можно.
Лаская взором вместо тёплых рук.
И даже дышишь как-то осторожно,
Чтоб не встревожить сна любимой вдруг.

Ты счастлив, ведь тебе известно будет,
Что у неё под сердцем, там внутри,
Спит кто-то третий — маленькое чудо —
Плод вашей нескончаемой любви.

Ты ощущаешь прелесть жизни рядом.
И для неё защитник — только ты.
Лежишь и смотришь опьянённым взглядом.
И в сердце согреваются мечты.

Потом уснёшь... А поутру проснувшись
И посмотрев на милую свою,
Обнимешь крепко, скажешь, улыбнувшись:
«Моя родная, я тебя люблю!»

Портрет

Я хочу тебя нарисовать,
Отразив в глазах печаль глубокую,
Женщина с великим званием — Мать,
Ставшая неожиданно одинокою.

Помнится, когда-то во дворе
Ребятка твоя играла, балуясь.
Нежность всю и ласку детворе
Отдавала, на судьбу не жалуясь.

Муж родимый в финскую пропал —
Вам в любви пожить совсем не дали.
Бил врага, геройской смертью пал,
Но не легче от его медалей.

И в круговороте трудодней
Ты домой спешила на закате.
Четверых растила сыновей
В небогатой деревенской хате.

А когда война стучалась в дом,
Слабости раскрыться не давала.
И почти что каторжным трудом
Ты в тылу с фашистом воевала.

С той поры прошло немало лет.
Дети разлетелись, словно птицы.
Но твой тёплый материнский свет
Через сотни вёрст для них лучится...

Я хочу портрет нарисовать.
Будет он божественно красивым:
Женщина с великим званьем — Мать,
На руках держащая Россию.

Подарок

У тебя сегодня праздник —
День рождения. Тридцать лет.
Я, как мальчуган–проказник,
Появился лишь в обед.

Опустил глаза смущённо,
Подарив тебе букет.
И промямлил огорчённо:
«Извини, подарка нет...

В смысле, нет шикарной вещи:
Перстня с камушком опал,
Модной сумочки для женщин,
Что полгода обещал.

Мой сюрприз немного странный.
Хоть, конечно, — не гламур». —
Тут Подарок из кармана
Вылез. И тихонько: «Муррр...»

Пёс

*Ведь может быть тело дворняги,
А сердце — чистойшей породы!*

Эдуард Асадов. Стихи о рыжей дворняге

Ехал в электричке с дачи.
Видел горькую картину:
На платформе пёс бродячий
Подставлял прохожим спину:

«Вы погладьте сиротину,
Поделитесь бутербродом.
Я же ласковая псина.
Хоть дворняга, без породы.

Жил я с мальчуганом Саней,
Что залиvisto смеялся.
А потом весною ранней
Он уехал. И семья вся.

Сколько здесь сижусь? Не знаю.
Может, долго. Может, слишком.
Жду. Вернётся мой хозяин
В наш родимый городишко...»

Люди мимо всё бежали,
Никого не замечая.
Было пса совсем не жаль им.
Он бродил один печально.

Из вагона вылетаю,
Словно узник — да на волю!!!
«Эй, дружок! Я — твой хозяин.
Ну привет! Пойдём-ка, что ли?...»

Сергей Соловьёв

Сергей Васильевич Соловьёв — поэт, член Союза писателей России, член-корреспондент Российской академии литературы, лауреат литературных премий «Золотое перо Москвы», имени А.С. Грибоедова, Г.В. Свиридова, Р.И. Рождественского, Я.В. Смелякова. Автор книг «Апология чувств», «Поздние письма», «Незримый мост», «У вечности на краю», публикаций в литературной периодике, цикла романсов и лирических песен.

Награждён орденом Святого князя Александра Невского, Золотой Есенинской медалью, медалями Ушакова, Суворова, Смелякова и другими.

* * *

Страшитесь одиночества в толпе.
В ней каждый безысходно обособлен,
Потерян, равнодушен и озлоблен,
Заброшен, предоставлен сам себе.

А помните, в какие времена
Прекрасные и трудные мы жили?!
Нас бескорыстно женщины любили,
И вдоволь было песен и вина.

Теперь не похоронят по-людски,
Сожгут в печи, согрев вселенский холод.
Без нас забудет мир духовный голод
И воцарит безвластие тоски.

Не будет ни надгробья, ни креста,
На нас грехи грядущих поколений.
И грозен лик в безумье сновидений
Невинно убиенного Христа.

Аллеи памяти

Вы слышите, добрая Фея:
Каноны отвергнув свои,
Души удалой не жалея,
В Ширазе поют соловьи?!

Под сполохи дальней зарницы
Напевов серебряный дым
Над памяти чистой криницей
Прольётся дождём голубым.

И мысли умчатся далёко
В страну белокурых берёз —
Туда, где над тихой протокой
Хмельной отзвенел сенокос.

Где тонкие нежные ивы,
Светлы и безмерно робки,
Замрут по-девичьи пугливо,
Заслышав чужие шаги.

Там юность, там вечное детство,
Там помнят ещё обо мне
Друзья, что росли по соседству,
И липы в ночной тишине...

О край мой, тебе я обязан
За то, что душою богат.
Незримыми узами связан
С рассветом последний закат.

Что жизнь пронеслась, не жалею,
Как другу, бессоннице рад,
И памяти старой аллеей
Иду не спеша, наугад.

Вы спите... И пусть вам приснится
Садов белоснежных метель,
Пока полыхают зарницы
И льётся волшебная трель.

* * *

Мой товарищ угрюм и зол, —
А когда-то влюблённым был.
Он однажды в себя ушёл,
А вернуться назад забыл.

Жизнь в табачном горит дыму,
И не радует белый свет.
Лишь порой ледяную тьму
Разорвёт о любви сонет.

И, как искры, взлетят слова,
Поджигая ночную мглу.
И замрёт за окном листва,
И фонарь замрёт на углу.

Одиночество — лучший враг,
Одиночество — лучший друг.
За порогом — глухой овраг,
За оврагом — безбрежный луг.

А в окно глядит пустота,
Ни души — зови не зови.
Но летит над тенью креста
Одинокая песнь любви.

* * *

Грусти и помни обо мне!
Я верю, мысль материальна!
Любовь проста и гениальна!
Как свет в отравленном вине.

Она мой грех на судном дне!
В душе, что не со мной отныне,
Глас вопиющего в пустыне —
И жизнь и смерть в твоём окне...

* * *

Я жизнью бит не раз, но в будни серые,
Наполненные грустью и тоской,
Я верую, как в детстве, твёрдо верую
В непогрешимость чувств и род людской.

И вера эта, словно лебедь белая,
В душе моей неистойвой живёт.
И что б судьба моя со мной ни делала,
До дней последних вера не умрёт.

Я этой верой жив и ей единственной
Молюсь, седую голову склоня.
И счастлив тем, что свет её таинственный
Горит в ночи холодной для меня.

Андрей Шульмин

Андрей Андреевич Шульмин — поэт, лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2017), дипломант московской областной премии имени Р. Рождественского в номинации «Поэтический дебют» (2018), победитель конкурса «Посадская лира» в номинации «Молодёжный Пегас», учитель математики. Автор книги стихов «Исповедь будущего учителя» (2017) и публикаций в газете «Угрешские вести», альманахах «Угрешская лира» и «История Угрешши».

Любимой

Я на колени робко опускаюсь,
Твоей души коснусь душою.
Тебе я, словно ангелу, дивлюсь,
Оставив в прошлом боль с тоскою!

Ведь ты — мой судьбоносный поворот.
С тобой навеки будем вместе!
Твоя любовь поддержит, и поймёт,
И даст совет без лишней лести.

С тобой секунды длятся, как года,
А век промчится за мгновенье.
С тобой забуду раз и навсегда
Про все былые огорченья.

Так пусть по жизни нас не разлучат
Ни ссора, ни беда, ни охлажденье,
И свечи вечные любви горят,
Даря нам страсть и наслажденье!

Бессильные мира сего

Архангел взмахнул белоснежным крылом,
Усталые плечи расправил.
Апостолы, сидя за длинным столом,
Составили людям свод правил.

Однажды скрижали принёс Моисей,
На праведный путь направляя.
А нынче закрыты сердца у людей,
Не манят их прелести рая.

И что для нас ад, если он на Земле?
Зачем нас пугают котлами,
Когда мы давно верим только себе,
Дела подменяя словами?

Когда лучший друг за спиной держит нож,
Любовь стала просто товаром,
Тебя продадут за ржавеющий грош,
А может быть, даже и даром.

И старость не радость, а детство лишь миг —
Мы стали взрослеть много раньше.
Так просто застрять в паутине интриг,
Сплетённых из лжи и из фальши!

И что нам, неправедным, делать теперь?
Кому свои души доверить,
Коль в наших сердцах пробуждается зверь,
Дремавший за разума дверью?

Да, мы не животные, только, увы,
Навряд ли мы лучше них стали.
Ведь войны жестоко колотят гробы
Да слышится всюду звон стали.

Коль рай существует, для нас он закрыт:
Не ждуг там убийц и воришек.
И ныне стоит в нём единственный скит
Невинно убитых детишек.

Архангел взмахнул белоснежным крылом,
Надежды пустые оставил.
И пепел разнёсся над длинным столом —
Нет больше ни мира, ни правил...

Театр чувств

Вновь чувства копятца за каплей капля,
Сосуд души переполняя до краёв,
И я живу тем роковым спектаклем,
Где место главное отныне лишь твоё.

Подмостки чувств поскрипывают тяжко,
До блеска стёртые спектаклем прошлых дней.
Сдавила горло тесная рубашка,
А декорации менять мне всё сложнее.

Вот занавес закрылся. Акт закончен.
Оваций нет. Не слышно криков: «Бис!»
Срок годности, видать, у чувств просрочен,
И роль желанную вдруг потерял артист.

Русы

Раскрывает Коловрат
Мощный свод небесных врат.
Русов стройные ряды
Входят в райские сады.
Русый волос, синь в глазах,
Речкой голос на устах.
Статных, преданных людей
Тор встречает у дверей.
И навстречу к праотцам
Их ведёт за руку сам.
В пояс поклонившись им,
Братья вспомнят старый гимн.
И прольётся в облаках
Песнь о прожитых веках,
О походах, о боях,
О захваченных краях.
Про великий русский род,
Про бесстрашный наш народ.
О душевной широте
Да природной красоте.
О величии в сердцах
И немой тоске в глазах.
Про открытый, тёплый нрав
Да про запах свежих трав.
Про былое и про нас,
Чей ещё не пробил час.
Будь достоин, русский брат,
Путь пройти до райских врат.
Честь свою не растеряй,
Уважай родимый край,
Почитай отца и мать,
Сам семью стремись создать.
Возрасти родную дочь
Нежной, чуткой, словно ночь.

Сына вырасти бойцом,
Чтобы в бой шёл за отцом,
Чтобы славный русский род
Процветал за годом год!

Гитары перепевы,
Мотивов переплёт.
И муза моя нервно
Опять к себе зовёт.

Копя в душе сплетенья
Событий, лиц и дат,
Искал я вдохновенья
И очень ему рад!

Найти большое в малом
И сложное в простом —
Как бег по мокрым шпалам
В вагоне голубом.

Излить в стихах сомненье,
Обиду и печаль.
И чудные мгновенья,
Что позабыть мне жаль.

Всё удалось мне нынче:
Спасибо, чувств поток,
Что плачет в час унынья
Стихами на листок...

Урешский Нарнас

Валерий Аушев

Валерий Петрович Аушев — известный писатель, журналист, историк, президент Межрегиональной общественной организации содействия развитию культуры и искусства «Содружество творческих сил», член Союза писателей и Союза журналистов России, руководитель творческого центра Всероссийского созидательного движения «Русский лад». Автор и составитель более 30 книг прозы и поэзии, сценария телесериала «Звезда Ломоносова»; лауреат 10 профессиональных

премий, в числе которых московская областная премия имени Я.В. Смелякова (2008). Имеет государственные награды.

Из книги стихов для детей «Солдатская каша»

Детям войны посвящается

Крылатый почтальон

Почтовый голубь возвращался в город,
В горящий город с маленьким письмом.

А в нём:

«Держитесь! Окруженье скоро
Прорывом танковым сметём!»

...Тянулась дымка с городских пожарищ.
Разрывы бомб и визг фашистских пуль.
В таком аду не долететь, пожалуй, —
Какой опасный птице выпал путь!

Летит, не зная, что клочок бумаги
Придаст бойцам и силы, и отваги,
Окрепнет ослабевший гарнизон.
Но два крыла, багряные, как флаги,
Повисли вдруг. Вниз камнем — почтальон.

Хотел подняться голубь, не поднялся:
Бескрылому один лишь путь — ползком...
Но почтальон в бою не затерялся,
Его нашли в окопе с письмецом
На лапке, под расплюснутым кольцом.
...Неслась лавина танков, нарастая.
И над остывшим сизым храбрецом
«Ура!» летело, словно птичья стая.

В музее краеведческом хранится
Листочек, что войною опалён.
И рядом — голубь, мраморная птица,
Крылатый и бесстрашный почтальон!

Новогодняя баллада

Наверное, метель мела над Лосью,
И уцелевший подмосковный лось
Бродил у перелеска, по откосу,
По кладбищу, продрогшему насквозь.

Победой сорок пятый год встречали.
Её приметы были налицо.
И всё же Дед Морозы нам вручали
Подарки... с похоронками отцов.

Хотелось есть — мы рисовали танки
И стратостаты в небе над Кремлём,
И дзот фашистский брали мы в атаке,
И «Трёх танкистов» пели под столом.

В детсад за нами мамы приходили
И, кутая в цветастое тряпье,
В нас уберечь и сохранить хотели —
В глазастых прутиках — уютное тепло...

Я спал в углу, за печкой порыжевшей,
И не видал я, сколько влажных глаз
Предновогодних, сердобольных женщин
Вдруг устремилось на меня сейчас.

Они шептали: «Сын какой, Маруся!
Ну что ревёшь? Вернётся твой с войны». —
И красные, смущённые, с мороза,
На стол подарки сыпали свои.

А тётя Даша, шумная соседка,
Стакан парного молока внесла
И рядом с ёлкой, под нависшей веткой,
Поставила на краешек стола.

Духмяная, горячая, «в мундирах»
Плыла картошка под весёлый гул.
И голос Левитана из эфира
Бил тостом новогодним по врагу!

Затрепетала радостно гитара.
Проснулся я, похожий на сверчка.
«Сам Дедушка Мороз принёс в подарок
Тебе стакан, смотри—ка, молочка...»

А я ревел, размазывая слёзы,
Доказывал, горланя на весь дом,
Что молоко не дарят Дед Морозы,
А если дарят, то несут бидон!..

И в первый раз так хохотали громко
За столько лет страданий и невзгод.
В сердцах ломалась ледяная кромка —
Шёл долгожданный сорок пятый год!

Солдатская каша

За обедом с Наташей беда:
Каша, видите ли, не еда!
И когда, заплакав, скажет:
— Не доела!
Не хочу я пшённой каши,
Надоела!..

Я сажусь, берусь за ложку:
— Ты не сразу, понемножку...

И косится Наташа с опаскою
На меня и на кашу солдатскую.

— Для бойцов еда военная —
Каша пшённая, отменная!
На привале и в походе,
После боя и тревог
Для солдата лучший отдых —
Пшённой каши котелок!
Каша с маслом, рассыпуха,
Где крупинки легче пуха!
Каша, пахнущая летом
И огнём передовой.
Каша, едущая следом
Вместе с кухней полевой...

Над тарелкой наклоняюсь
И довольно улыбаюсь.
Слышу шепоток Наташи:
— Дай и мне солдатской каши!

Лётный шлем

Быль 1950-х годов

Привёз мне дядя Гера лётный шлем:
— Бери, пилот! Дарю я насовсем.
Бери, чудак! С ним небо станет ближе.
Ну, что стоишь? Он твой теперь, бери же...

В тот день с моим отцом он хохотал:
— Я летаю, я ещё не стар,
Хоть крылья подпалила мне война,
Но жизнь без неба, веришь, не нужна!..

Он спал у нас, а утром стал прощаться:
— Встречаться нам приходится нечасто,
Так дай обняться с другом фронтовым,
Коль не видался столько лет и зим!..
Мы с дядей Герой из подъезда вышли.
— Коль время будет, мне письмишко вышли.
Как закаляешь волю — в двух словах,
И навсегда забудь, что ты — слабак!
Ну, будь здоров! —
И он свернул за дом
(Неподалёку был аэродром).

...Второй урок невидимый штурвал
Уверенно в полёте я держал.
Вот накренил крыло, и в разворот
Послушно входит умный самолёт,
Вот скорость звука я преодолел...
— Как ты своим жужжаньем надоел! —
Учительница громко говорит
И принимает очень строгий вид.

Но вдруг я вскрикнул, увидав в окне
На класс летящий самолёт в огне,
Пронёсся смерчем воющим над нами,
Задребезжали жутко стёкла в раме,
И ужас происшедшего до нас
Дошёл, когда от взрыва вздрогнул класс
И штукатурка полетела на пол...
И вечером сказал мне тихо папа:
— Спас друг мой школу. А себя не спас...

Я плакал, а из темноты дождя
Шептал мне голос:
— Ты и впрямь дитя,
А я-то думал — вымахал до крыши!..
Носи мой шлем.
Да не робей. Бери же!

Ксения Александрова

Ксения Яковлевна Александрова — поэт, член литобъединения «Угреша», её произведения публиковались в альманахе «Угрешская лира».

Семейная реликвия

Памяти свекрови

*Генриэтте Анатольевне
Александровой от автора. К. Симонов. 9.II.60*
Дарственная надпись на книге библиотекарю
Союза писателей Узбекской ССР

1

Урождённая москвичка,
Исхудавшая, как спичка,
Чёрный крест несла в блокаду
Мученика–Ленинграда.
В госпитале — санитарка.
Ночью тушит зажигалки.
У подростка сердце стонет,
Горький плач зажмёт ладонью:
Гаснет мама молодая.
— Продержись, моя родная.
Бомбы, голод, холод, беды...
Жили с верою в победу.
Потому и выдюжили,
Потому и выжили.

*Генриетта Александрова (1925–2014).
Ташкент. 1948 г.*

2

Ослабила когти блокада.
На землю большую — так надо! —
Вывозят недужных людей.
Поправьтесь, родные, скорей.

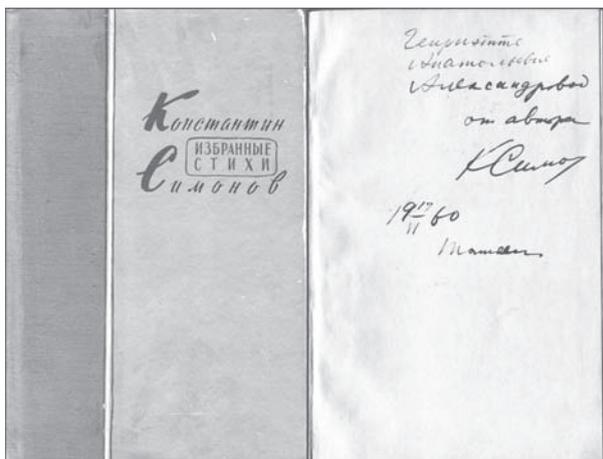
Бабуля и внучка — семья,
Осталось всего лишь два «Я»,
А раньше в семье было пять.
Не стоит, не надо считать.
Восточная хлебная даль,
Утешь горе, силы им дай...

3

*Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал...*

Константин Симонов

Видя лик войны суровый,
Бить фашистов призывал,
Сбросить с Родины оковы.
Он уверенность вселял:

Книга К. Симонова с дарственной надписью

Победителем Россия
Выйдет в яростной борьбе —
Дух народа смелый, сильный,
Верен он в бою себе!

Враг грозил существованью
Всей отчизны, но, мощна
И с мечом в народной длани,
Поднялась на бой страна.

4

Томик избранных стихов в шкафу на полке.
Жар поэта сердца пышет на страницах.
Симонова «арсенал» в душе хранится.
Поверяла близким памяти осколки:
«Книга — дар поэта! — добрая мне доля.
Эпизоды жизни внукам первым долгом
Расскажу, в войну что с нами было,
Как узбекская земля нас приютила,
Как учила и кормила-одевала.
И как Симонова там я повстречала...»

Наталья Алимова

Наталья Юрьевна Алимова — поэтесса, член Союза писателей России, заместитель руководителя литобъединения «Угреша», лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2014), премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» (2016), лауреат и дипломант нескольких литературных конкурсов, автор поэтических сборников «Мгновенья трепетного счастья» (2011), «Цветы медуницы» (2014).

Воспоминания немецкого пса

Я помню, как был лопоухим щенком,
И мальчик Гюнтер со мной играл,
Как он всегда от отца тайком
Меня кормил, обнимал, ласкал.

Его отец, немецкий солдат,
Со мною был суров и жесток:
Сёк плёткой меня много раз подряд,
Если не мог я усвоить «урок».

Если не мог на гостя напасть,
Дружески если вилял хвостом, —
Прут мне горячий пихал он в пасть,
Кованым лапы давил сапогом.

Я был ещё глуп и не понимал
Причину злобы безмерной сей.
А Гюнтер меня к груди прижимал,
Когда за отцом закрывалась дверь.

Вскоре «учиться» меня отвели.
Там было много таких, как я.
Чтоб ярость в себе воспитать смогли,
Вкусили мы вдоволь пинков и битья.

Учили нас жертву на части рвать,
Пищу не брать, не бояться стрельбы...
Как тяжко всё это мне вспоминать!
Нет горше собачьей моей судьбы!

Потом нас в вагонах душных везли —
На равных с солдатами воевать.
Хозяев послушаться мы не могли:
Собаки рейха должны убивать!

Мне офицер первый дал приказ:
Девочку в поле ржаном загрызть.
Поводок отстегнул, скомандовал: «Фас!»
Рука с автоматом взметнулась ввысь.

Девчушка стояла совсем одна,
Приветливо так улыбалась мне.
Псу доверяла она сполна,
Малышка не ведала о войне.

Бешеным вихрем к ней подлетел, —
Должен я исполнить приказ!
И вдруг... присел и остолбенел,
Увидев блеск лазоревых глаз.

Такие у Гюнтера были глаза —
Цвета неба в солнечный день.
Ладочки я принялся ей лизать.
Но тут надо мною нависла тень.

Прикладом огрел офицер меня:
«Ты что, негодная тварь, лежишь?!»
Трепал за холку, сердито браня:
«Званьем кригхунде не дорожишь?!»

Потом свирепо, нещадно бил,
На визг перешёл его грозный крик.
И тут я вскочил из последних сил
И крепко вцепился ему в кадык.

Стала кровь фонтаном хлестать,
Фашиста предсмертная била дрожь.
Я видел, как к девочке мчалась мать,
Схватила её и рванулась в рожь.

А после фельдфебель меня пристрелил:
«Не смог он вермахту послужить!»
Я тихо падал, не заскулил.
А русская девочка будет жить!

А у куколки есть ножки!

Маленькая девочка сидела
На больничной койке одиноко,
На кукляшку жалобно глядела,
Говорила ей с тоской глубокой:

«У тебя есть ножки, дорогая,
С ножками богатств других не надо!
Ты весёлая, счастливая такая!
Ножки — это лучшая награда!

Ну а я вот после той бомбёжки,
Когда маму с братиком убило,

Потеряла стопочки на ножках.
Мне так больно и так жутко было!

Дай, тряпичными твоими хоть немножко
"Пошагаю" тут по краешку кровати
И представлю, что опять есть ножки,
Помечтаю радостно и сладко!

Обещал мне дядя–доктор добрый:
"Скоро ножки мы твои поправим!
А пока — держи–ка бублик сдобный,
И в бутылку веточку поставим!"

Истопник принёс мне неваляшку:
"Погляди, она совсем без ножек!
День–деньской качаться ей не тяжко,
Подтолкнёшь — не упадёт, не сможет!"

Нянечка мне домик подарила, —
Как всамделишный: с окошками, с терраской, —
Чтобы я играла, не грустила,
Чтобы слёзки не блестели в глазках.

Только разучилась улыбаться
И свою беду–печаль не скрою.
Мне по коридору пробежаться
Было б самой радостью большою!

Куколке без надобности ножки,
Ведь она ходить не может ими,
Надевать калошки и сапожки,
Прыгать в "классики", как я могла своими!

Я уже на цыпочки не встану,
Не станцую лебеда в балете.

И, наверное, пугаться станут
И дружить со мной не будут дети!

Ах, как хорошо, когда есть ножки!
Можно без игрушек веселиться!
Пусть же та проклятая бомбёжка
Больше никогда не повторится!»

Портрет Победы

— Какая она, Победа?

— Красивая и молодая,
С глазами, полными света,
Но только... совсем седая.
В косах — пепел Хатыни,
Лёд блокадного ада,
Окон московских иней,
Снег рубежей Сталинграда.

— А может, Господь Всевышний
Вплёл ей искусно в косы
Ветви цветущей вишни,
Алмазные майские росы?

Идёт по земле Победа
Красивая и молодая,
С глазами, полными света,
Счастьем мир озаряя.

Любовь Богомолова

Любовь Владимировна Богомолова — психотерапевт, кандидат педагогических наук, автор трёх выпусков книги «Театр жизни. Авторские притчи» и других, лауреат губернаторской премии «Наше Подмосковье» (2015, 2016, 2018).

Гадина гадюка

Из цикла «Театр жизни. Авторские притчи»

Жила себе в болоте гадюка подколотная.
Гадина коварная, кусачая. Никто с ней не играл.
Такая злющая была! А укусить и некого.
С обиды разругалась с другими гадами.
А ночью уползла от них.
Ползла всю ночь. Замёрзла.
Призадумалась. Ведь жить охота!
А тут деревня на пути.
Пруд с лебедями. Фонтан. Японский бонсай. Ручейки...
Все люди добрые. Все улыбаются.
— Иш-ш-шь, — зашипело зло в гадюке. —
Иш-ш-шь как живут в домах красивых.
А я вот мучилась в болоте. Ну погодите у меня!
С недобрый помыслом клубком свернулась злюка.
Наутро видит, девочка зеленоглазая бежит.
Косички с бантиками яркими,
Беретик на глаза сползает.
Залюбовалась бы змея, да мысли гадкие мешают.
И зашипела, тихо подползая.
— Ты кто? — с восторгом девочка спросила.
— Гадюка, из болота гадина. Ш-ш-ш...
— Ну а зачем шипишь?

— Сдерживаю злость. Виш-ш-шь, мне плохо. Я некрасива. Вот и зла!

— Но мама с папой всё ж тебя любили. Вон ты как выросла.

— Ах, девочка, меня кусали.

То биш-ш-шь гадко обращались.

И папа-змея. И гадюка-мама.

Весь век росла среди гадов я.

— Ах, бедненькая моя! — пожалела её девочка и руку протянула.

Хотела гадину к себе прижать. И накормить, и приласкать.

Гадюка встрепенулась. Так захотелось укусить и яд свой впрыснуть, умертвить доверчивую девочку!

Прыгнула к ней. Но девочка с испугом отскочила.

— О, что ты делаешь?

Вновь песню та заводит:

— Весь век я с гадами жила. В болоте, виш-ш-шь.

Меня кусали папа-змея, гадюка-мама...

Тут к дочурке отец подошёл. Услышал, что с кем-то говорит. Увидел злюку гадюку, лопату взял и изрубил. Сгнила гадина на солнце.

Мораль сей притчи такова.

Коль тварь ползучую увидишь с недоброю молвой,
не слушай про родство всех гадов, про болото.

Бери палку — и убивай. Иль уходи, на разговоры твари не ведись.

Короче: доверчивость, что первозданна, отважно защищай.

Натали Владимировна Владо (Ананова) — член Союза писателей России, автор сборников «Стихи мои — моя судьба» (2007) и «Белочкин орешек» (2009), лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова. Её произведения печатались в тбилисских периодических изданиях, в московских журналах, в альманахах «Академия поэзии», «История Угрешы» и «Угрешская лира», в подмосковных газетах.

Из цикла «Иронические рассказы»

Оркестрик

Концерт начался неожиданно. Основная партия принадлежала Маргарите Фёдоровне. Она ухитрялась приводить в действие сразу несколько инструментов, да так здорово, что непременно привлекала всеобщее внимание: хочешь не хочешь, а прислушаешься.

Вторым номером можно было бы назвать Нину Алексеевну, которая мастерски владела духовыми инструментами и умудрялась вливаться в партию Маргариты Фёдоровны очень своевременно и органично.

Свирель Анны Семёновны тоненько вступала в дуэт, образуя невообразимо гармоничное трио, звучащее, впрочем, как небольшой оркестрик.

И наконец, своеобразный шарм звучанию придавала маленькая, сухонькая Софья Марковна: её неподражаемый ксилофон серебряными капельками вливался в мелодию.

Впервые оказавшись на таком необычном концерте и слушая его в полной темноте, я думала о том, как всё это неординарно, как четыре почти незнакомые друг другу и слабые здоровьем женщины без репетиций (а в том, что не было ни одного прогона программы, сомневаться не приходилось) сумели создать такой необычный квартет, такое

неординарное произведение искусства. Каждая исполняла свою партию самозабвенно, с чувством, не допуская ни малейшей фальши.

Мысли мои были прерваны глухим ударом и режущим слух скрипом резко открывшейся двери. На пол упал прямоугольник света. Разъярённая, как фурия, дежурная медсестра влетела в больничную палату: «Прекратите храп! Заснуть не даёте!»

Оркестрик умолк.

Похищение

Он действительно был очень красивый, как говорится, ладно скроенный. И понравился ей сразу. Вот как увидела его, так и полюбила. Лола вообще была сентиментальной женщиной, и это часто вызывало усмешку её богатых и, как она, ни в чём не нуждающихся подруг.

И вот теперь всем о нём рассказывала. Времени у неё было предостаточно: муж, занятый бизнесом, уходил на работу рано, а приходил очень поздно, и Лола целыми днями ездила то по гостям, то по магазинам и, конечно же, брала с собой своё сокровище, касалась его легко и нежно.

Её особенно приводила в восторг гладкая ухоженная кожа. Она частенько поглаживала его и испытывала при этом невероятно приятные ощущения, называла его то пампусиком, то кукусиком.

Он хранил много её секретов, даже любовную записку от мужа двоюродной сестры. Все деньги, которые выдавал ей по утрам собственный муж, Лола доверяла своему ненаглядному. Тратила много, а сколько именно, знал только он.

Более всего Лола боялась его потерять. Ей казалось, что к нему нельзя остаться равнодушным, что кто-нибудь непременно польстится на его красоту и ухитрится захватить себе. Особенно её тревожили алчная и необузданная жена магната туалетного бизнеса и неразборчивая в интимных связях сестра директора центрального рынка. Поэтому к ним Лола даже ездить перестала и им его не показывала. Однако мир не без добрых людей, и обе, как она в душе называла их,

стервы пронюхали о новом увлечении подруги и нанесли сентиментальной дамочке торжественный визит, однако так ни с чем и уехали, ибо та вовремя увидела в окно знакомые машины и успела предупредить прислугу, чтобы не открывали дверь.

И всё–таки это произошло. В огромном фешенебельном магазине. Вдруг она обнаружила, что его нет. Нигде нет! Лола позвонила домой. И повар, и домработница ответили, что нет его и дома. Бедная дамочка бегала по магазину от одного прилавка к другому, но никто его не видел. Похитили, похитили!

Ей показалось, что она видит в толпе наглые ухмыляющиеся рожи недавних визитёрш, однако ничего нельзя было поделать. Мужу позвонить Лола не смела: даже представить страшно, как бы он разозлился. Поэтому она набрала номер лучшей подруги, которая, поняв всё с полуслова, приехала тут же на своём шикарном авто. Обе почти рыдали. Сквозь всхлипы Лола подробнейшим образом расписывала весь свой день, не понимая, когда и как он мог исчезнуть...

Дома, заботливо окружённая домработницей, поваром и прибежавшей соседкой, она горько плакала. Нет, ей не было жаль денег, ей было горько и больно от потери любимого кошелька.

Инна Гильченко

Инна Феликсовна Гильченко — поэтесса, бард, член Союза писателей России, лауреат конкурсов авторской песни, лауреат литературной премии имени Я.В. Смелякова (2006), автор аудиодиска (2006) и поэтической книги «Снежный соловей» (2008). Её стихотворения публиковались в альманахе «Угрешская лира», журналах «Поэзия», «Российский колокол», «Подмосковье», в газете «Угрешские вести», других периодических изданиях и коллективных сборниках.

Скрипач

На нём пушистый белый свитер,
И скрипка плачет и поёт,
А осень листья на пюпитр,
Как нотные листы, кладёт.

И музыка не остаётся:
Она летит, она плывёт,
То светлым дождиком прольётся,
То вдруг в улыбке оживёт.

Так хороша невыносимо —
До сумасшествия, до слёз!
Так осязаемо незрима,
Так высока — превыше грёз...

Я подойти к нему не смела,
Но помню счастья моего
Пушистый свитер — белый-белый —
И скрипку... Больше ничего.

* * *

Невыносимо скучная зима,
Такие равнодушные морозы.
Она устала, видно, и сама
От этой серой бесконечной прозы.

Не та строка ложится на листок,
Не те друзья без стука в двери входят.
И то, что ты хотел бы, да не мог,
Уж не случится — время на исходе.

Всё спит вокруг. Лениво дремлет ночь,
И ей самой, быть может, месяц снится.
Пусти меня, зима! Пойди ты прочь...
Дай дописать остывшую страницу.

* * *

Усталого сердца приглушены тоны.
Вокзалы, перроны, дорог перетряски.
Деревьев скрипучие тихие стоны.
Осенние листья — агония красок.

Который уж год повторяется осень,
Но только сильнее, и ярче, и строже
Который уж год эта осень уносит,
И жизнь нам становится на год дороже.

...Но всё же красиво до слёз, и напрасно
Я тихим слезам не давала согреться.
В безумном пожарище бешеных красок
Всё плачет моё безутешное сердце.

Покуда меня не оставят сомненья,
Покуда ещё эта горечь туманна,
Я в осени буду искать вдохновенья,
В котором не будет ни праха, ни тленья,
В котором не будет ни капли обмана.

* * *

Учили музыке, не спрашивая жертву:
Гибридом ли горчит созревший плод?
И чувства, перемешанные ветром,
Куда-то осень с листьями несёт.

Старик-любовник стонет и трясётся,
И лязгает протезами зубов.
Да нет же: это в ночь калиткой бьётся
Казнённая фантазией любовь.

Приемля тьму этюдов безразмерных,
Ты и на дыбе счастлив можешь быть.
Для совершенства нас, несовершенных,
Нам музыку дозволено любить.

Порой осенних лет — за гранью лета —
Ты, подчинившись, должен умереть.
Поэзия — не музыка ли это?!
Попробуй лучшее из этой жизни — спеть.

Мы одиноки, но единоверцы.
Осталось мне, сознательно любя,
Наладить музыку и ею бить по сердцу,
А посвященья помнить про себя.

Весенняя песенка

Улыбается собака.
Загорает кот ничей.
Из–под ледяного лака
Шелестит фольгой ручей.
Всё–то здесь теплом согрето.
Всё–то здесь ласкает глаз.
Наша добрая планета
Повернула к солнцу нас.

Припев:

*И жур–жур–жур–журчит ручей.
И мур–мур–мур–мурлычет кот.
И непонятно, что за чем.
А может, всё наоборот:
Мур–мур–мур–мурчит ручей.
Жур–жур–жур–журлычет кот.
Весна заводит хоровод
И кружит головы грачей.*

Развесёлые весенние,
Развесенне веселы,
На окне цветут растенья,
Симпатичны и милы!
На окне цветут растенья.
За окном весна поёт...
Я скажу вам: в это время —
Бесконечно всем везёт!

Припев.

Станислав Горшков

Станислав Владимирович Горшков — член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2016), автор сборников стихов «Зелёная тетрадь» (2012), «Отчего не представить мне...» (2015), его стихи публиковались в альманахах «Угрешская лира» и «История Угрешы», газете «Угрешские вести» и других СМИ.

Снежный этюд

Зима захватила столицу с наскока.
А снегу—то сколько! А снегу—то сколько...
И город предстал стороной непривычной —
Кондитерско—пряничной, антиграфичной.
Он неба касается дымной щекою,
Чуть—чуть подпирая прямую трубою.
Здесь встреча Гольфстримья с матёрым востоком.
А снегу—то сколько!
И, тихо дрожа, пробегают трамваи,
С разбега глубокую дымку пронзая.
По рельсам позёмку метя голубую,
Зима куролесит напропалую.
Машины буксуют в сугробах жестоко.
Нервозно и скользко.
Во двориках выросли снежные бабы,
И снежная крепость, и снежный корабль.
Весь воздух блаженный и сливочно—хладкий.
И теплятся окна, как будто лампадки.
На горках катаются дети с восторгом.
Мне будто бы к жизни прибавилось срока...
А снегу—то сколько!..

Вспоминая Ганса Сакса

Жил да был один сапожник.
Не скажу, чтоб плохо жил.
Сапоги тачал надёжно,
С ремеслом своим дружил.
Рано утром на работу
В мастерскую шёл в подвал
И до вечера без счёту
Клеил, шил и подбивал.
Было дела изобилье.
И кто знает, почему
Перед сном глубоким крылья
Представали вдруг ему.
И, легко взмахнув руками,
Он до самого утра
Реял вровень с облаками.
Что ж, ни пуха ни пера!
Не поэт и не художник,
Не танцор, не музыкант.
И молчал себе сапожник,
Что летать имел талант.
Он работал в полной силе —
Всё на совесть, не за страх.
И все в городе ходили
В крепких ладных сапогах.

Волки и овцы

Переложение басни Эзопа

Однажды в стадо овцам на собранье
Послали волки дивное посланье:
«Давайте, овцы, будем мирно жить.
Со стадом вашим мы хотим дружить.

Нет злобы в нас. Свидетель — небеса!
Разделим: вам луга, а нам леса.
Ну разве с наступленьем темноты
Мы выйдем нюхать на лугу цветы.
Но показать наш кроткий добрый нрав
Мешает злой, свирепый волкодав.
Лохматый и жестокий этот пёс
Нас, сырых, застращал уже до слёз.
Мы к вам с душой, а он лишь злобно лает,
Гоняет нас, кусает, обижает.
И чтоб волков со стадом крепла дружба,
Прогнать собаку поскорее нужно».
С волками овцы тут решили помириться,
Заблеяли: «Чего ж нам не ужиться?
Нелепица на них лепить ярлык врага.
Пусть будут им леса, пусть будут нам луга.
Тем более что волки уж не те,
Там более клянутся в доброту,
Тем более у них одни мечты —
Пойти понюхать на лугах цветы.
Тем более сторожевой Трезор
Должон давно уж получить отпор:
Без видимой причины часто лает
И ногу неприлично задирает».
Жить в мире — никакого нет позора.
За дружбу овцы. Всё! Изгнать Трезора.
Все подняли копыта дружно «за».
Пошёл Трезор куда глядят глаза...
Прошло немного дней. Всё шло как надо.
Но отчего-то поредело стадо.
Суть басни? Что сказать тебе, свет мой?
С волками никогда не будь овцой!

Говорите с деревьями

Говорите с деревьями чаще,
Говорите с деревьями нежно.
И в дремучей еловой чаще,
И в березняке безмятежном.
И когда на пороге ненастья
Пробежится по ветвям ветер,
Вы спросите у них с участием:
«Почему вы такие, ответьте?»
А какие — такие? Не знаю.
Может, сложные, может, простые,
Но как святость я понимаю,
Так деревья — почти святые.
Что им надо? Горсть влажного праха,
Солнца луч, чтоб проклюнулось семя,
Но с каким же упорным размахом
Любит жизнь их зелёное племя.
И они зимой за околицей,
В снеговые закутавшись блузы,
Воздев ветки, качаясь, молятся
Волокнистому Иисусу.
И в смирении долговеликом,
В постоянстве своём неизменном
Умирают без плача и крика,
Чтобы стать доской и поленом.
Говорите с деревьями чаще,
Говорите с деревьями нежно.
С безответностью настоящей,
С молчаливостью неизбежной.
И быть может, у грани несчастья,
Приподняв зелёные ветви,
Они спросят у вас с участием:
«Почему вы такие? Ответьте».

Алексей Гушан

Алексей Николаевич Гушан — поэт, публицист, член Союза писателей России, руководитель молодёжной студии (г. Люберцы), лауреат московских областных литературных премий им. Р.И. Рождественского (2018) и Я.В. Смелякова (2016), победитель и лауреат ряда международных и всероссийских литературных конкурсов и фестивалей, автор книг стихов «Земля Тишины» (2015), «Любуясь жизнью» (2017). Награждён медалями имени И.А. Бунина и Я.В. Смелякова.

Под Рождество

И снова ночь. И снова торжество.
Сверкая, с неба падают снежинки.
В Диканьке... Нет, в Малаховке и с жинкой...
Не так. С женой иду под Рождество

Колядовать. Тулуп. Мешок. Айда
Нести веселье в дремлющие массы.
Вдруг вижу, что сидят на теплотрассе
Два брошенных рождественских кота,

А может, кошки. Дело ведь не в том,
Какого рода Божии творенья.
Я положил пред ними угощенье
И поделился праздничным теплом.

Как ладно в мире всё заведено!
С небес снежинки падают, сверкая.
Иду с женой, а рядышком шагают
Две кошки... Два кота? Не всё ль равно.

Лежит в углу иконная доска.
Простая деревяшка — не икона.
Она чиста. Ни одного мазка
На ней не видно. Досок миллионы,
А образов, чтоб сердце трепетать
Заставили, едва ли много встретишь.
И хочется навечно замолчать,
Когда икону дивную заметишь.

Лежит в углу иконная доска.
Простая деревяшка — не икона.
Вокруг неё безмерная тоска...
Но добрый мастер, положив поклоны,
Смахнёт с доски уныние и пыль
И примется с молитвою за дело.
А мир, что был бесформенным и серым,
Вдруг обретёт неповторимый стиль.

Твоя рука божественно легка,
О Добрый Мастер! В жизни запылённой
Моя душа — иконная доска —
Мечтает стать прекрасною иконой.
Возьми её, смахни рукою пыль.
Нет в мире для доски иного счастья!
Поправь лампы гаснувший фитиль
И чудо сотвори, о Добрый Мастер.

То было в июле... То было в июле
Такого числа,
Когда все дневные заботы уснули
И липа цвела.

И белая ночь над июлем парила —
Не сыщешь белей!
Под липой Пречистая Дева Мария,
Три ангела с Ней.

Пресветлая велику Тайну носила
Во чреве Своём.
— Тебе бы родиться, Младенец мой милый,
В цветенье таком!

Три ангела крыльями тихо взмахнули
И скрылись в заре...
Младенец — творенье — родился в июле.
Творец — в январе.

Гроза на Руси

Доходяга–деревня лежит меж разбитых дорог.
Ни о чём не мечтает, о помощи больше не просит.
Из полсотни дворов копошатся безрадостно восемь.
Ешь и пей, кудри вей — доходяги известен итог.

Хоть ты тресни — известен! И только сосед–баламут
Бесшабашно поёт, словно кем–то нарочно обучен.
А на небе черно. А на небе бесчинствуют тучи.
И не вспомнить уже, что в грозу на Руси не поют.

Юрьев день

Снег валит. Раздолье детворе!
Снежный бой на каждом перекрёстке.
Белое в новинку в декабре.
Отскрипела старая повозка.

Ей теперь заслуженный покой
До апрельских соловьиных трелей.
Мир сейчас доверчивый такой,
Как новорождённый в колыбели.

Молодёжь, как стайка воробьёв,
Пролетит, других не замечая.
Принесу домой охапку дров
Из заиндевелого сарая.

Всё вокруг сверкает и спешит.
Лишь сосед с изогнутой клюкою
У колодца молча постоит
И пойдёт, качая головою.

— Что невесел, дедушка Фома?
Оглянись—ка, красота какая!
— Нонче будет лютая зима.
Слышишь, как в колодце завывает?!

Владимир Зайцев

Владимир Иванович Зайцев — поэт, член правления Московской областной организации Союза писателей России, лауреат московских областных литературных премий имени Р.И. Рождественского (2016) и Я.В. Смелякова (2014), автор книг «Птица–загадка», «В краю берёзовой весны», публикаций в журнале «Поэзия» и других.

Долг

Всё, что пройдено, то свято.
Под ногами едкий дым,
Это долгий путь солдата
По дорогам фронтовым.

Трудный путь в своей отчизне,
А в чужой стране вдвойне.
Ничего дороже жизни
Быть не может на войне.

У судьбы порядок строгий:
Коль не враг, то, значит, ты
Тихо ляжешь вдоль дороги
Под могильные кресты.

Где в окопах рвутся мины,
Пули пчёлами снуют,
Снова вырастет малина,
Снова птицы запоют.

Но останутся на плитах
В длинных списках имена.
Так отдаст свой долг убитым
Неубитая страна!

История

Нам не построить пирамид.
И местным фараонам
Сама история велит
Послушаться учёных.

Они так часто говорят
И пишут в книгах толстых:
«Богатства в толще лет сгорят,
Сгниют все на погостах».

...Но продолжается война,
Война без поля брани.
Сотрут столетья имена
И обезличат камни.

Иван да Марья

На крылечке присяду, как встарь, я.
Вспомню: рядом они сидят.
Папа с мамой — Иван да Марья —
На меня, малыша, глядят.

Я хочу говорить и слушать,
Но приходится вспоминать.
Жили трудно чистые души,
Где вы нынче, отец и мать?

Может, в светлых заоблачных весях
Вы друг друга навек нашли.
За покой ваш молю Бога здесь я
Как последний грешник Земли.

Эхо сражений

Тишина как набат,
Ни минуты покоя.
В моём сердце звучат
Тихих дней перебои.

Прижимаюсь к земле
И сажень за саженью
Слышу стоны полей,
Эхо прошлых сражений.

Снова скошена рожь,
Стаи птиц привлекая,
Малой родины дрожь
Я душой ощущаю.

И, мальчишка в те дни,
Помню край этот милый:
Среди жёлтой стерни —
Холмик братской могилы.

Праотцовское поле

Ни заботы, ни боли не зная,
Давят поле колёса по краю.
А моё — праотцовское — поле
Материнские руки пололи.
Под военные частые грозы
Не дожди поливали, а слёзы.
Слава Богу, опять колосится
Урожайное море пшеницы.

Ялта

Сентябрьский бархат
Седого Крыма,
Без жёлтых листьев,
Огня и дыма.
Закат в полнеба,
Цветные крыши.
Спешит дорога,
И море дышит.
Урчит машина,
Закрыты стёкла.
На мне рубашка
Насквозь промокла.
Как яхта к морю
Прижалась Ялта,
В тени деревьев,
В плену асфальта.
Дворцы на скалах,
Дома на склонах,
То красно-рыжих,
То вдруг зелёных.
Цепляясь взглядом
На каждом метре,
На город смотрит
Гора Ай-Петри.
Скользят отвесно
По скалам гладким:
Душа — на волю,
А сердце — в пятки.

Анна Картавец

Анна Олеговна Картавец — член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова, автор поэтических сборников «Ветка сирени» (2006), «Песни луне» (2009). Её произведения печатались в «Литературной газете», журналах «Поэзия», «Российский колокол», альманахах «Угрешская лира» и «История Угреши», в подмосковных периодических изданиях.

Осенний снег

Опустился на землю,
Словно только прилёт на ночлег,
И на ней чутко дремлет
Первый тихий осенний снег.

Неуверен и робок,
Словно радость боясь спугнуть,
Он застенчив немного
И не ждёт холодов отнюдь.

И теперь неизвестно,
Как бело стало всё вокруг.
Неба вечная песня
Над землёй прозвучала вдруг.

И на мир сходит тайна
Волшебства и туманных грёз
Несказанно, нежданно
Под сиянием ясных звёзд...

Моей бабушке

Чтоб не помнить своих одиноких скорбей,
Ты кормила с руки голубей.
И ты слушала утром звенящую тишь.
В ней ты с нами теперь говоришь.
Ты навеки светла своей юной душой,
Оттого мне с тобой хорошо.
И пускай ты ступила за дальний порог,
Твоей жизни не кончится срок.
Ты в растущих на поле колосьях овса,
Где свежа и кристальна роса.
Ты в лучах, что играют в зелёной листве,
Ты в небесной плывёшь синеве.
Ты, наверно, стара и прекрасна, как мир,
Как любовь, что прославил Шекспир.
Ты, как мой талисман, среди ночи и дня
Бережёшь и спасаешь меня.

* * *

Вновь обретаю на жизнь давние права,
Если в душе есть ты, если любовь жива,
Если в разлуке есть капля земной тоски,
Той, что родит стихи запястьем лёгкой руки,
Если, обняв тебя, я в объятьях сжимаю мир,
Сердце растёт, как солнце, растёт в глубину и вширь.
И на песни мои никем не наложен запрет.
Я же пою о том, что, кроме любви,
ничего в целом мире нет.
Может, мы все огнём её рождены,
Точно дыханием вечно живой Весны.
Слышите, мне не уняться,
Новые сердцем ищу слова.
Миру хочу признаться
В том, что Любовь жива.

Максим Алексеевич Клюев — член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2011), автор сборника «Тени. Блики. Отражения» (2011). Его произведения публиковались в журналах «Поэзия», «Слово Отчее», газетах «Угрешские вести», «Московский литератор», в альманахах «Угрешская лира», «История Угреши» и других изданиях.

Подарок для Деда Мороза

Из цикла «Легенды города осени»

— Так, стало быть, на покой собрался, Глеб Егорыч? — директор института смерил испытующим взглядом пожилого заведующего отделением. — Что так скоропалительно?

— Всё лучше, чем скоропостижно. — Глеб угрюмо зыркнул исподлобья. — Надоело костлявой со мной в поддавки играть. Данилыч, не трави ты душу!

— Ишь ты, лирик нашёлся. Стихов не пишешь, нет? Ты хирург, Глеб! А распустил нюни, как зелёный практикант!

— Старею. Уходить надо вовремя, Паша. Давай читай нравоучения молодым, а у меня за спиной целое кладбище.

— Ладно, извини, Глеб. Не на тебя злюсь. Неожиданно всё это. Да ещё под праздники. Кто там из тяжёлых у тебя? Нечаева?

— Да. Состояние стабильно тяжёлое. В Москву её надо.

— В Москву—у... — протянул директор. — А помнится, было время, из Москвы к тебе ездили! Она до Нового года—то дотянет? А ты говоришь, в Москву.

— Да пойми, не могу я больше оперировать! У каждого есть своя грань, свой предел! Пятерых я не вытащил за месяц. Пятерых!

— Понимаю, Глеб. Всё понимаю. Скажи, а за Нечаеву взялся бы?

— За неё бы и в Москве взялись.

— Глеб, ты и сам прекрасно знаешь: не доживёт она до Москвы. В общем, решай сам. Вот подписанное заявление, а вот... — директор замялся. — В общем, сам поймёшь. — На стол поверх заявления лёг конверт. — Почтальон сегодня принёс. Догадался, куда передать. Ну, не буду стоять над душой!

Павел Данилович ободряюще стиснул плечо старого друга и вышел из кабинета заведующего.

Глеб медленно поднял распечатанный конверт без марок и достал из него сложенный вчетверо листок бумаги, испи-санный пляшущими печатными буквами.

«На Северный полюс. Дедушке Морозу.

Дорогой Дедушка Мороз!

Я просила у тебя на Новый год куклу Барби. Не надо ку-клу! Моя мамочка сейчас в больнице. У неё очень сильно болит сердце. Пожалуйста, сделай так, чтобы она поскорее поправилась! Я буду очень-очень хорошо себя вести!

Настя Нечаева».

Несколько минут Глеб сидел неподвижно, тяжело опу-стив локти на стол и закрыв ладонями лицо. Руки пожилого хирурга слегка подрагивали. Но постепенно дрожь унялась, вернулось выработанное годами самообладание.

Глеб отнял руки от лица и откинулся на спинку стула, за-крыв глаза. «Сочтёмся ещё, костлявая, погоди, не спеши...» Привычным уверенным движением Глеб снял трубку телефо-на и набрал внутренний номер:

— Алло. Лида? Здравствуйте, Морозов беспокоит. Го-товьте операционную.

Запрягайте цветастые тройки,
Бубенцы рассыпайте звончей,
И поскачем по мартовской зорьке
Догонять огнегривых коней.

Отряхнулись деревья от стыни,
Собирает пожитки зима.
И всё чаще в небесной перине
Пробивает ростки синева.

Истомившись по ливням и грозам,
На полянах собрались гурьбой
Озорные девчонки берёзы,
Приукрасившись робкой листвою.

Желтопады далёки, не страшны.
Празднуй, празднуй, весенняя рать!
Лишь дубов молчаливая стража
Судьбы знает. И хочет не знать.

Я мог бы рассказать, наверно,
Тебе одной, наедине,
Какая хмарь, какая скверна
Ещё вчера жила во мне.

Как тяжело ложится иней
И тень раздумий на чело,
Когда бредёшь в снегах пустыни —
Пустыни сердца своего.

Я не сказал, что жил без солнца,
Что выл с волками на луну.
Твои глаза, как два колодца,
Свою скрывали глубину.

Что было там, на дне укромном?
Что ты внезапно поняла?
Сегодня ночью жарким полднем,
Июльским полднем ты была.

Геннадий Кобылкин

Геннадий Иванович Кобылкин — член Союза писателей России и Товарищества детских и юношеских писателей России, лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2009), лауреат международных литературных конкурсов «Ступени–2» (2005) и имени А.Н. Толстого (2006), автор поэтической книги «Берегов родное очертанье» (2009). Его стихи печатались в альманахах «История Угрешы» и «Угрешская лира», журнале «Поэзия», коллективных сборниках и периодической печати.

«Страшный» случай

Я в детстве был болезненным мальчишкой.
И всё на свете я хотел узнать.
Под яблоней один за толстой книжкой
Часами мог задумчиво читать.

Печорин, Стенька Разин и Болконский,
Любовь, дуэль, разбои, высший свет,
У древних стен поникший стяг ливонский... —
Всё пережил в свои двенадцать лет.

И я мечтал в саду под старой грушей,
Смотря на кур, идущих на бахчу,
Что я в бою ни капельки не струшу,
Что я войны и подвигов хочу.

Я так мечтал, что мама, помню, долго
Меня искала, к ужину звала.
Мне в сумерках мерещились то Волга,
То ураган на море и скала.

А после, уплетая макароны,
Услышал, как, волнуясь за окном,
Со старых лип закаркали вороны.
И я сказал: «Пойду взгляну за дом!»

Но в темноте забылись все заветы.
И сердце словно колокол в груди:
Хотя бы нож, а лучше пистолеты,
Ведь неизвестно, что там впереди.

Я постоял, тихонечко присвистнул
И распугал оставшихся ворон.
На цыпочках обратно, зубы стиснув,
Я шёл из-под нависших тёмных крон.

«Ну что? — спросила мама. — Всё в порядке?»
Скрывая дрожь, я спинку стула сжал:
«Да... Видел тень огромную на грядке
И к ней, конечно, сразу подбежал.

Крестом могильным пугало торчало.
Я рассердился, пнул его ногой».
А мама, улыбаясь, отвечала:
«Иди-ка спать, защитник дорогой!»

Ночь

Скрипит половица, и возится жук
В сети паутин у худого навеса.
И звонко сломался надтреснутый сук
У края нависшего хмурого леса.

Мерцая, горит мутным светом фонарь.
Зарницы пожаром в ночи полыхают.
И клён, как монах, прочитает тропарь,
Молитву прошепчет, и звуки растают.

И снова в тиши налетит ветерок,
Листвой поиграет, и где-то на крыше
Оторванный ветром засохший листок,
Шурша по железу, уносится выше.

* * *

В окно растворённое ветер дохнул
И влагу оставил на чистой бумаге.
А с улицы слышу раскатистый гул:
Весенние воды бушуют в овраге.

Я свет погасил и увидел в окне
Мерцающий отблеск волнистого бега.
И мне показалось, что в тусклом огне
Совсем не земная покоится нега,

И в этом дрожанье немеющих звёзд,
Уже в отдалении, словно с испуга,
На пойме широкой у будущих гнёзд
Усталые птицы скликают друг друга.

Мой милый старый дом

Сквозь пыль тяжёлых штор и нити паутинок
Вливается в окно весенний яркий свет,
Ложится на полу мозаикой картинок.
Заметнее в пыли ботинок давний след.

Объятый тишиной, таинственен и мрачен
Мой милый старый дом! Забыт на много лет...
В застывшей тишине печалью лишь охвачен,
И, как нежданный гость, внутри апрельский свет.

В лесу у ручья

Погас весёлый день. В лесу темно и тихо.
На веточках осин ещё дрожат листья.
Семейка рыжих сонь карабкается лихо
И прыгает легко в терновые кусты.

В валежнике сычи, охотясь на мышовок,
Кричат истошно в ночь... Взлетает козодой.
Возня и тонкий свист у нор лесных полёвок.
Чуть слышный звон ручья. И ивы над водой.

Игривые гольцы охотятся за мошкой
И прыгают за ней до кончиков ветвей,
А брызги от прыжков светящимся горошком
Сбегают по листьям и капают в ручей.

В полях перепела: отчётливо и нежно
Доносится из ржи далёкий переклик.
На небе Млечный Путь, рассыпанный небрежно;
Неполная луна, в воде её двойник.

О, как чудесна ночь! И свежестью прохладной
Бодрит моё лицо. Огонь едва горит.
И кажется в тиши, что с нежностью отрадной
Здесь каждый лист листу о счастье говорит.

Екатерина Корнакова

Екатерина Сергеевна Корнакова — член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2009), награждена Золотой Есенинской медалью, медалью «Александр Пушкин», автор двух поэтических книг: «Счастье — это непривычно» (2007) и «Кофейня на Патриарших» (2010). Родственница А.С. Пушкина по линии Ганнибалов.

Курьёзные версии происхождения А.С. Пушкина

*Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!*

А.С. Пушкин. Моя родословная

Александр Сергеевич Пушкин, будучи гениальным человеком с весьма необычным происхождением, разделил посмертную участь всех незаурядных исторических личностей: его биография со временем обросла всякого рода слухами и таинственными историями. Неподдельный интерес не иссякает не только к его персоне, но и к его предкам. Это служит благоприятной средой для возникновения различных версий его происхождения. И время от времени появляются курьёзные гипотезы о предках великого поэта.

Нельзя не согласиться с мнением Л.М. Аринштейна, что «сегодня по миру ходит множество разного рода подделок, искажающих и даже оскверняющих образ Пушкина. Вероятно, пора уже отбросить этот слащавый тон, свойственный многим авторам, когда речь заходит о биографии и личной жизни поэта. И, пожалуй, единственной прививкой против оскорбляющих память Пушкина подделок может быть только одно — вести разговор на эту действительно непростую тему в нормальном ключе: честно, объективно, ничего не причёсывая»¹.

Однако ретивые «исследователи» биографию поэта «причѣсывают» всяк на свой манер. И подогревают особый интерес именно к его загадочным предкам. Сам Пушкин не раз открыто говорил и писал о своём происхождении от Абрама Петровича Ганнибала. Стихотворение «Моя родословная» стало ответом на обвинения Пушкина в аристократизме в статьях Н.А. Полевого и Ф.В. Булгарина. Непосредственным поводом к написанию стихотворения послужила заметка Булгарина в фельетоне «Второе письмо из Карлова на Каменный остров» (Северная пчела. 1830. № 94. 7 августа) о некоем поэте в Испанской Америке, подражателе Байрона, который вёл свою родословную от негритянского принца, тогда как на самом деле его предок был куплен шкипером за бутылку рома.

*Решил Фиглярин, сидя дома,
Что чёрный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.*

Пушкин сам разъяснил спустя год в письме к Бенкендорфу от 24 ноября 1831 года связь «Моей родословной» с этой статьёй.

Идея, выраженная в этом стихотворении и других высказываниях Пушкина, противопоставлявшего новой знати родовитое дворянство и свой древний род в частности, состоит в следующем: ближайшие предки новой знати сделали карьеру лакейством, придворной службой или перебежали из вражеской армии, тогда как предки Пушкина всегда отличались независимостью, честностью, воинской доблестью, верностью убеждениям и оппозиционным духом².

Сам поэт не раз упоминает историю своего рода, который берёт начало от арапа Петра Великого. Он даже начал писать роман с таким названием, замечает в своей статье «Пушкина — заговорили!» Владимир Блеклов³. Тем не менее находятся люди, ставящие под сомнение слова Пушкина и выдвигающие курьёзные версии его происхождения. Так, покойный Александр Лацис⁴ придерживался гипотезы В.М. Люблинского о «неарапском» происхождении Пушкина. Эту гипотезу принял и Владимир Казаровецкий в статье

«Как Пушкин нас брал на арапа»⁵: «Первым, кто поддержал версию Люблинского, был Александр Лацис, который и указал на истинного виновника событий более чем двухвековой давности — на цыганского князя Визапур, у которого было имение по соседству с Суйдой, основным помещьем Ганнибалов». В своей статье «Из-за чего погибали пушкинисты?» он не только выдвинул версию о родстве Льва Троцкого с Пушкиным, но и пришёл к выводу, что оба они, Пушкин и Троцкий, якобы имеют цыганские корни, оказавшие влияние и на их характеры, и на творчество.

Эту же версию о цыганском происхождении Пушкина, на наш взгляд, слабо аргументированно поддержала Мария Странд⁶, которая пишет, что «в „Рассказах бабушки...“⁷, записанных Д.Д. Благово со слов Е.П. Янковой, изданных в 1885 году и через 100 лет переизданных, есть часть, относящаяся к Пушкину (мемуаристка видела его в детстве) и к его происхождению. На это место часто ссылаются или о нём вспоминают, не подвергая сомнению его достоверность и трактуя на свой лад: „Бабушка его со стороны матери (Надежды Осиповны Ганнибал) Марья Алексеевна, бывшая за Осипом Абрамовичем Ганнибалом, была дочь Алексея Фёдоровича Пушкина, женатого на Сарре Юрьевне Ржевской, и они между собой родством считались, оттого была и я с нею знакома, да, кроме того, видались мы ещё у Грибоедовых. Когда она выходила за Ганнибала, то считали этот брак для молодой девушки неравным, и кто-то сложил по этому случаю стишки:

*Нашлась такая дура,
Что, не спросясь Амура,
Пошла за Визапур.*

Но с этим Визапуром, как называли Осипа Абрамовича, она жила счастливо, и вот их-то дочь и вышла за Сергея Львовича Пушкина“».

Мария Странд «отыскала» в этих строчках четыре неточности:

«Во-первых, брак не мог считаться неравным: хотя Ганнибал и не был дворянином с такой древней родословной, как Пушкины, имя сподвижника Петра I было, тем не менее, славным.

Во-вторых, по непониманию бабушка неправильно произвела вторую строчку стишка, что и заметил в своё время А. Лацис, поправив её: „Не спросясь Авгура“, то есть совета.

В-третьих, Визапуром был не Осип Абрамович Ганнибал, а выходец из Индии, цыганский князь Александр Порюс-Визапурский, чьё имение находилось по соседству с имением отца Осипа Ганнибала, Абрама Петровича Ганнибала, — Суйдой. Визапур был известным дамским угодником, был экстравагантен, и его поступки и поведение часто служили поводом для толков и сплетен, а некоторые привычки стали предметом подражания (например, причёска а-ля Визапур).

Наконец, в-четвёртых, совершенно не соответствует действительности и утверждение, что Марья Алексеевна жила с Осипом Ганнибалом долго и счастливо. Осип Ганнибал в своей семейной жизни повторил судьбу своего отца».

Работа Странд грешит многими неточностями и противоречиями, субъективизмом и элементарной некомпетентностью. Так, она, основываясь на известной миниатюре Ксавье де Местра, приходит к выводу, что Надежда Осиповна имела «совершенно европейский тип лица, а если и с южной кровью, то не с африканской». О других портретах матери Пушкина, где тип её лица как раз африканский, «исследовательница» просто замалчивает, а одним из доказательств цыганского происхождения она считает тягу поэта к кочевой жизни.

«При всей кажущейся фантастичности этой выдвинутой Лацисом версии, — пишет далее Мария Странд, — у неё есть одно очень важное достоинство: эту версию можно проверить. Как известно, у Осипа Ганнибала детей, кроме матери Пушкина, не было; если эта версия справедлива, получается, что он детей вообще не оставил. Сегодня живы только потомки Ганнибалов по ветвям его братьев — Ивана, Петра и Исаака, в крови которых нет пушкинской. В то же время сегодня живы и потомки Пушкина, в крови которых — по этой версии — нет крови Ганнибалов. Сравнительный генетический анализ дал бы окончательный ответ».

Подводя итог всему вышесказанному, заметим, что версия о цыганском происхождении поэта шита белыми нитками, так как нет доказательств измены М.А. Ганнибал мужу. Не доказано даже, что князь А.И. Парюс–Визапурский, потомок древних индийских раджей, приезжал в своё имение, когда она была в Суйде. Скорее всего, данный стишок имел либо некий грубый подтекст, намекая на не существовавшую в действительности интимную связь между А.И. Парюс–Визапурским и М.А. Ганнибал, либо просто неверно трактуется авторами версии о цыганском происхождении Н.О. Ганнибал, матери Пушкина. Как отмечает Т.И. Орнатская в своих комментариях к пресловутому стишку, «Визапур — имя эмигранта–мулата, женатого на дочери купца Сахарова; в 1812 году он был расстрелян как французский шпион. Имя Визапур стало нарицательным при обозначении арапа...». Таким арапом и был О.А. Ганнибал, дед Пушкина по материнской линии.

И, на наш взгляд, не нужно никакой генетической экспертизы. Чтобы удостовериться в родстве А.С. Пушкина с Ганнибалами, достаточно взглянуть на портреты великого поэта и его двоюродного деда — прославленного генерал–поручика И.А. Ганнибала. Сходство разреза глаз, формы бровей, носа и губ очевидно. Да и сами факты крещения И.А. Ганнибалом своей племянницы Надежды Осиповны и поддержки им М.А. Ганнибал в деле о незаконной женитьбе О.А. Ганнибала на У.Е. Толстой при живой жене неоспоримо свидетельствуют о признании им кровного родства и исключают факт супружеской измены.

Что же касается темы родства А.С. Пушкина с Л.Д. Троцким, то она вот уже более 15 лет постоянно муссируется на страницах СМИ и в интернете. Материал остро звучащий, рассчитанный на широкую публику, на резонанс: Пушкин и Троцкий — две яркие личности и представители разных поколений одного рода? Данную гипотезу аргументированно развенчал Лазарь Фрейдгейм, назвавший её «фантазиями на пустом месте» в статье «Вилами по воде писано...»⁸. Обсуждение этой безусловно интересной работы выходит за рамки настоящей статьи. Отметим только, что о несостоятельности

гипотезы говорится также в заметке праправнуков великого поэта Ю.Г. Пушкиной и Г.А. Галина «С Пушкиным на родственной ноге», опубликованной в газете «Культура» в 1998 году.

Тем не менее продолжим обсуждение «еврейской» темы, ведь версия о том, что Пушкин имел отношение к иудейской вере, продолжает существовать и обсуждаться в интернете. Некий Анатолий Штаркман в своей статье «Жидовская мысль Пушкина»⁹ делает попытку приписать самому поэту еврейские корни. Хотя факт крещения Пушкина в Елоховской Богоявленской церкви общеизвестен и подтверждён документально, А. Штаркман ссылается на записи Анненкова: «Анненков обошёл молчанием, в какой церкви крестили новорождённого А.С. Пушкина и крестили ли вообще»¹⁰. Более поздние работы горе-исследователь игнорирует. О факте крещения великого поэта писал уже П.И. Бартенев: «Крестил ребёнка граф Артемий Иванович Воронцов, женатый на двоюродной сестре Марьи Алексеевны»¹¹. Найденная впоследствии метрическая запись неоспоримо это подтверждает.

Разберём и последующие доводы Анатолия Штаркмана, который пишет в своей статье: «В Кишинёве в начале XIX века евреев называли жидами. Отец Пушкина Сергей Львович служил царским комиссаром в Польше, и слово „жид“ было принято в семейном лексиконе <...> Слово „жид“ присутствует в мемуарной и исторической литературе пушкинского времени о Кишинёве, например, у П. Свинына: „<...> Число жителей безошибочно можно положить до 5000. Всего более жидов, потом болгар...“ <...> В переводной с молдавского языка песне „Чёрная шаль“ Пушкин к слову „еврей“ приставляет прилагательное „презренный“, песня впервые была услышана в жидовском трактире и понравилась Пушкину эмоциональностью. В самом Кишинёве жили практически только евреи, или, по-местному наречию, жиды, а нееврейское население — в присоединённых сёлах.

<...> Судя по обилию посвящённых еврейской теме стихотворений кишинёвского периода, она была неразлучна с Пушкиным; поэту не мог он не думать о создании крупного характерного для России эпохального полотна на жидовскую тему».

Также автор статьи вспоминает строки из «Евгения Онегина», задумка которого появилась у Пушкина всё в том же Кишинёве, особенно обращая внимание на следующие строки:

*Вот муза, резвая болтунья,
Которую ты столь любил.
Раскаялась моя шалунья,
Придворный тон её пленил;
Её всевышний осенил
Своей небесной благодатью —
Она духовному занятью
Опасной жертвует игрой.
Не удивляйся, милый мой,
Её израильскому платью...*

Штаркман подчёркивает ещё одну деталь, касающуюся родственных связей поэта. Пушкин в письме из Кишинёва лицейскому товарищу барону А.А. Дельвигу: «Поклонник правды и свободы, бывало, что ни напишу, всё для иных не Русью пахнет». Опираясь на это высказывание, Штаркман выводит еврейское происхождение из библейских имён его предков и пишет: «Сработала жидовская мысль поэта. Пушкин одевает своего героя в чёрную традиционную еврейскую одежду, которую носили евреи со времён разрушения римлянами Иерусалима, но истину скрывает под другими словами, друзья поймут.

*Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как денди лондонский одет —
И, наконец, увидел свет.*

<...> Основной деталью одежды денди является пошитый из тёмного шерстяного сукна фрак с фалдами, достигающими колен, в дополнение к нему — тёмные брюки, белоснежная рубашка, тёмные туфли, галстук или бабочка. Единственными украшениями этого строгого костюма могли быть булавка в галстук и карманные часы с цепочкой. Типично еврейская одежда еврейских местечек: фрак — по-французски, сюртук — по-английски и лапсердак — на идиш долгополый еврейский сюртук. В посвящении „Генералу

Пушину“ Пушкин восклицает: „О Кишинёв, о тёмный град!“, подразумевая тёмную одежду евреев».

Этак еврейские корни можно приписать каждому интересующемуся библейской темой, упоминающему в своих трудах о евреях (и даже о якобы еврейских нарядах лондонских денди!) или носящему имя еврейского происхождения (таких имён много в православных святцах, что вполне естественно).

Созданный Штаркманом миф легко развенчать, ведь существует масса неоспоримых фактов, ставящих под удар «весомые», на первый взгляд, аргументы. Безусловно, Пушкин внешне и мог бы сойти за еврея: смуглая кожа, каштановые вьющиеся волосы, пухлые губы. Но не стоит забывать, откуда берёт начало его род по материнской линии: прадед Пушкина по матери — Абрам Петрович Ганнибал. «Арап Петра Великого» был африканцем по крови. Да и к тому же еврейство поэту приписывается по отцовской линии, во внешности известных представителей которой, судя по портретам, ничего еврейского нет.

Сам Пушкин писал о своих предках по отцу в 1830–1831 годах: «Мы ведём свой род от прусского выходца Радши, или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), въехавшего в Россию во время княжения св. Александра Ярославича Невского... Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Иоанна Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных...» То есть сам поэт подчёркивает отнюдь не еврейское, а прусское происхождение Ратши, который был представителем знатного, благородного рода.

Всё же на минуту допустим невероятное: Пушкин мог быть евреем, что в XIX веке в России означало непременно принадлежность к иудейскому вероисповеданию. Тогда бы он обязательно подвергся обрезанию, по еврейскому обычаю. Однако известно, что перед зачислением в Царскосельский лицей будущие воспитанники до экзаменов проходили полный медицинский осмотр. Если бы Пушкин был обрезан, доктора бы доложили об этом и он немедленно был бы от-

странён от экзамена, так как лицей был закрытым учебным заведением для детей русских аристократов. Лицам еврейского происхождения, даже крещёным, туда пути не было. Также из воспоминаний Ивана Пущина известно, что каждую субботу воспитанники мылись в бане. Там они наверняка придирчиво присматривались друг к другу, и если бы Пушкин был обрезанным, он непременно бы подвергся издевательствам и насмешкам. Возможна ли бы была история взаимоотношений Пушкина с Николаем I, знай император о столь щекотливой «тайне» предков поэта? Пушкин, будучи «презренным евреем», не мог бы стать камер-юнкером, жениться на дворянке Наталье Николаевне Гончаровой и так далее. Да и вообще, Пушкин не был бы Пушкиным. Думается, рано или поздно такой «пикантный» факт, как его «еврейское происхождение», всё равно бы всплыл и злые языки не оставили бы это без внимания ещё при жизни великого поэта.

Итак, версии о цыганском и о еврейском происхождении Пушкина по своей сути ничем научно не обоснованы, грешат очевидной подтасовкой фактов и выдумками, которые выдаются их авторами за документально подтверждённые факты. Обе эти версии по праву могут называться курьёзными.

Литература

¹ *Аринштейн Л.М.* Пушкин. Непричёсанная биография. — М.: Муравей, 1999.

² *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 10 т. — М.–Л.: Наука, 1949. — Т. 3, 10.

³ *Блеклов В.* Пушкина заговорили! // <http://www.stihi.ru/2011/09/08/874>

⁴ *Лацис А.А.* Из–за чего погибали пушкинисты? // Ной. 1996. №19.

⁵ *Казаровецкий В.* Как Пушкин нас брал на арапа // <http://naarapa.narod.ru/02.htm>; За что убивали пушкинистов // <http://naarapa.narod.ru/01.htm>

⁶ *Странд М.* «Нашлась такая дура...» // <http://naarapa.narod.ru/04.htm>

⁷ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, собранные и записанные её внуком Д. Благово. — Л.: Наука, 1989. — С. 337–339, 438.

⁸ *Фрейдгейм Л.* «Вилами по воде писано...» // <http://www.proza.ru/avtor/sterlingold>

⁹ *Штаркман А.* Жидовская мысль Пушкина // <http://www.proza.ru/2011/06/23/332>

¹⁰ *Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина. — М., 1984.

¹¹ *Бартенев П.И.* О Пушкине. — М.: Советская Россия, 1992.

Кирилл Кострецов

Кирилл Александрович Кострецов — член Союза писателей России, лауреат Межрегиональной общественной организации «Содружество творческих сил», награждён «Золотым дипломом имени А.С. Пушкина», автор книг стихов «Рынок грехов» (2011), «В некотором царстве–государстве» (2013) и литературно–музыкального проекта «Дорога длиною в жизнь» (2 CD, 2015), публикаций в альманахе «Угрешская лира», газете «Угрешские вести» и другой периодике.

Моя Родина

Л.Г.

Не улица ты, не посёлок, не дом,
Ты — Родина, сердцу желанна.
Тебя я храню под затёртым сукном
На столике возле дивана.
Тебя не украсть у меня никогда,
Прекрасна зимой ты и летом.
И Родина, знаешь, она навсегда
Душою бродяги согрета.
Она даже в самом далёком краю
Надежду на встречу дарует.
Пока ты жива, я не сдамся в бою,
И пусть белый свет торжествует.
Ты берег, который нельзя потерять,
И пусть ты мечта для изгоя,
Любовь, — как непросто об этом сказать!
Есть Родина — есть и святое.

Вечерний чай

Поле нынче колосится,
Ожидаем урожай.
Заходи ко мне, девица,
На вечерний русский чай.
Посидим неторопливо,
Поболтаем о своём.
У речушки сиротливо
Банька пыхает, — пойдём,

Славно веничком помашем.
Не простынет званый чай,
Этот вечер будет нашим.
В чистом рай со мной встречай.
Положу тебя в перины,
Обниму — уста в уста,
Не стесняйся: я смотрины
Занавесил до утра.

Разошёлся не на шутку
Раззадоренный костёр,
До пастушьего постука
Не смолкал любовный хор.
Никому не обещался
И, чего душой кривить,
Я любил и наслаждался.
Потому что жаждал жить.

Андрей Валерьевич Кошелев — прозаик, выпускник творческих курсов молодых прозаиков при Литературном институте имени А.М. Горького. Его произведения публиковались в газете «Угрешские вести», альманахах «Угрешская лира» и «История Угрешы», сборниках «Рассказы новых писателей. 2011», «Парус». В 2012 году выпустил книгу рассказов «20–11».

Константин Великий

Отрывок из главы IV первой части романа

Императрица была высокой и, пожалуй, слишком крупной для женщины высшего круга, но рядом с мощным Константином смотрелась гармонично. Длинные тёмные волосы, изящно подведённые брови, яркие зелёные глаза выделялись на фоне немного грубоватых черт лица. Хотя отец Фаусты был императором, её род восходил к простым иллирийским крестьянам. Изящество и утончённость знатных патрицианок были ей чужды. Их заменяли энергия и здоровье, которыми дышал её облик, особенно когда она улыбалась, обнажая два ряда белоснежных зубов со слегка длинноватыми клыками.

Порой она казалась Константину ласковой волчицей. Для римлян это было особое животное. Капитолийская волчица накормила своим молоком брошенных на берегу Тибра младенцев Ромула и Рема, будущих основателей Рима. Идеалом женщины для римлян была покорная, заботливая матрона и в то же время сильная, грациозная и опасная волчица.

— Максенций твой брат, — нарушил молчание Константин. — Если я... Если со мной что-то случится, он тебя не тронет. Пообещай мне сделать всё, чтобы спасти моего сына Криспа.

— Не говори так. — Фауста испуганно заглянула ему в глаза. — С тобой не может ничего случиться, ты победишь!

Он впервые с момента начала подготовки к походу признался кому-то в своих сомнениях.

— Максенций может выставить против нас более 60 тысяч. Ты представляешь, сколько это? Я надеялся, что часть этих войск будет в Африке, а другая занята восстанием в тылу у самого Максенция. Похоже, Фортуна отвернулась от меня.

— Тогда отступи!

— Проявить слабость — всё равно что вынести себе приговор. Лициний, Максимин Даза и Максенций тут же объединятся против нас. Для них будет неважно, кто правит законно, а кто узурпатор. Грядёт гражданская война, и для начала им нужна лёгкая цель. Пути назад отрезаны. Со щитом или на щите.

— Значит, ты победишь! — уверенно сказала Фауста. — Сколько бы тысяч ни собрал Максенций, они ничто против тебя!

— У меня совсем не ладятся отношения с твоей семьёй, — признался Константин. — Твоя старшая сестра ненавидит меня. Я посадил её старшего сына под арест, хотя должен был казнить за попытку захватить власть.

— Феодора мне не сестра, — фыркнула Фауста.

— Твой отец поднял против меня мятеж, а затем пытался убить. Твой брат объявил мне войну. Ты же понимаешь: я не смогу пощадить Максенция. Его преступления слишком тяжкие.

— Поступай как должно.

— Тебе его совсем не жаль? — этот вопрос вырвался у него невольно.

— У меня нет никого, кроме тебя! Я для них ничего не значу: им всё равно, дочь я или сестра, если меня уже нельзя выгодно выдать замуж. Для Максенция я такой же враг, как и ты. Куда ты, Гай, туда и я — Гайя.

— Жаль, что я не так грозен, как герой Кускохват, — попытался пошутить император. — Тогда лягушки Максенция сами бы разбежались, увидев меня.

— Сам Зевс бы тебя испугался и начал метать молнии, а потом послал бы ужасных крабов, чтобы не дать

мышкам Константина и лягушкам Максенция перебить друг друга.

— Боги редко вмешиваются, чтобы спасти кого-то: кровь побеждённых для них подношение. Они даже Трои не спасли.

— На всё их воля, — вздохнула Фауста. — Я рада, что этот противный старик наконец ушёл. Он так долго простоял у шатра. Твой брат велел стражникам его не трогать, но мне всё равно хотелось прогнать его.

— Почему? — удивился Константин. — Чем тебе не угодил епископ Осий?

— Я не люблю христиан, — ответила она брезгливо. — Это религия рабов.

— Моя мать христианка.

— Ты никогда не говорил об этом! — поразились Фауста.

— У любых стен могут быть уши. Мы редко с тобой действительно остаёмся наедине. До недавнего времени христиан преследовали, а врагов у меня хватает.

— Поэтому твой отец с ней развёлся?

— Нет, он сделал это, чтобы стать императором. Против её веры отец ничего не имел. Она иногда читала мне о пришествии Доброго Пастыря. Я плохо помню, о чём там, но мне нравилось. Христианами могут быть не только рабы. Разве ты забыла, что жена и дочь Диоклетиана христианки.

— Они отреклись от этого, когда Диоклетиан открыл им глаза, — заявила Фауста.

— Вернее, он заставил их отречься, как только начались гонения, иначе ему бы пришлось заточить в темницу собственных жену и дочь, — поправил Константин. — Многие последовали их примеру, но далеко не все. Когда моему отцу доложили, что христианство стало вне закона, он собрал всех своих офицеров, что были христианами, и приказал им принести жертвы Юпитеру, угрожая жестокой карой тем, кто откажется. Некоторые подчинились, но большинство предпочли наказание. Тогда отец прогнал тех, кто были готовы отречься от своей веры, они с такой же лёгкостью предали бы и его.

— А тех, кто готовы были её отстаивать, он не только не наказал, но и наградил, — закончила за него Фауста. — Сказ-

ки, да и только. — Она любила поспорить с мужем, и, если входила во вкус, остановить её было трудно.

— Мой отец никогда не был христианином, но не боялся окружать себя ими.

— Христиане ходят по дорогам с оружием и кошельками, набитыми монетами, предлагая путникам деньги, чтобы те убили их, а если встречные отказываются, то сами нападают на них, — не сдавалась Фауста; в этот момент она напоминала обиженную девочку. — Они враги рода человеческого, ненавидят наш мир и мечтают поскорее вознестись!

— Не говори глупости. Так поступали только циркумцеллионы в Африке — сумасшедшие, считавшие себя христианами. Тебе о них отец рассказывал? Диоклетиан любил о них вспоминать, когда оправдывал гонения.

— Если христиане во всём правы, почему ты сам не христианин? — выпалила супруга.

— Потому что всё это пустые слова. Священники, понтифики, авгуры, гаруспики лгут, хотя и искренне верят в свою ложь, чтобы люди их слушались, приносили дары, соблюдали правила. Религия нужна народу, как войску дисциплина, без неё управлять невозможно. Для Диоклетиана отказывавшиеся совершать жертвоприношения христиане были всё равно что нарушавшие приказ легионеры. И поступал он с ними по-армейски.

— Ты не боишься разгневать богов такими словами? — обеспокоенно спросила Фауста.

Константин покачал головой.

— Мне было восемнадцать, я служил августу Диоклетиану, мы готовились к битве с пустынными кочевниками. Август поручил мне подыскать пару быков для жертвоприношения. Как же я был взволнован! Думал, благосклонность богов в моих руках. — Он медленно опустился на кровать, эти воспоминания казались столь давними, будто из другой жизни. — Я привёл двух огромных жирных бычков с большими рогами и лоснящейся шкурой. Смотреть на них одно загляденье. Но когда гаруспики стали возиться во внутренностях, оказалось, что печень у жертв желтоватая да ещё хрустит под ножом, а желудок весь в чёрных точках. Чудовищные знаме-

ния! Я дрожал от ужаса. Но Диоклетиан ни капли не смутился. Он велел привести ещё пару быков. Во второй раз всё прошло как надо. Legionеры возликовали, когда гаруспики объявили, что знаки благоприятные, как будто перед этим ничего и не было. Диоклетиан потом только посетовал, что неопытные гаруспики поторопились, продемонстрировав солдатам внутренности больных животных. Нужно было сделать это аккуратно, чтобы армия ничего не поняла, а потом объявить, что знамения сулят нам победу. Кочевников мы, разумеется, разбили.

Фауста присела рядом с ним и положила голову ему на плечо.

— Жертвоприношения для армии так же важны, как провиант и снаряжение, но имеют ли они какое-нибудь отношение к богам? Не знаю. На мои молитвы никогда не было ответов. Иногда мне становится страшно от того, что мы совсем одни и никто за нами не присматривает.

— Не печалься, — улыбнулась ему Фауста. — Я с первого взгляда поняла, что ты избран богами. Они тебе благоволят, вот увидишь! Ты победишь!

Она стала покрывать его шею и щёку поцелуями. Он повернулся к ней, их губы слились в долгом поцелуе. Супруга откинулась на подушки и поманила за собой Константина. Однако тоска, что охватила его во время разговора о богах, не отпускала, а ласки Фаусты только углубляли её. Он вдруг почувствовал тошноту. Ему стало не по себе, сердце зажалось в тисках. В голове вертелась всего одна мысль: «Как я мог на такое решиться? Я же погублю их всех!»

Он представил, как один его воин выходит против троих солдат Максенция. У него никаких шансов. Он храбро сражается, отражая щитом сыплющиеся на него удары и совершая ответные выпады. Но его окружают. Один из врагов бьёт его щитом по ногам, другой ранит копьем в бедро. Воин с рёвом падает наземь, силиться встать, но третий противник пронзает ему грудь мечом.

Константин вскочил, вырвавшись из объятий Фаусты. Его била мелкая дрожь.

— Ты что? — растерянно спросила она.

— Я... — он не знал, что ответить. — Мне нужно пройтись.

Константин вышел из шатра. Прозвучали протяжные сигналы труб, означавшие «отбой», легионеры разбредались по палаткам. Этот уже давно привычный для императора звук показался ему нестерпимым. Стены лагеря давили на него. Константин направился к главным Декуманским воротам, нетерпеливо приказал открыть их и, провожаемый взглядами удивлённых дозорных, один, без охраны покинул лагерь.

Он шёл, не разбирая пути, ноги сами несли его. Оказавшись возле реки, на которую Константин смотрел со сторожевой башни, он остановился. Шум лагеря стих. Слух ласкали шелест травы, стрекотание кузнечиков, журчание реки. Тоска стала понемногу отступать. Император спустился к воде и умылся. Он вспомнил детство, когда они с матерью после ужина отправлялись на прогулку. Чаще всего они ходили к озеру, кидали в воду камушки, а если вечер выдавался душным, купались. Дома мать укутывала его одеялом и читала перед сном: о Трое, Одиссее, Энее и его потомках, о Добром Пастыре. Её заботливый, чуть насмешливый голос был с ним всегда. В мире, где так много лжи и жестокости, только голос матери казался Константину той единственной правдой, в которой не было ничего, кроме добра.

Он набрал горсточку камней и, присев на берегу, стал метать их в речку. Над ним было высокое чистое небо, край которого в последних лучах заходящего солнца приобрёл золотисто-алый оттенок. И вот у самого горизонта Константин заметил одно-единственное облако, медленно уплывавшее вдаль. Он пригляделся: оно оказалось в форме креста. На нём вроде была какая-то надпись, но разобрать её никак не получалось.

Послышалось блеянье овец. Должно быть, пастухи из ближайшей деревни пригнали отару на водопой. Константин не хотел, чтобы его увидели в одиночестве на берегу реки. Он спрятался за раскидистым кустарником. Вскоре показались овцы, они спустились к воде и начали пить. Затаившись, император от досады закусил губу. Ему хотелось, чтобы пастухи поскорее ушли.

— Константин, хватит прятаться от Меня! — послышался голос, показавшийся императору смутно знакомым.

Выглянув из-за куста, он увидел высокого голубоглазого юношу в скромной серой одежде. Тот смотрел прямо на Константина, его лицо было серьёзным и светлым.

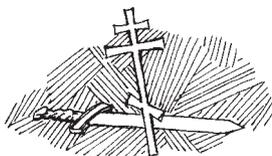
— Проснись и узри истину! — сказал юноша, указав на небо.

Облако в виде креста поравнялось с заходящим солнцем, и слова на нём вспыхнули пламенем: «In hoc signo vinces!» (Сим победишь!).

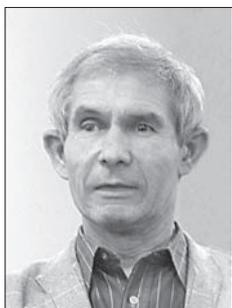
Императора охватил трепет: то, чего он ждал столько лет и уже отчаялся узреть, наконец свершилось. Добрый Пастырь послал ему знак. Через мгновение надпись исчезла, а облако растаяло. Юноша улыбнулся Константину и погнал своих овец дальше. Император хотел пойти за ним, но не посмел, а только проводил взглядом.

Константин ещё долго наблюдал за горизонтом, боясь пошевелиться. Он испытывал восторг, подобный которому ощущает человек, впервые увидевший бескрайнее море или величественные горы, но во много раз сильнее.

Только когда землю плотно окутала тьма, а на небе одна за другой стали зажигаться звёзды, император медленно поднялся и направился обратно в лагерь.

Михаил Ложников

Михаил Григорьевич Ложников — заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Золотое перо Московии» и Всероссийского фестиваля «Артиада–2003», лауреат московской областной премии имени Я.В. Смелякова (2013). Его перу принадлежат сборники стихов и прозы, среди которых «Пролог», «С песней ретро», «Лавры и тернии», «Одно из двух», «Ветка вербы» и другие.

И бутылка виски на двоих

Отрывок из книги «Шагая выбранной стезёй»

С «и примкнувшим к ним Шепиловым» меня свели хорошо знавший его артист Иван Николаевич Русинов и долгие годы преданно дружившая с ним Тамара Петровна Толчанова. Познакомили с просьбой помочь ему дописать последнюю главу его воспоминаний, так как сам Дмитрий Трофимович в то время очень плохо себя чувствовал и никак не мог завершить работу. Но и мне он сказал:

— Мне сейчас трудно. Давайте отложим до весны.

Разговор наш происходил зимой 1993–1994 годов. Но и к весне состояние Шепилова не улучшилось. А через год с небольшим не стало его — ушёл из жизни, немного не дотянув до 90. Куда-то исчезла и недописанная рукопись его мемуаров. Тогда я предложил Тамаре Петровне написать книгу о самом Шепилове. Благо она многое знала о нём. Согласившись со мной, но не полагаясь только на себя, Толчанова стала привлекать к работе над будущей книгой тех, с кем хорошо была знакома и кто помнил Дмитрия Трофимовича по жизни: это и Тихон Николаевич Хренников, и Сергей Владимирович Михалков, и Леонид Иванович Абалкин; а ещё те, кто с ним прошёл войну; близкие родственники и другие, по-доброму относившиеся к нему. А я с ними встречался, записывал на магнитофон их рассказы и обрабатывал, расшифровывал записи.

...Далеко не всякий даже из видных писателей был вхож в дом Михалкова. Но для Тамары Петровны — никаких препятствий. Она работала в бюро пропаганды Союза писателей России, а Сергей Владимирович, как известно, возглавлял этот Союз. И вот он принимает нас в своей квартире.

Сначала мы сидели в его домашнем кабинете. Он рассказывал о своих встречах с Шепиловым, я это записывал на плёнку. Познакомились они (Михалков с Эль–Регистаном и Шепилов) во время войны в только что освобождённой от гитлеровцев Вене.

— Мы пришли в особняк, где находился Шепилов, и в столовой увидели большой шкаф. За стеклом стояли охотничьи ружья, и было их много, — вспоминал Михалков. — Эль–Регистан, будучи охотником, да и я тоже сразу заинтересовались этими ружьями. Друг мой, помнится, даже воскликнул: «О, товарищ генерал, у вас большая коллекция трофеев!» На это Шепилов довольно резко ответил: «Я на войне барахольством не занимаюсь!» Однако я знал случаи, когда другие генералы не отказывались от возможности поживиться военными трофеями. Например, довелось мне побывать у представителя Ставки Верховного главнокомандующего Тимошенко, так там о трофеях говорили совершенно иными словами, нежели Шепилов: считалось естественным воспользоваться «даром судьбы». А вот Дмитрий Трофимович был решительным противником этого. Его качества высочайшей культуры и чистой совести проявлялись и во многом другом.

Немало других эпизодов, уже из послевоенной жизни, связанных с Шепиловым, рассказал мне Михалков. И он непременно подчёркивал, что это был человек большого ума, исключительной честности и благородства.

В то время, когда мы встречались с Сергеем Владимировичем, он жил один. Пока мы с ним сидели и беседовали в кабинете, Тамара Петровна хлопотала на кухне. Но вот поставлена последняя точка в рассказе Михалкова, а Тамара Петровна зовёт нас перекусить.

— За этим столом никто из писателей ещё не сидел, — сказал хозяин квартиры, когда мы расположились на кухне.

Он достал из буфета бутылку виски, налил в рюмки мне и себе. Тамара Петровна не составила нам компании.

— Виски быстро улетучиваются, и голова не болит от них, — признался Сергей Владимирович.

Забегая вперёд, скажу: когда об этом эпизоде я рассказывал в Союзе писателей, один из товарищей, хорошо знавших Михалкова и работавших в его команде, признался: «Мы тоже бывали у него дома, но виски, правда, с ним не пили».

Ну а мы с Сергеем Владимировичем, ведя беседу, не спеша, шутя доконали вдвоём целую бутылку. При этом он высказал немало мудрых мыслей, но приводить здесь я их не могу, так как они имели отношение и к его личной жизни. А вот свою книгу о знаменитом дяде Стёпе он вручил мне, подписав «Поэту Михаилу Ложникову с уважением». Я—то никак не отваживался называть себя поэтом, хотя стихи писал, издавал сборники. А вот Михалков признал меня таковым.

...Книга «И примкнувший к ним Шепилов» (составители Т. Толчанова, М. Ложников. Москва: Издательство «Звонница—МГ») вышла в свет в начале 1998 года тиражом в 10 тысяч экземпляров. Тем, кто её не читал, поясню: Дмитрий Трофимович Шепилов ни к какой группе не примыкал, но на Пленуме ЦК КПСС в 1957 году открыто сказал в адрес Хрущёва, что неграмотный человек не может руководить такой огромной страной, как Советский Союз. И его «примкнули».

Он прошёл всю войну. Будучи доктором экономических наук, профессором, имея бронь, добровольно ушёл на фронт. Начал боевой путь под Москвой в составе дивизии народного ополчения, затем уже в Сталинградской битве был начальником политотдела 4-й гвардейской армии, стал членом военного совета этой армии, получил звание генерал-майора и воевал до самой Победы. Однополчане вспоминали, как он общался с солдатами в окопах на передовой и никогда не кланялся пулям.

...А исчезнувшая было рукопись Дмитрия Трофимовича всё же нашлась, и старанием его внука Дмитрия Косырева воспоминания эти увидели свет три года спустя после выхода нашей книги.

Анастасия Мигова

Анастасия Алексеевна Мигова — член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2008), лауреат всероссийских и областных конкурсов авторской песни, автор сборника «Лабиринты души» (2008). Её стихи публиковались в альманахах «Угрешская лира», «Академия поэзии», «История Угрешы», в журнале «Российский колокол», газете «Угрешские вести» и других изданиях.

Стою одна. Ночь в летнем парке,
А на душе покой и грусть.
И тени мечутся за аркой,
А я стою и не боюсь.

Во мне лишь те воспоминания,
Что согревают мои сны.
Лишь к ним приклеено внимание
Янтарною слезой сосны.

Как будто бор высокий дышит,
Как будто ты стоишь со мной,
Как будто сарафан мой вышит
Узором, ворот кружевной...

Улыбка и глаза лучатся,
И руки тонут в волосах...
Я знаю: надо возвращаться,
Но я уже на небесах.

Я с тобой

Я с тобой, даже если меня рядом нет.
Ты почувствуй мой тёплый мерцающий свет.
Я тебе улыбаюсь и тихо пою
О любви, что наполнила душу мою.

Я с тобой неотступно, как зыбкая тень.
Ты свой белый пиджак осторожно надень
И войди в храм волшебных мелодий легко.
Пусть прольётся над небом луны молоко.

Я с тобой. И на кончиках пальцев твоих
Догорит и растает мой призрачный стих.
Ты уснёшь, как ребёнок на мягких руках,
Отпустив одиночество, скуку и страх.
Я с тобой.

* * *

Сегодня мне легко и хорошо.
Люблю я на айфон снимать природу.
Искрится золотистый порошок
Пыльцы, припудрившей колодезную воду.

В лесу стоит медовый аромат,
Цветёт шиповник крупный на поляне.
Янтарным отблеском твои глаза горят,
Речные камушки стучат в моём кармане.

Целительное мягкое тепло
Мне силы дарит жить, любить и верить.
Мне это лето счастье принесло,
Которое ничем нельзя измерить.

Ах, мамочка!

1

Стою в полумраке храма.
Смотрю на святые лики.
Там где-то на небе мама.
Теперь её голос тихий.

Она до последнего вздоха
Жить на земле хотела,
Хоть было больно и плохо
В плену ослабевшего тела.

Теперь над её могилой
Лишь небо, звёзды и ветер...
Ах, мамочка! Дай мне силы
Остаться на этом свете.

2

На клавишах прозрачный звук растаял,
Как вздох последний на твоих устах...
Ах, мама, мама, ты не представляешь,
Как горько сердцу. В райских ты садах
Прошепчешь тихую свою молитву,
И станет легче мне, отступит боль,
Затянет раны от последней битвы,
Которую вела сама с собой.

Тайская весна

Мне напевает волна
Лёгкий, прозрачный мотив...
От молодого вина
Чувств беззаботных прилив.

Мне напевает песок,
Ноги целуя мои.
Тонок его голосок
От безответной любви.

Мне напевает луна —
Старая виолончель!
Тайского неба весна
В губы целует апрель.

* * *

А знаешь, сейчас уже поздно,
И мы понимаем, смеясь,
Что вечно любить невозможно.
И рвётся некрепкая связь.

И мир с затаённой улыбкой
Так мудро посмотрит на нас.
На наши мечты и ошибки,
На наши морщинки у глаз.

Беспечною, лёгкой походкой
Я тихо уйду по листве.
Душа стала светлой и кроткой,
Но уж неподвластной тебе.

Светлана Михайлова

Светлана Александровна Михайлова — член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников, работает в Москве директором Центра детского творчества «Матвеевское», лауреат Государственной премии в области образования и воспитания, лауреат московской областной литературной премии имени Ярослава Смелякова (2012), кавалер почётного знака «За воспитание патриотов Отечества».

Я — русская

Мы — русские. Нам никогда легко
Не пелось, не жилось и не дышалось.
И память с материнским молоком
В нас с пеплом наших войн перемешалась.

И как бы в жизни ни было подчас
Мне тяжело, порой — невыносимо,
Я просто помню: я одна из вас.
И вместе мы — Великая Россия.

Я никогда под жизнью не согнусь.
И не сломать меня. И не дождётся!
Я только повторяю наизусть,
Что русские умрут, но не сдадутся.

Я — русская. И потому со мной
Такая жизнестойкость неизменно.
Ведь можем только мы любой ценой
И никогда не спрашиваем цену!

Аромат души

Сказал один святой Лука,
Что у души есть аромат,
Как будто запах у цветка.
И он был прав на сто карат!

Как часто мы не замечаем,
Как пахнут души, мы спешим,
Лавандой и зелёным чаем —
Тончайший аромат души.

Когда, не вглядываясь в лица,
Вдохнуть, закрыв глаза, тогда —
Малина, ландыши, корица...
Так пахнут души иногда.

Есть души, склонные к насилию,
Ко лжи, предательству и злу.
И пахнут плесенью и гнилью,
И мокрой тряпкой на полу.

Ещё, со взглядом отрешённым
И обращённым во вчера,
Есть запах душ опустошённых —
Зола и пепел от костра.

Привыкли мы смотреть и слушать.
Но лгут и жесты, и слова.
Важнее то, чем пахнут души,
Вдохнув, почувствовать сперва.

Бывает, путь нелёгкий пройден,
Седой, усталый человек.
Но аромат — как летний полдень,
Как море или первый снег.

И только лишь у равнодушных,
Пустых, без чувств и без проблем,
Совсем ничем не пахнут души.
А может, нет в них душ совсем.

А.К.

Мир построен на отраженьях.
Всё далёкое — под рукой.
В мироздании есть движенье,
Потому что в нём есть покой.

Как иначе б нам стала ясной
Сущность холода — без тепла?
Мир, построенный на контрастах, —
Отраженье добра и зла...

И случайное не случайно.
Только попросту говоря,
Где-то сходятся в точке крайней
Все антонимы словаря.

Кто отчаянно зол и молод,
Тот, по сути, уже старик.
Обжигает предельный холод.
Оглушает безмолвный крик.

Так я чувствую. Так я вижу.
Нестерпимое так терплю.
До любви тебя ненавижу.
И до ненависти люблю...

Московский вечер

Снова вечер в изменчивом мире,
Полном самых плохих новостей.
Чёрный кот в нехорошей квартире
У дверей намывает гостей.

Невидимками по коридору
И сквозь стену — не скрипнут полы...
Кот вскочил на окошко за штору,
Взгляд уставив в пустые углы.

Очень редко, поэтому гулко
В подворотнях, где темень — ни зги —
И в туманных пустых переулках
Запоздалых прохожих шаги.

Никому нет особого дела,
Как ты, где ты и кто ты такой.
И, хромая, спешит Азazelло
В бар подвальный любимой пивной.

Магазинов витрины закрытых.
Фонари и неоновый свет.
Но ни Мастера, ни Маргариты
Много лет уже в городе нет.

Всё другое, другая эпоха.
И, наверно, пускай нелегко,
Но живут они очень неплохо
Где-нибудь далеко-далеко.

Засыпает не проклятый город.
Берлиоз в телевизор глядит.
Где-то бродит по городу Воланд.
Просто Аннушка в чате сидит.

Старомодно и не по погоде
Он во фрак и цилиндр одет.
Если люди куда-то заходят,
То, скорее всего, в интернет.

И трамваи почти позабыты.
Есть метро, есть кафе и кино.
Только Мастера и Маргариты
В этом городе нету давно.

Когда дорога жизни нелегка,
Я знаю, есть испытанное средство —
Закрывать глаза. На миг вернуться в детство.
А там — стакан парного молока.
И чёрный хлеб с малиновым вареньем.
И ласковая бабушки рука.
И где вся жизнь — как будто воскресенье.
Я часто перед сном, смежив ресницы,
Едва живая от дневных забот,
Загадываю: пусть во сне приснится
И через речку каменистый брод,
И белые ромашки на лугу,
Берёзовая роща с иван-чаем.
И по дороге к дому я бегу.
И на пороге бабушка встречает...

Как всё-таки отпущено нам много
Счастливых и хороших, светлых дней.
Мне часто снится летняя дорога
И девочка, бегущая по ней...

Геннадий Рязанцев–Седогин

Протоиерей Геннадий Николаевич Рязанцев–Седогин — поэт, прозаик, сопредседатель правления Липецкого регионального отделения Союза писателей России, член Союза журналистов России, член правления регионального отделения Международного содружества писательских Союзов, член нескольких творческих академий и организаций, лауреат Всероссийской литературной премии «Александр Невский», премий имени Е. Замятина, И. Бунина, А. Липецкого, Я. Смелякова (2016), автор 12 книг поэзии и прозы, награждён медалями.

Крестьянская доля

Яркой зеленью рощи украшены,
Синий свет так и льётся с небес,
Лишь поля нищетою погашены,
Наливается соками лес.

Вспашут землю, и выдохнет поле,
Утром паром зайдётся туман.
Кто мне скажет, крестьянская доля —
Нищета да пустой карман.

Кто мне скажет, что счастье земное —
Это сытость да барская лень.
Счастлив тот, кто не знает покоя,
Кто в трудах и молитвах весь день.

Кто себя для других забывает,
Кто спешит к тебе ночью и днём.
На совет: «Отдохни» — отвечает:
«Вот умрём — и тогда отдохнём».

Облака

Плывут, плывут по небу облака,
Скитальцы в бесприютной сини.
Земля моя просторна, широка,
Со вкусом горькой и сухой полыни.

Плывут, плывут без усталы вперёд,
Как караваны в небе кочевые.
Им вслед глядят с улыбкой мой народ
Да знаки по дорогам верстовые.

Куда плывут, не скажут никогда.
Но было так и в древности, и ныне.
Так безучастны, коль придёт беда,
Так веселы, коль нет беды в помине.

То встретятся забытое село,
То храм, людьми покинутый, старинный,
Он сохранён под ангельским крылом,
То серые и голые овины.

Душа жива и трепетна пока,
В раздумье полнится и грустью, и печалью.
Не исчезая за незримой далью,
Плывут, плывут по небу облака...

Воспоминание

Зимой сидели в доме старом
В кругу оставшейся родни.
Вдруг в дверь мороз ворвался с паром,
И вспомнились былые дни.
И вспомнилось: в далёком детстве

Избы натопленной уют,
Животные в родном соседстве
Гербарий собранный жуют.
Вставал над дверью иней белый.
Тогда отец студил избу.
Входила поступью несмелой,
Показывая худобу,
Кобыла наша,
Пригибаясь.
Светились тёмные глаза,
На морде, струйкою качаясь,
Текла согретая слеза.
Зима стояла у порога,
А лошадь фыркала в избе.
Впервые я увидел Бога
В той лошадиной худобе.

Полнолуние

Как нимб, блистая позолотой,
Сияла полная луна.
Окутан город был дремотой,
Плескалась на камнях волна.

Ногою гальку приминая,
Мы шли неспешно вдоль волны.
И резко горизонт у края
Светился в отблеске луны.

Казалось, что вот-вот коснётся
Диск водной глади, и тогда
Вскипит тяжёлая вода
И Божий мир перевернётся.

Родная земля

Спрыгну с поезда. Гравий серый
Под ногами хрустит, словно лёд.
Полустанок осиротелый,
Где меня уж никто не ждёт.

Провожу машиниста взглядом,
Отвернусь и пойду в поля.
Никого в целом мире рядом,
Лишь родная моя земля,

Только эти родные берёзы.
Как шумите вы в небесах!
Душу стылую лечат слёзы.
Заблужусь в окрестных лесах.

Знаю, завтра разбудят рано.
Сяду в поезд, уткнусь в окно.
Просияет восход багряный
На заросшее наше гумно.

Никому не отдам на свете
Я печали своей вовек,
Мне родные и небо, и ветер,
И последний в селе человек.

Александр Смирнов

Александр Васильевич Смирнов — мемуарист, автор книги «Город Дзержинский. Очерки по истории: события и люди» и книги мемуаров «Очерки о жизни, событиях, людях», дипломант Всероссийского творческого фестиваля–конкурса «Русский лад — 2016» в номинации «Проза».

Девушка и полковник

*Привыкни делать каждое текущее дело
как самое важное.*

Изречение индийских гуру

В конце семидесятых годов прошлого века, когда основное оборудование и материалы распределялись по фондам, выделяемым Госснабом, на нашем знаменитом оборонном предприятии началось строительство нового четырёхэтажного здания вычислительного центра. Сроки были сжатыми. В многофункциональном здании предусматривалось размещение нескольких быстродействующих вычислительных машин, энергоустановок мощностью до 100 киловатт, систем кондиционирования, пожарной сигнализации и пожаротушения. Много помещений отводилось для ЭВМ среднего класса и мини-ЭВМ, комплексов автоматизированного проектирования изделий, теоретических лабораторий, служб программирования. И всё следовало выполнить на высоком уровне. К работам были подключены смежники и военные строители.

Неожиданно поставщик больших дерево-алюминиевых окон сообщил, что не может выполнить наш заказ к 30 июня из-за отсутствия бруса. Фонды на поставку двух вагонов леса имеются только на четвёртый квартал, а поставщик

отказывается досрочно выполнить отгрузку. Срок ввода здания срывался и переходил на следующий год. Это грозило крупными неприятностями на уровне министерства. На совещании решили, что спасти положение может командировка в сибирский леспромхоз с официальным письмом о досрочной поставке леса для завершения строительства здания. Взятки как способ решения возникавшей проблемы в те времена не практиковались. Не считать же взяткой бутылку–две коньяка или коробку конфет.

Однако желающих поехать в такую глушь с заведомо сомнительным результатом не находилось. Неожиданно свои услуги предложила молодая программистка Людмила. Она заявила, что давно мечтает посетить Сибирь, и не какой-либо город, а именно таёжный край, и уверяла начальника отдела, что не подведёт и непременно справится с заданием, что знает, как этого добиться. Начальник скрепя сердце подписал командировку на предприятие с номерным почтовым ящиком, не надеясь на успех.

Людмила ехала по железной дороге, затем на автотранспорте с пересадками и через несколько дней прибыла к месту назначения. Лесозаготовительная организация оказалась то ли обыкновенной колонией, то ли спецпоселением, то ли воинской частью, а руководил ею военный в звании полковника.

Заместитель начальника с недоумением уставился на командированную гостью: до сих пор к ним приезжали исключительно мужчины, обычно зрелого возраста и вдвоём, а тут перед ним предстала в одиночестве молодая привлекательная женщина. Прочитав письмо, он воскликнул:

— Зачем вы приехали сюда? Мы отгружаем лес строго по графику и поставим его к концу четвёртого квартала!

— Вы отказываетесь помочь мне?

— Эти вопросы решает начальник. Он сейчас в своём кабинете.

Полковник с неподдельным удивлением взглянул на вошедшую к нему девушку, прочитал письмо и заявил:

— Какой идиот направил вас сюда с невыполнимым заданием? Да вам просто опасно находиться в посёлке, где

живут бывшие уголовники и солдаты—охранники. К тому же я не в состоянии выполнить вашу просьбу, поскольку не имею права досрочно отправить два вагона леса! Это сорвёт поставку другим заказчикам. Срочно выезжайте обратно. Ответ я оформлю немедленно.

— Меня никто не заставлял сюда ехать, я сама напросилась. И не могу уехать: начальство мне сказала, чтобы без леса я не возвращалась.

— Я настаиваю на вашем немедленном отъезде. Ничего вы здесь не добьётесь!

Людмила молча вышла из кабинета. Когда на следующее утро полковник пришёл на работу, он с удивлением обнаружил в приёмной нашу барышню.

— Почему вы не уехали? Я же ясно сказал, что ничем не могу помочь вам. Здесь опасно находиться!

— Я не могу уехать без леса. Он нам нужен сейчас. Я обещала начальству, что без леса не вернусь! А если со мной что—нибудь случится, вы же и будете виноваты!

Полковник пожал плечами:

— Ну как знаете, я вас предупредил.

Однако на всякий случай он поручил одному из охранников негласно присматривать за ней и оберегать от возможных неприятностей, которые были вполне реальными, так как в посёлке все знали о приезде барышни из Подмосковья, а чрезвычайные происшествия были здесь нередкими.

На протяжении нескольких следующих дней картина повторялась и походила на ритуал. К приходу полковника Людмила уже ожидала его в приёмной, вопросительно смотрела на него. Он спрашивал:

— Всё ждёте?

— Жду.

— Напрасно. Это бесполезно. Для вас же лучше срочно уехать!

— Без леса я не уеду. Я обещала, не могу подвести и сорвать план строительства здания.

В душе полковника возник и постепенно нарастал дискомфорт. Он стал чувствовать к Людмиле некоторую симпатию. Привыкший принимать взвешенные, порой жёсткие,

даже жестокие решения, здесь он стал сомневаться и до конца не понимал, как ему следует поступить с ней. Дров в костёр подбросила жена.

— Ты почему держишь при себе эту приезжую красавицу? Ты что, глаз на неё положил? Не можешь решиться отправить её домой?

Наконец на седьмой день полковник пригласил Людмилу в кабинет.

— Вы меня просто достали, я перестал нормально спать. Вы годитесь мне в дочери, и я беспокоюсь за вашу жизнь и здоровье. Я сегодня отправляю ваши два вагона, хотя этим нарушаю закон. Имейте в виду сами и передайте это вашему начальнику, что я это делаю только потому, что вы по своей наивности не можете понять, что этого нельзя делать и невозможно выполнить.

Кильки на потолке

Это курьёзное событие случилось лет 50 назад. Моя молодая жена, достав из холодильника очень распространённый тогда продукт — банку кильки, решила её слегка подогреть на газовой плите. В этот момент раздался требовательный звонок в дверь. Жена пошла открывать, но замок как-то не сразу сработал и ей пришлось повозиться. Тут раздался хлопок, похожий на выстрел, как нам показалось, на улице. Наша квартира располагалась на первом этаже, и мы быстро выбежали из подъезда. Однако на улице всё было спокойно.

Вернувшись домой, мы застали на кухне красочную картину. Разорванная консервная банка висела на люстре. Потолок и верхняя часть стен были забрызганы ярко-оранжевым соусом. А как же иначе! Кильки же были в томате. Но самую красочную картину, достойную кисти художника, представлял собой потолок.

На пятнистом ярко-оранжевом фоне в разных позах расположилось всё рыбное воинство. Часть рыбок, прилепившись хвостами к потолку, зло смотрела вниз, словно выискивая виновника их страданий. Другие, наоборот, болта-

ли хвостами, не понимая, что случилось. А третьи, вальяжно развалившись на потолке боком, задумчиво смотрели куда-то вдаль.

Вместо уныния из-за предстоящего хлопотного ремонта мы разразились неудержимым смехом. Однако в течение довольно длительного времени я порой не стеснялся при предъявлении претензий ко мне в случае какой-то промашки напомнить жене о кильках на потолке.

Необычный подарок

*Старайся войти в положение того,
с кем общаешься, разбивай предрассудки
и перегородки условностей.*

Индийское высказывание

Само происшествие случилось в далёких шестидесятих годах. Если для нынешнего времени оно, возможно, не представляет чего-то особенного, то тогда событие казалось из ряда вон выходящим. Все имена изменены.

Во время работы на предприятии среди моих знакомых был Денис Б., человек в работе и жизни серьёзный, кандидат наук. Однако он отличался изобретательностью по части всякого рода розыгрышей. Жизнь казалась ему скучной, если не случались какие-либо происшествия. Если же их не было, он пытался оные организовать. Расскажу об одном из них.

В отделе работал очень стеснительный, щуплый, невысокого роста молодой специалист по имени Владимир С., очень толковый, в дальнейшем — кандидат наук. Он был холост, жил в общежитии и как-то сторонился женщин, тогда как его друзья уже обзавелись подружками или семьями. Попытки познакомить его с подходящими девушками были безрезультатны.

Наступил день рождения Владимира, случайно совпавший с женским днём 8 Марта. Друзья никак не могли придумать, какой подарок преподнести юбиляру, и тут Денис предложил свою авантюрную идею, которую большинство единодушно отвергло как бредовую и невыполнимую. Но Де-

нис не отступился от своего плана и уговорил—таки одного из друзей, Руслана Г., поучаствовать в задуманной аванюре.

8 марта они вдвоём поехали на станцию Люберцы, встали в очередь на автобус, ехавший в Раменское. Здесь они познакомились с двумя девушками подходящих возраста и комплекции, узнали, что их зовут Оля и Лена, затеяли разговор и сели вместе с ними в автобус. Показав свои паспорта, ребята стали уговаривать их поехать с ними в наш посёлок имени Дзержинского, чтобы одна из них сыграла роль подарка их другу на день рождения. Кстати, это будет и подарком ей на 8 Марта.

Сначала девушки смотрели на них как на сумасшедших и категорически отказались участвовать в таком сомнительном мероприятии. Однако Денис и Руслан продолжили их убалтывать, описывая, в каком весёлом спектакле им удастся поучаствовать. Через некоторое время мнение одной из них, Ольги, стало меняться: то ли попутчики показались ей такими весёлыми и совсем не опасными, то ли их сумасшедшая идея её позабавила, но спустя некоторое время она согласилась поехать с ними.

Выдумщики ввели Ольгу в праздничную компанию, представили её Владимиру в качестве подарка, превратив день рождения в какое—то невероятное событие. Праздник прошёл на ура, ребята наперебой оказывали Оле знаки внимания, однако она соглашалась танцевать только по приглашению Владимира, ссылаясь на то, что её подарили именно ему.

Необычная история не закончилась этим днём. Спустя некоторое время мы узнали, что Владимир и Ольга решили пожениться. Среди их гостей за свадебным столом по праву восседал в качестве шафера неугомонный Денис.

Людмила Снитенко

Людмила Михайловна Снитенко — член Союза писателей России, член-корреспондент Академии российской словесности, действительный член Славянской литературной и художественной академии, автор более 10 сборников стихов и переводов со славянских языков. За литературную деятельность награждена грамотами Министерства культуры, лауреат многих общественных премий и московской областной премии имени Я.В. Смелякова (2014).

Грядущее — в нас

Из поэмы о защитниках земли Русской

Евпатий Коловрат

Прежде состояла Русь из княжеств,
Враждовавших часто меж собой.
Если бы не эта распрей тяжесть,
Стали бы великою страной.

Не нависла бы тогда угроза —
Не напала бы на Русь Орда,
Не лились тогда бы вдовьи слёзы,
Не горели наши города.

В битве за Рязань — кровь в жилах стыла —
Были вражьи силы велики,
Каждый воин с сотнею Батыев
Бился, устрашая их полки.

Бились так, что вся земля стонала,
Тысячи легли за наших двух,
Удальцов рязанских было мало,
Но силён их православный дух.

Полегли, но вспять не повернули,
Мёртвыми все вместе полегли,
Город весь, всю красоту земную —
Женщин и детей — враги сожгли.

Коловрат узнал о нападенье,
Когда был от дома далеко,
Поспешил вернуться он, и мщенье
Клокотало в сердце глубоко.

Он собрал надёжную дружину,
Около двух тысяч храбрецов,
И напал на грозный стан Батыя,
Не считая в сече их голов.

Били метко по врагу повстанцы,
И тупились русские мечи,
Бились с ними павшие рязанцы,
Города не сдавшие ключи.

Лихо сквозь полки скакал Евпатий,
На коне спеша везде поспеть,
Не щадил врагов своих заклятых,
Подносил им, словно с неба, смерть.

И послал Батый на Коловрата
Лучшего солдата своего,
И рассёк Евпатий его брата
До седла, как стражников его.

Было наше воинство крылато,
Отступала смерть от них в бою,
Бился каждый с тысячей проклятых,
Не щадя за веру жизнь свою.

Коловрата сам Батый приметил
И собрал ордынцев на совет,
Удальцов таких впервые встретил,
Хоть пленил почти весь белый свет.

И сказал Батый на поле брани,
Когда Коловрат на землю пал:
«Если бы такие были с нами,
Я давно бы мир завоевал!»

Отдал тело людям из дружины,
Тем, кто уцелел в кровавой мгле.
Отпустил их, словно птиц невинных,
Чтоб героя предали земле.

Коловрат своей душой воскресшей —
Бился в сорок первом под Москвой,
И теперь он в Воинстве Небесном
Продолжает ратный подвиг свой.

Александр Невский

Князь Александр Невский
Бесстрашен был в жёстком бою,
Победой над воинством шведским
Прославил дружину свою.

Свободной он Русь нашу видел
И землю родную любил,
Умом его Бог не обидел
И храбростью не обделил.

Князь край свой украсил церквями
И верой в победу Христа,
Раздор прекращал меж князьями,
Поклоны вершил у креста.

Покоя враги не давали,
И с западных псковских границ
На русскую землю напали
Армады тевтонских возниц.

На скованных водах Чудского
В бою новгородская рать
Врагам дала жару такого,
Что лёд стал под ними трещать.

Когда же закончилась сеча,
Лёд кровью был сплошь окроплён,
И долго победные свечи
Горели у чудных икон.

Князь духом земли православной
Уверенность в воинов вселил,
И Божьею волей державной
Границы земли укрепил.

Заступник, молитвой рождённый,
Истории ход изменил,
И в час для страны переломный
Он Русь на века сохранил.

Любовь Стародубцева

Любовь Николаевна Стародубцева — поэт, член литобъединения «Угреша», преподаватель младших классов.

Сквер Пушкина

Есть тихая улица
В городе нашем,
Там скверик зелёный —
Нет его краше.
Там памятник Пушкину
В кружеве лип,
И гомон ребячий,
И дождика всхлип.
Я там отдыхаю
От всей суеты,
Порою сажу,
Погрузившись в мечты,
Читаю стихи,
На поэта смотрю,
Как будто душою
Я с ним говорю.
Приятно, что в городе
Есть уголок,
Где каждый в себе
Разобраться бы мог.

Паутинка счастья

Что такое счастье? Кто ответит?
Может, это солнце, что всем с неба светит?
Может, это ветер, что несёт прохладу
И даёт в жару нам лёгкую отраду?
Может, это море, что вздымает волны?
Может, это гордость, что карманы полны?
Может, это сумки, полные продуктов?
Паутинкой счастья кто, когда окутан?

Что такое счастье? Кто ответит?
Это смех и радость, что несут нам дети.
Это когда кто-то в нужную минуту
Набирает номер и звонит кому-то.
Счастье — это утро. Ты легко проснулся,
Полежал немного, сладко потянулся,
Новый день встречаешь с добротою в сердце,
Распахнёшь души вдруг маленькие дверцы.

Счастье — когда рядом близкие, родные
И когда здоровы люди дорогие.
Счастье — это память, что нас всех связала.
Помнишь, что на ушко мама нам шептала?
Счастье в дом приходит мелкими шажками.
Малое? Большое? Вы решайте сами.
Берегите счастье и живите проще:
Паутинка счастья хрупкая на ощупь.

Ольга Суркова

Ольга Анатольевна Суркова — поэт, член Союза писателей России и Музыкального общества композиторов и поэтов–песенников Подмоскovie, выпускница Высших литературных курсов при Литературном институте имени А.М. Горького, лауреат литературной премии имени А.П. Чехова и нескольких международных литературных конкурсов, автор поэтических книг «Дом у океана», «А главное всё же душа», «Венчает Россию берёзка», «Берегиня».

Берегиня

Я берегу вас, берегу..
Но как мне всех вас уберечь?
Молюсь, вплетаю, как могу,
Слова любви в родную речь.
Друзья вы мне или враги,
Храни вас Бог в земном пути.
Россию, Отче, сбереги
И все грехи ей отпусти.
Развей осадок и печаль —
Золу несбывшихся надежд.
А мне всегда до боли жаль
Её хапуг, бродяг, невежд.
Здесь у одних наполнен дом
До самой крыши, до небес.
Что будет с этим всем потом,
Покажет им довольный бес.
А у других — ни крова нет,
Ни хлеба каждый новый день.
Им застилают белый свет
Беспомощность, распутство, лень.

Россия бьёт в колокола:
«Очнись, задумайся, народ!»
Ведь Родина нас не звала
Идти вслепую или вброд.
Мы по течению бредём,
Не зная истинных дорог.
И сумасшедших полон дом —
Кто не сгорел — до слёз продрог.
Пылает огненный закат
На берегах родной реки.
Навеки кто-то виноват
В стране, где плачут старики...
Чтоб каждый был и брат, и друг
В рассвете радостного дня,
Сойдитесь в нерушимый круг
И помолитесь за меня.

Новый храм

Я люблюсь из окон высотки,
Как растёт на глазах новый храм.
Божьи силы вбирает по нотке
Он во славу святым мастерам.
Великаньи бока округляет,
По кирпичику тянется ввысь
И задуматься нас заставляет,
Для чего мы на свет родились.
Позолоченный купол поставит,
Как на голову шлем богатырь.
Силы Божии будут в нём править,
Запоют в новых стенах псалтырь.
И заутренний звон колокольный
К жизни праведной нас позовёт.
Он всем звонницам Первопрестольной
Будет вторить века напролёт.

Гармонь

Не слышно гармони в деревне,
И песен давно не поют.
В прохладу зелёных деревьев
Соловушки трелью зовут.

Гармонь, разбуди наши сёла
И радость в дома принеси!
Без песен народных весёлых
Не выжить великой Руси.

Красивый обычай нарушен
Без русской гармони у нас.
Воспрянут с гармошкой души,
Воскреснет лихой перепляс.

И песня привольно польётся
Под птичий залиvistый свист...
Я верю, деревня проснётся,
Родится на свет гармонист!

Яблоки спелые падают...

Яблоки спелые падают
В старом печальном саду.
Но почему-то не радуют
Яблоки в этом году.

Яблочными ароматами
Полнится, полнится сад...
Я ль пред тобой виноватая?
Ты ли во всём виноват?

Яблоко ем одиноко я.
Разве так было в раю?
Яблонька наша высокая
Свесила крону свою.

Тропка в саду не истоптана,
Дикой травой поросла.
Тень, что под ветками соткана,
Нам холодок принесла.

Звонко, наивно и весело
Птицы в прохладе поют...
Будет из яблока месиво,
Если оступишься тут.

Голову кружит неистово
Яблок заманчивый дух.
В свете заката лучистого
Мысли рождаются вслух.

Стану ли снова единственной
Евой твоею, Адам?
Яблоко ночью таинственной
Только тебе я отдам.

Татьяна Уварова

Татьяна Иосифовна Уварова — член Союза писателей и Союза журналистов России, член-корреспондент Академии российской словесности, лауреат московских областных литературных премий имени Р.И. Рождественского, Я.В. Смелякова и Е. Зубова, секретарь правления МОО Союза писателей России, автор шести поэтических сборников, в числе которых «Предзимье», «Послесловие к любви», «Поздние астры». Награждена Золотой Есенинской медалью, орденом Екатерины Великой II степени, медалями «Александр Пушкин», «Ярослав Смеляков» и другими.

Ветер загубленных душ

Эти пронизывающие живую душу неистовые ветры, ошеломляющие людским многоголосием общего страдания, пронзительно кричащие от боли и предсмертного ужаса, существуют на земле в тех краях, где их породили жестокие массовые убийства. Не каждому суждено судьбой попасть в те места, но кто там окажется, как когда-то я, вспомнит мой рассказ и сможет осмыслить суть этого явления.

Летом 1983 года моего мужа майора Уварова Николая Григорьевича, занимавшего должность начальника 8-го отдела авиационной дивизии, базировавшейся в грузинском городе Миха-Цхакая, перевели в группу советских войск в Германии, точнее ГДР. Вначале полгода он должен был временно прослужить на капитанской должности начальника 8-го отдела артиллерийской воинской части в небольшом старинном городке Тюрингии Арнштадт, а далее заменить отбывающего на родину майора мотострелковой дивизии, расположенной в гарнизоне Крампниц, в пригороде Потсдама.

Я с дочками приехала в Арнштадт позже, в сентябре. Военному поселению за оградой нечем было порадовать глаз после цветущего, залитого щедрым грузинским солнцем авиационного городка, в центре которого красовался

серебристый истребитель старого образца, привлекающий взоры жителей, особенно мальчишек, мечтающих стать лётчиками. А на новом месте ко мне пришло ощущение какого-то подспудного страха, словно стою я на нехорошей земле, запятнанной неким злом. А ветер?! Где я только не побывала (в местах службы отца и мужа, своей учёбы и путешествий), а такой ветер встретила впервые. То подвывает по-волчьи, то ноет по-человечьи, толкается, треплет волосы, закрывая ими лицо и запихивая в рот, за одежду дёргает, рвёт туда-сюда, задирает долу всё, что может задрать. Если косынку или шапку сорвёт, вряд ли догонишь. Ну и ветрюган тут у них! Всегда беснуется или только меня так встречает?

Квартирка наша находилась в панельной высотке. Удивила меня кухонька без окон на улицу, длинная и узкая, между гостиной и спальней детей. Готовишь на кухне, а блюда выдаёшь домочадцам через небольшое квадратное оконце. Так, видно, тут заведено. Контейнер с нашими вещами и мебелью давно пришёл, замечательный мой муж мебель расставил, распаковал ящики с нужными вещами, и в день приезда мы на всём готовеньком собрались первую нашу ночку в ГДР провести. Дочки без особой охоты, хоть и клевали носом, всё же отправились в свою спальню. Впервые в жизни они хотели увидеть по телевизору фильм ужасов про графа Дракулу и вампиров, но я им не позволила. Уставшие с дороги девочки быстро заснули. А я села у телевизора — и во все глаза.

Мой Котя, как я звала своего Николая, с энтузиазмом расстилает постель. Вдруг раздаётся телефонный звонок. Муж подымает трубку, слушает, и вижу по лицу, что он чем-то недоволен.

— Телеграммы срочные пришли. Завтра утром — командиру на стол. Здесь я один, всё сам делаю. В дивизии были шифровальщики-солдаты, а здесь никого не положено. Придётся ночью работать.

— Ты не переживай, я тебя дождусь. Программы по телу посмотрю. Мне же интересно, какое кино немцы крутят.

После ухода мужа меня увлекло переключение телевизора с канала на канал: на одном — детектив с маньяком, на

втором — ужастик про зомби, на третьем — боевик с пого-ней, драками и стрельбой, а на четвёртом — ужасы с вампирами. Сейчас никого в нашей стране этим не удивишь. А в то время в СССР наш зритель о таком кино не ведал и, как мне теперь думается, ничего от этого не потерял.

В первом часу ночи ветер за окном усилился, немногочисленные в городке деревья жалобно зашумели. И вдруг в вентиляционную систему дома — так я поняла — ворвался яростный ветерище. Он не просто завыл, а завопил неисчислимыми человеческими голосами. В предсмертных криках, не похожих ни на что другое, иногда отчётливо звучали отдельные слова, как будто записанные качественной аппаратурой. Изучавшая только один иностранный язык — английский, я всё же сразу поняла, что вопят на немецком: «Майн Гот!» Это, должно быть, немцы и немецкие евреи, говорящие, как всем известно, на идише, еврейском языке немецкой группы, зывали к Богу. Доносились отрывки неизвестных мне наречий. И русское дорогое слово «мама», зовущее на помощь, тоже почудилось. Тогда я уже знала, что в Тюрингии, всего лишь в 31 километре от Арнштадта, находится город Веймар, вблизи которого есть страшное место с красивым названием Бухенвальд (Буковый лес), где был один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии времён войны.

С той жуткой ночи я старалась как можно больше узнавать об этом адском фашистском концлагере. Сведения были ужасающими! С июля 1937 по апрель 1945 года здесь находились в заключении более 250 000 человек. Количество жертв лагеря оценивается примерно в 56 000 узников. В январе 1945 года тысячами туда начали привозить евреев из польских концлагерей.

Но тогда я ещё ни сном ни духом не ведала, что моя семья вместе со всем артиллерийским гарнизоном находилась на месте бывшего до 1945 года концентрационного лагеря, на базе которого был завод по изготовлению фаустпатронов, где работали заключённые. Тех, кто был занят на секретных объектах, затем уничтожали. Многие умирали от непосильного труда. Об этом я узнала много позже, когда в нашей жизни появился интернет. И мне стало ясно, отчего, ступив

на землю военного городка, я почувствовала подспудный страх. От недоброго места! В феврале 1945 года Бухенвальд стал самым крупным лагерем смерти с 88 филиалами. В то время за колючей проволокой томились 112 000 узников. Мы и попали на бывшую территорию одного из филиалов.

В статистике Бухенвальда не были учтены расстрелянные в 1940 году 8000 советских военнослужащих. Трудно даже представить себе эту массу людей — восемь тысяч! Не учли! До глубины душа возмущается. До сих пор пытаются скрыть и тот факт, что в лагере убивали людей и в газовых камерах, хотя есть тому свидетельства очевидцев. С лета 1940 года в Бухенвальде заработал крематорий. Нетрудно догадаться, что в нём сожгли и расстрелянных неучтённых красноармейцев.

С дрожью в теле, с мурашками на коже, с горечью соучастия в общей беде провела я свою первую ночь в Германии, слушая Ветер загубленных душ. Он не только звучал невыносимой болью, проклятиями и требованием возмездия, но и насылал адские картины фабрики смерти. В моём воображении предстала газовая камера, до отказа заполненная голыми узниками — женщинами и мужчинами разного возраста. Сразу пущен газ, 10–15 минут истошных криков — и всё кончено! Мёртвые стоят, не падая, тесно прижатые друг к другу. Их души повисли над телами, слившись в единую субстанцию — неуспокоенную душу вместе убиенных. Телам ещё гореть в аду крематория. Ведьмак Адольф Гитлер намеренно совершал массовые убийства — жертвоприношения злу. Так рождались ветры загубленных душ.

За четверть часа до возвращения мужа ветер покинул вентиляционное горло высотки, ушёл, как говорится, восво-яси. На экране телевизора мелькали зловещие оскалы вампиров в чёрно–белом довоенном фильме ужасов. Мысли отчаянно роились в голове: «А ведь так–таки никто и не снял суперфильма кошмаров XX века! С главным героем — маньяком и вампиром Адольфом, выросшим из крошки Адика, поцелованного дьяволом в темечко!» Да и до каких там аллегорий, когда в документальном кинофильме показали газовую камеру, вмещающую 2500 человек! Ад торжествовал на Земле: почти во всех немецких концлагерях совершались

массовые убийства газом, устройствами для расстрелов с выстрелом в затылок, над узниками проводились опыты, уничтожавшие каждого третьего. И последний этап для убитых узников — крематории. Над их трубами днём и ночью стояли гарь и дым.

Дождавшись мужа, я сразу спросила у него о прилетавшем ветре. Он ответил:

— Такое ночью случается часто, и поначалу трудно было привыкнуть к мощным завываниям на сотни голосов.

— Коля, неужели у тебя никаких догадок не появилось об этом живом ветре неуспокоенных душ?! Я сразу поняла их природу! Ты же немецкий язык изучал, мог бы постараться понять слов больше, чем я. К Богу взывали, умирая! Души слились воедино, ветром стали!

— Но у меня не поэтическая душа, как у тебя, малыш. Многоголосие в ветре я различал, но не задумался, что да отчего. Зато в мемориальном комплексе «Бухенвальд» я уже побывал. Надпись на воротах: «Каждому своё». Сама всё увидишь. Дочку вместе с другими ребятами из нашего городка в школу будут возить в гарнизон Верхняя Нора в районе Веймара. А от Норы до Бухенвальда километров пять. Договоришься с водителем школьного автобуса, он тебя туда и обратно подбросит за время, пока шесть уроков с переменками будут идти.

Познакомившись с двумя соседками, молодыми, красивыми, образованными жёнами офицеров, я пригласила их к себе на чай. Говорили о многом, что могло нас волновать. Женщины рассказали мне о своей жизни в ГДР, ведь со своими семьями они пробыли здесь: одна — два года, а другая — около пяти лет и ждала перевода мужа на родину.

Замполит части советовал мне за городок стараться не выходить, мол, не всё так безопасно, как кажется. Соседки же уверяли, что нечего бояться — немцы не кусаются! Через КПП можно и не выходить. Есть всем известный другой выход в ограде, неофициальный. Гуляй не хочу! Можно парочками сговориться и отправиться попутешествовать в своё удовольствие. Да и какие тут расстояния?! От Арнштадта до Веймара всего 31 километр. Арнштадт — родовое гнездо Бахов. А Веймар прославили Гёте, Лист, Шиллер, Штраус, а

если кому это интересно, то и Ницше, отрицатель сострадания, доброты и долга.

И тут вступила в разговор я, надеясь коснуться волнующей меня темы:

— А как вы относитесь к неистовому ветру, истошно вопящему в вашем доме по ночам?

— Это мистика какая-то! Это хор мёртвых! В первый раз, услышав его, я испугалась, как маленькая девочка, попавшая ночью в подzemелье, где за стеной камера пыток, — ответила одна из женщин.

— Мы с мужем, — продолжила беседу вторая соседка, — сошлись во мнении, что подобные вопящие от ужаса ветры существуют как явление природы, порождённое преступлениями против человечества — массовыми убийствами.

Выслушав моё понимание Ветра загубленных душ, собеседницы согласились со мной во всём. Такое единодушие, возможно, объяснялось тем, что все мы закончили филологические факультеты. Они преподаватели русского языка и литературы, а я журналист. И взгляды на мир у нас были схожи, мы обладали неограниченным воображением и умением видеть и понимать то, что показывают и подсказывают нам Высшие Силы.

Все мои гости побывали на запланированной политотделом экскурсии в Бухенвальд, а мне советовали посетить мемориал в одиночку, потому как на ближайшее время экскурсия туда не планируется, а наша семья, как они поняли, ненадолго задержится в их гарнизоне. Я задумала непременно отправиться в Бухенвальд в ближайшее время, уже представляя себя стоящей перед памятной плитой, где высечены имена узников концлагеря всех национальностей. Эта плита подогревается до 37 градусов (температура человеческого тела). О ней поведала мне одна из соседок.

Вскоре дочь, приехав из школы, сообщила мне, что учительница истории водила сегодня два своих седьмых класса на экскурсию в Бухенвальд.

— Какое это страшное место! Хочешь, я тебе расскажу о нём?

— Нет, я сама туда собираюсь в ближайшие дни. Многое

об этом адском концлагере мне уже рассказали. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!

Супруг мой договорился с прапорщиком, водителем школьного автобуса, чтобы тот довёз меня до Бухенвальда и забрал оттуда, пока дочки будут на уроках. И вот я уже еду вместе с весело общающимися между собой школьниками в Верхнюю Нору. Погода для сентябрьского дня по немецким меркам неплохая, не шепчет ни о дожде, ни о буйном ветре. Солнце, конечно же, не сияет, как в Грузии, а скромно хоронится под серо-голубой простынёй неба, изредка выглядывая из праздного любопытства. В окно автобуса я с удовольствием рассматриваю немецкие селенья. Особенно меня интересуют дома, в которых обитают местные жители. Всё для меня в диковинку, ведь я впервые за границей и не где-нибудь, а в Германии! С этой страной наша страна повязана кровью.

Вместе с ребятами зашла в школу, успела до уроков переговорить с классной руководительницей дочки, милой женщиной, высказавшей своё сожаление, что наша семья вскоре покинет здешний гарнизон и ребёнку опять придётся привыкать к новому коллективу.

— Я вас до Бухенвальда мигом довезу, всего пять-шесть километров, — сказал шофёр, садясь за руль, — а заберу часа через два.

— А хватит ли мне двух часов, чтобы посмотреть и мемориальный комплекс, и концлагерь? — спросила я по дороге.

— Думаю, что не хватит. Высажу вас напротив мемориального комплекса. Построен он на холме Эттерсберг на месте массовых захоронений заключённых. Там Улица наций есть с братскими могилами, башня Свободы, в основании её лежит земля из других концлагерей.

— Хочу увидеть памятник героям Бухенвальда, освободившим себя и своих товарищей 11 апреля 1945 года, до прихода американцев. 11 фигур разных национальностей. Муж мой восхищался талантом скульптора. Ему повезло присоединиться к гарнизонной экскурсии, а я вот решила в одиночку наверстать упущенное.

Автобус остановился. Прапорщик озабоченно огляделся:

— Да, видать, погодка против вас настроена! Пасмурно,

словно вечер наступает. Да и ветрюган налетел не на шутку, в автобус грюкает.

— Так ведь тепло и дождя нет, — заступилась я за погоду и вышла, с напряжением сопротивляясь ветру.

Очутившись в открытом пространстве, я наконец-то смогла понять, что всё не так, как я ожидала. Нигде ни души. Какой-то незнакомый враждебный мир не хочет меня принимать. В серой мгле ветер напал на меня, толкаясь и завывая. Он встал на моём пути в Бухенвальд, не давая продвигаться вперёд. Вдали маячила башня Свободы, с неё непрерывно доносился предостерегающий звон. Как нельзя кстати в голову пришли известные многим слова: «...не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол. Он звонит по тебе». Я не хотела сдаваться и, вступив в борьбу с ветром, медленно протискивалась вперёд. Казалось, вокруг ничего нет. Только я, башня, звон и ветер, который становился всё сильнее, а я выбилась из сил. Стало ясно, что мне не пройти в Бухенвальд! Внезапно жуткое чувство страха охватило душу. Что же со мной будет за эти два часа!

Обернувшись, я увидела, что автобус стоит на месте, до него не так уж и далеко. Ветер понёс меня к нему, как пушинку. Прапорщик облегчённо вздохнул, когда я, удручённая неудачей, села у окна, прощально глядя вдаль, на башню Свободы.

— Знаете ли, я побоялся уехать, чтобы не отвечать перед вашим мужем, куда жена подевалась. Видел, что с ветром вам не справиться!

В Верхней Норе было всё как прежде: безветренно, тихо, мирно. Мы благополучно вернулись в свой гарнизон. В Бухенвальд я больше не стремилась, решив, что Ветер загубленных душ спас меня, не пустив в одиночку бродить по этому страшному месту смерти. Я догадываюсь, почему он это сделал, но тайну раскрывать не буду.

Игорь Ушаков

Игорь Борисович Ушаков — поэт, член правления Московской областной организации Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2016) и премии «Золотое перо Московии», доктор медицинских наук, академик РАН, лауреат премии СМ СССР и двух премий Правительства РФ, заслуженный врач РФ, генерал-майор медслужбы запаса, потомок рода Ф.Ф. Ушакова. Автор нескольких книг и поэтических публикаций в периодике. Награждён орденами и медалями.

Исцеление любовью

Обманут я, и радуются черти:
Роятся образы, ложатся в груды строф,
Всё чаще снятся мне картины смерти,
А сам я весел и — практически здоров.

И на работе подлецы предали,
Лесной закон среди людей суров:
Отставлен я, но честь не замарали,
А сам я весел и — практически здоров!..

Пусть хвори донимают всё сильнее,
Всё чаще я в объятьях докторов,
Прогноз грядущий с каждым днём грустнее,
А сам я весел и — практически здоров.

Одно мне исцеление — любовью —
Средь дьявольских предательских хоров.
Поэтому любви не прекословлю:
Лишь с нею весел и — практически здоров!

Наш крестный путь

Когда молчать уже не в силах,
А истины захочется глотнуть,
Мы в окруженье ликов огнекрылых
Отправимся в последний крестный путь.

Он будет сложным, но необходимым,
Поможет нам грехи свои отмыть,
И станет главным и неповторимым,
И даст ответ нам: быть или не быть?!

Раскроет тайны крестный путь сознанию,
Но в эту жизнь обратно не вернёт...
Вся ложь погибнет в безднах мироздания,
И в нас любовь вовеки не умрёт.

Готовься с детства в крестный путь, —
Он в святости откроет жизни суть!

Родство

Берёзы и сосны, каштаны, дубы —
Деревья, как люди, не схожи во многом,
Их ветки и листья — этапы судьбы,
Но так же, как люди, деревья под Богом.

Давайте расти не по дням — по часам,
Давайте любить, не вдаваясь в детали.
Деревья и люди, стремясь к небесам,
Мечтают о том, чтобы их понимали.

* * *

Презумпция бессмертия любви
Должна владеть душою и делами.
Я говорю: «Ты небо не гневи,
Найди свою стезю в безбожной драме».

Ведь если нет любви, то для чего живём,
И городим навал ошибок диких,
И гоним мысль, что всё–таки уйдём,
И дел тома плодим порой безликих?

Любовью измеряется добро,
Любовью измеряются творенья,
Любовь — не блеск, она души нутро,
В любви — залог и тайна воскрешенья.

Презумпция бессмертия любви
Пусть властвует и тихо торжествует.
Любовь моя, спаси и сохрани!
К одной тебе природа не ревнует.

Цветок любви

Дельфиниум цветёт под снегом,
Уже неделю борется цветок,
И не спасти его щитом и оберегом,
Но он даёт нам яркий стойкости урок.
Он, как солдат, любви навеки присягает
И не боится в ноябре цвести.
О лете он безропотно мечтает,
Но нам его не суждено спасти.
Погибнет синева цветка в сугробе:
Всё смертно в этом мире слёз.
Но лучше так в агонии, в ознобе
За истину бороться в полный рост.

Тургеневской женщине

Я люблю твою светлую кожу,
Я люблю твою тихую грусть.
Ты тургеневская... О мой Боже!
Ты прекрасна, как наша Русь.

Ты мечта моя и наказание,
Я не знаю, как это назвать.
Без тебя всё кругом без названия,
Лишь тебя я хочу целовать.

Ты красивая, белая, чистая,
Я в мечтах о тебе, как во сне.
Улетают опавшие листья...
Вспоминай иногда обо мне.

Прости!

Прощать других непросто, но возможно,
Простить себя сложнее во сто крат.
Моя вина пред Богом непреложна,
Но пред тобой я больше виноват.

Не сотворил всего, на что я был способен,
Не сохранил сокрытых чувств в душе.
Приснился образ твой, он был богоподобен,
Но не прочёл призыв в глазах твоих уже.

Прости за встречи главной запоздалость,
За невозможность вечно рядом быть.
Не знаю, сколько нам ещё осталось...
Прости за то, что мог себя простить.

Валерий Фоменко

Валерий Валентинович Фоменко — поэт, прозаик, бард, член Союза писателей России, дважды лауреат фестиваля авторской песни имени В. Грушина и других фестивалей, автор нескольких аудиодисков. Его произведения публиковались в газете «Угрешские вести» и альманахах «Угрешская лира», звучали в эфире телеканала «Угреша».

Круг замкнулся

В детстве у меня была персональная сокровищница, такая пещера Али–Бабы. Её роль исполнял папин письменный стол. В столе царил идеальный, прямо–таки неестественный порядок, притом хранились в нём весьма странные вещи: гироскоп от немецкой ракеты FAU–2, подзорная труба времён Жака Паганеля, разновеликие оптические прицелы, набор довоенных авторучек, трофейные готвальни и прочее. Нарушение порядка в столе каралось по семейному закону, поэтому залезать в него можно было только в отсутствие родителей, не оставляя следов «взлома». Стол служил для меня неиссякаемым источником вдохновения, восхищения и любопытства. Но особый интерес вызывал некий документ на серой потрёпанной клеёнке, почти тряпочке, наклеенной на картон. Верх документа украшала жирная надпись готическим шрифтом: «Ausweis Nr. 89». Ниже подслеповатый печатный текст на немецком, в левом нижнем углу фото светлоглазого мальчишки в чёрной лётной форме, припечатанное имперским орлом со свастики в когтистых лапах. Правда, это сейчас я вижу на фото мальчишку, а в детстве он мне казался взрослым и даже грозно–значительным. Из текста следовало, что аусвайс выдан 22 июня 1941 года унтер–офицеру Бернхарду Леппле (Bernhard Laepple), родившемуся 19.03.1917, проживающему в городе Ulm/Donau по адресу: Sattler str. 20.

Став старше, я поинтересовался у отца происхождением документа. Он кратко пояснил, что недалеко от него упал са–

молёт, что лётчик был убит выстрелом из винтовки и что он, отец, забрал у пилота удостоверение в качестве сувенира. Потом посмотрел на меня, подумал и добавил, что от удара лицо лётчика съехало на затылок. Эта деталь поразила моё юношеское воображение и навсегда излечила от легкомысленного отношения к войне.

В конце своей долгой жизни родители передали мне небольшую картонную коробку со словами: «Нам уже много лет, и пусть теперь это хранится у тебя».

В коробке оказались фронтовые письма отца — 130 штук. Я ахнул, когда разложил их по датам и стал читать. В моих руках оказалась полная летопись войны, начиная с июня 41-го года и кончая октябрём 45-го. Причём это не были обычные бытовые письма. Отец старался писать интересно, полагая, что если ему суждено погибнуть, то пусть от него останется хотя бы яркое и достоверное описание боёв. В результате получилась готовая повесть, полная драматизма, которую я впоследствии издал в виде книги «Сто писем с войны». Признаться, я так и не понял причины, по которой родители столько лет таили от меня эти письма. Могу предположить, что виной тому глубокое отвращение, которое они вынесли из той кровавой войны.

В письме от 25 сентября 1942 года я нашёл подробное описание случая с немецким самолётом. Сентябрь тогда, в отличие от дождливого августа, выдался на редкость сухим и тёплым. Подходила к концу Ржевско-Сычёвская операция — составная часть большой Ржевской битвы 1941–1943 годов, которая оказалась самой кровопролитной за всю историю человечества. И самой замалчиваемой историками. Потери советских войск в боях под Ржевом составили более 2 миллионов человек, вдвое превысив потери в Сталинградской битве. В лесах под Ржевом погибла 29-я армия. Сам город был превращён в лунный пейзаж. От 40 тысяч населения осталось всего 248 человек. В сентябре 1942-го город находился в руках немцев.

К этому времени 239-я стрелковая дивизия, в которой мой отец Валентин Фоменко служил командиром батареи 120-мм миномётов, вышла к речке Вазузе, южнее города Зубцова. Оттуда дивизия очень медленно, преодолевая

отчаянное сопротивление немцев, двинулась на Ржев, точнее, чуть южнее этого города к железной дороге, идущей на Вязьму, с целью её перерезать. Так гласит военная история.

А теперь обратимся к письмам моего отца, где красочно описаны воздушные бои, когда наши позиции ежедневно прилетало бомбить около 300 самолётов, иногда одновременно штук по 40. И вот самое интересное: *«Батарея сменила позицию (ушла с дивизией в др. место — ближе к Ржеву). И я остался с двумя бойцами охранять оставшиеся из-за недостатка лошадей мины. Пребывание втроем на огромном опустевшем ржаном поле скрасилось упавшим в 150 м от нас Ю-88. Бегал ловить одного из команды, спустившегося на парашюте. Поймали. Он сдался почти без сопротивления. Спрыгнуло 3 чел. Пилот был убит пулей из винтовки, пущенной с земли, когда, выйдя из пике и разворачиваясь для нового захода, он снизился. Интересно то, что немцы немедленно начали обстрел тех мест, где снизились парашютисты и где упал самолёт. Мне пришлось удирать от самолёта, куда я прискакал в надежде найти часы. Да! Я забыл написать о том, что часы мои во время пребывания на наблюдательном пункте приказали долго жить. Лопнула пружинка без всякой видимой причины (может быть, от близкого разрыва). Часы с приборной доски (сохранившиеся, несмотря на то, что самолёт от удара о землю раскидало на полкилометра) подхватил какой-то тип, прибежавший к самолёту, пока я бегал ловить штурмана. Другие часы, находившиеся у пилота и разбившиеся вместе с ним (часы с 6-ю стрелками, хронометр и секундомер), подцепил один из моих бойцов. ...Взял (и таскаю) „на память“ документ разбившегося лётчика...»*

Резюме: миномётную позицию отца атаковал пикирующий бомбардировщик Юнкерс-88. *«Пилот был убит пулей из винтовки, пущенной с земли».* Самолёт рухнул в 150 метрах от отца.

В марте 2012-го я вылетел в славный австрийский городок Майерхофен кататься на горных лыжах. В последний момент я сунул в чемодан «Аусвайс № 89».

Наш уютный кукольный отельчик примостился в маленькой деревеньке за чертой города. Вокруг парят туманом

чёрные поля, вкусно пахнет навозом, по соседству кто-то мычит по-австрийски. Горнолыжная пастораль. Забыл в ski-bus шлем — вернули! Забыл маску — опять вернули! Чудеса, братцы!

Когда я показал аусвайс пожилой хозяйке отеля, та зама- хала пухлыми ручками:

— It is unlikely that you will find relatives, many years have passed.

— How far to Ulm? — поинтересовался я на ужасном ан- глийском.

— Oh, far. Very, very far!¹

Я прикинул по карте — километров 300. Эх, Европа... Да это разве далеко? Не ведают они русских просторов. Раз в неделю я мотаюсь на дачу почти за 200 километров, а тут — 300. Ерунда! Пошёл в городок, снял для пущей эконо- мии «Фиат Пунто» и утром выехал в Германию, набив «коро- бочку» любопытствующими друзьями. Перед выездом завёл в навигатор адрес из аусвайса: «Ulm, Sattler str. 20». Гаджет объявил, что такого адреса не знает, и посоветовал съездить в «Ulm, Sattler grs. 3». «Так, — думаю, — начинается. Strasse (улица) превратилась в grasse (проезд) и значительно укоро- тилась. Ладно, поехали, на месте разберёмся».

Думал, часов шесть будем добираться. Какое там! За два с половиной часа домчались. Забыл, что в Германии автоба- ны без ограничений. Влупили под 170 — и в левый ряд, где водятся только мерсы, БМВ и аудиохи. Из них на нас смотре- ли как на психов. Они же не знали, что мы русские и нам надо до 20:00 вернуть машину в прокат.

Южная Германия — это красиво. Холмушки, лесочки, аккуратные городочки, прочно приколоченные к Баварии острыми шпильками кирх. В объезд Мюнхена навигатор при- вёз нас в древний город Ульм, в самый его центр. Паркуем- ся. На домах таблички: «Sattler grasse». Действительно, на grasse только три дома, а дальше огороженный пустырь, за- полненный свежебитым кирпичом, и надпись на заборе: «На этом месте будет построена синагога». Вот тебе раз! Нуж- ный дом уже снесли, а синагогу ещё не построили.

Потыркались туда-сюда и сунулись в ближайший ин- формационный тур-центр. Там девушки за компьютерами, а

на стенах — портрет Эйнштейна с высунутым языком. Оказалось, Однокамушкин (буквальный перевод фамилии великого учёного на русский) тут родился, и ульмовчане этим страшно гордятся. Показываю аусвайс девушкам. Они заволновались, посовещались, и начались немецкие чудеса. Спустя ровно 10 минут нам говорят, что через городской архив нашли сына Бернхарда Лепле. Ему 72, работает недалеко, в музее, и минут через 20 подойдёт. Мы восхитились и решили пока осмотреть кафедральный собор. А он у них циклопических размеров: шпиль колокольни взлетел аж на 150 метров. Для сравнения: наша Угрешская свеча² метров на 60 ниже.

В огромном пустом зале собора настраивают орган. Под тёмными готическими сводами плывёт низкая печальная нота. Подхожу к алтарю и слышу за спиной неуместно торопливые шаги. Оборачиваюсь: догоняют двое — девушка из агентства и мужчина в очках-консервах. Мужчина подбегает, жмёт руку, обнимает, и я понимаю, что это и есть сын немецкого пилота. Представился:

— Томас.

Мы сели на аскетические протестантские сиденья, и пошёл разговор на коллективно слабом английском.

— Это невероятно, — горячится Томас, — мы уже не надеялись что-либо узнать. Неужели вы из России? Нам сказали, что мой отец пропал без вести. Мы думали, что он попал в плен. Я ездил в Москву, пытался найти следы, но безрезультатно.

Я достаю аусвайс и показываю фото.

— Это он?

— Да, да!

— Ваш отец погиб в воздухе.

— Я понял. Надо позвонить маме.

— Ваша мама жива?!

— Да, ей 91.

Томас достаёт телефон, начинает звонить. У него дрожат руки. Ловит наши взгляды.

— Трemor, — извиняется он. — Очень волнуюсь.

Мы переглядываемся. Жена лётчика жива? Невероятно? Впрочем, моей маме столько же.

— Невероятно! — повторяет Томас. — В этом алтаре моего отца крестили, здесь он венчался, и здесь же я узнаю о его гибели. Невероятно! Когда вы уезжаете? Я хочу пригласить вас с друзьями к себе домой. Я познакомлю вас с мамой.

Мы переглядываемся.

— Нет, — испугался я, — невозможно. Нам надо быть вечером в Майерхофене.

— Очень жаль.

Я передаю ему аусвайс и книгу «Сто писем с войны». Открываю на 90-й странице.

— Послушайте, это важно для вас. Переведите этот текст, и вы узнаете обстоятельства гибели вашего отца.

— У меня есть друг, он знает русский, он поможет. Я хочу приехать в Россию, посетить место гибели отца.

— Приезжайте, мы будем рады, — приглашаем наперебой.

Обменялись адресами, на прощание обнялись. И на душе стало легко. Оказывается, серая клеёнка с чёрной печатью несильно, но настойчиво давила на мою совесть. И как же всё удачно сложилось! Реализовался, наверно, один шанс на тысячу. Я приехал в чужую страну, в незнакомый город и через 30 минут встретился с человеком — посланцем далёкого военного прошлого.

Круг замкнулся. Более 70 лет назад в центре России наши отцы столкнулись в смертельной схватке. Один в чужой стране атаковал с воздуха полутоннами бомб, двумя пулемётами и пушкой. Второй отбивался на своей земле винтовкой и первым разрядом по стрельбе. Второму повезло, и я получил возможность родиться, а Томас лишился отца. И то сказать, кто его к нам звал? Поделом! Но Томас перед нами не виноват. И это факт.

Странная штука жизнь.

¹ — Вряд ли вы найдёте родственников, ведь прошло много лет.
— Далеко до Ульма?

— Ох, далеко. Очень-очень далеко (*англ.*).

² Угрешская свеча — колокольня Николо-Угрешского монастыря, расположенного в городе Дзержинском Московской области (см. фото на обложке альманаха).

Евгений Васильевич Хазов — поэт, член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова, автор поэтической книги «Утренняя Русь» (2015). Его произведения печатались в сборниках энергодарского литобъединения «Резонанс», в альманахах «Угрешская лира» и «История Угрешки».

Обжигающий хлеб

Мальчишки лет восьми с азартом пасовали друг другу какой-то твёрдый комок. Мне стало интересно, я подошёл поближе и обомлел: они пинали половинку буханки засохшего хлеба. Я крикнул:

— Прекратите немедленно! Этого делать нельзя!

— Нельзя играть в футбол?

— Нельзя играть хлебом вместо мяча. Разве родители не говорили вам, что к хлебу нужно относиться с уважением, беречь его? Разве в школе не объясняли, как много времени и труда затрачивается от посева хлебных зёрен в землю до выпечки караваев? В блокадном Ленинграде не хватало еды. Жителям выдавали по маленькому кусочку хлеба в день. Многие умирали от голода. Вот такая половинка буханки в войну кому-то могла спасти жизнь. А вы её — ногами!

Не уверен, подействовали на мальчишек мои слова или нет, но, похоже, они призадумались, перестали пинать хлеб.

А мне вспомнилось. Два года прошло после окончания Великой Отечественной войны. Страна восстанавливала разрушенное хозяйство. Это было трудное время. Деревня, где наша семья жила в войну и после неё, голодала. Мы, дети военных лет, на себе ощутили весь ужас, когда ты голоден, а еды нет. Я и сейчас помню, как канючил, цепляясь за подол мамы:

— Есть хочу!

— Сынок, сходи к деду Ивану, попроси хлеба, — сказала мама и отвернулась, чтобы я не увидел её слёз.

Дед Иван, наш дальний родственник, был нелюдим и скуп до жадности. Жил он вдвоём с бабой Аксиньей в доме наискосок от нас. Хлеб у них был.

С детской наивностью и надеждой я побежал к ним. Миновав сени, открыл дверь в избу и переступил порог. Хрип-хлоп! Это закрылась дверь.

Дед Иван сидел за столом. Баба Аксинья возилась в чулане, вынимая из печки караваи. Воздух избы был насыщен запахом только что испечённого хлеба.

— Дедушка Иван, мама послала меня попросить у вас хлеба, — стесняясь и глотая слюнки, промямлил я и замер в ожидании.

— Нет у нас хлеба. Самим есть нечего, — недовольно пробурчал дед Иван. — Иди домой, сынок, не стой у порога.

Я не поверил своим ушам и стоял, переминаясь с ноги на ногу. Чудовищная ложь не укладывалась в моей детской голове. В недоумении я нехотя вышел из избы и остановился у крыльца. Окно в чулан было открыто. Оттуда тянулся дурманящий запах хлеба. Я невольно подошёл к окну и глотнул этот запах.

Хрип-хлоп! Это открылась дверь. «Наверно, вышел дед Иван», — подумал я.

Хрип-хлоп! Снова скрипнула дверь. «Наверно, баба Аксинья вышла. Значит, в избе никого нет», — решил я и с резвостью котёнка прыгнул на завалину, затем вскарабкался на подоконник. На столе возле окна лежали три круглых каравай. Я дотянулся до крайнего, схватил его, соскользнул на завалину и спрыгнул на землю. Сунув каравай под рубашку, я побежал домой.

Хлеб был ещё горячий и обжигал тело. Я передвигал его от живота к рёбрам и обратно. Мысль, что мы будем есть хлеб и, может, даже чистый, без примеси отрубей и картошки, радовала меня, и я, как козлик, подпрыгивал, перескакивая с одной ноги на другую.

— Мама, я принёс хлеб! — крикнул я, прибежав домой.

— Ай, умница, — обрадовалась мама, взяла хлеб, прижа-

ла его к своим губам и потом положила на стол. — Тебе его дед Иван дал или баба Аксинья?

— Баба Аксинья была в чулане. А дед Иван сказал, что нет у них хлеба, самим есть нечего. Он соврал. Он жадина!

И я стал взахлёб рассказывать, как добыл каравай, чтобы мама знала, какой её сын сообразительный и ловкий. А мама молчала. Она присела передо мной и гладила, гладила мою голову. Мне стало тревожно. Я взглянул ей в лицо. Не мама — печаль и жалость смотрели на меня. Беспокойство и растерянность овладели мной. Мысль, что я совершил что-то недозволенное и огорчил маму, испугала меня, и я заплакал.

— Ничего, сынок, — сказала мама и вытерла мне слёзы. — Пойдём.

Она завернула каравай в чистое полотенце, взяла меня за руку. И мы пошли к деду Ивану. Тот сидел за столом и пил чай. На столе стоял самовар, лежала тарелка с нарезанным хлебом. В синей стеклянной сахарнице белел сахар, наколотый мелкими кусочками.

— Хлеб да соль, — сказала мама.

— Едим, да свой, — буркнул дед.

Мама подошла к столу и положила хлеб.

— Ты прости его, дед Иван, с голоду он это. Несмышлёныш ещё.

Дед Иван взял со стола нож, отрезал половину караваия и протянул маме:

— Не обессудь, Александра. Возьми.

Домой мы шли молча. Мама уже не держала меня за руку, и я шёл просто рядом. Тревожные мысли путались в голове: «Если я взял хлеб без спроса, значит, украл. А если украл, значит, вор. И мама теперь считает меня вором. А мальчишки, если узнают, будут показывать на меня пальцем и кричать: „Вор! Вор! Вор!“ И перестанут принимать в игры».

Мне опять стало страшно. Я почувствовал себя жалким, одиноким и заплакал. Мама присела передо мной, погладила по голове, кончиком полотенца вытерла мне слёзы и поцеловала чуть выше лба.

— Ничего, сынок. Я знаю, что ты так больше не поступишь.

И не ошиблась.

Лиса и барсуки

Как-то раз в глуши лесной
Был неслыханный разбой.
Кровожадная лисица,
Дел коварных мастерица,
В норах мирных барсуков
Съела всех подряд щенков.

Велико барсучье горе,
Но прошла тоски волна.
И настало время вскоре
Отомстить лисе сполна.
Сквозь кусты и буераки
За лисой гнались собаки.
С громким лаем борзых свора
Мчалась, взять её спеша.
И лиса в барсучью нору
Шмыгнула, едва дыша.
Вероломное вторженье
Взбудоражило зверей,
И они, всех смертных злей,
Негодую, с удивленьем
Вдруг разбойницу узнали
И свирепо растерзали.

Люто мщение зверей.
Им под стать и у людей.
Вековой обычай есть:
Сделав зло, жди в гости месть.

Любовь Щипанова

Любовь Ивановна Щипанова — прозаик, член литобъединения «Угреша», её произведения печатались в газете «Угрешские вести», альманахах «История Угрешы» и «Угрешская лира», журнале «Славянка» и других изданиях.

Дорога

*Прощай врагов личных,
Борись с врагами Отечества,
Гнушайся врагов Христовых.*
Митрополит Филарет Московский

Они стояли в тумане, как в молоке. Стояли молча, собираясь душой. Всё было позади: и долгие проводы, и спешный путь. Теперь они здесь, где решится: кому быть, а кому нет.

Всходило солнце, острыми лучами, как стрелами, пронзая небо. Поднялся ветер, и с ним пришёл гул. Они стояли и смотрели туда. Теперь уже нетерпеливо. Храпели лошади, переступая и дёргая поводья.

Туман упал, покрыв всех слезами росы. Впереди на поле ширилась тёмная полоса гула. Уже были видны отдельные всадники. Слышны гортанные крики.

Сквозь прорези шлема князь посмотрел на Пересвета. Инок словно ждал его взгляда, неспешно перекрестился, укрепился в седле и тронул коня.

— С Богом! — возвестил Дмитрий.
И началось...

Надумал Николай построить печку. А человек он твёрдый, что решит — сделает обязательно. Пусть не сразу, вроде и

забыл. Ан нет, приходит время, и то, что задумал, сделает. Ну вроде какими-то ему ведомыми путями кружит, кружит, а потом враз, как танк, не остановишь. Это знали и ближние, и дальние.

Домик на даче он построил по средствам — щитовой. И вот чуть на улице похолодней, уже неуютно. Электрообогреватель слабенько греет, да и воздух от него сухой. Решил бесповоротно: нужна печь, настоящая, кирпичная, чтоб прижаться к глине, прочувствовать тепло. Главная в доме.

Сначала он стал искать печника. Заезжих сразу отнёс: спячат кое-как и удерут, а он потом себя ругай. Не-ет. Стал спрашивать соседей, у кого труба дымит. И нашёл. Правда, дачник, задумчиво поскрёбывая лоб, засомневался, сказал, что уговорить трудно, больно старый дед, уже не берётся. Но Николай деда приступом взял: мол, ребёнок малый, болеет часто. Дед посмотрел в потолок, подумал, подумал и согласился. И сразу сказал, что надо подобрать кирпич. Опять подумал, подумал, постучал легонько по столешнице ладошкой и сказал: «Та-ак, поехали».

Звали деда Юрий Петрович Ерунов, и жил он в Хатуни, селении таком древнем, что там имелось своё старое городище, зелёным холмом возвышавшееся на берегу реки Лопасни. Речка эта, местами доходившая до куриной глубины, петлисто текла меж прекрасных хвойных лесов и питалась замечательно сильными родниками. Когда-то бурливая и полноводная, ныне выдоенная городами, беззащитно текла она и впадала недалече в так же высосанную Оку.

Привёз печник его к такому же старому грибу, как и сам. Другой ветхий дед продал им кирпич, давно купленный себе на дом, теперь уже, наверное, оставшийся только мечтой.

Кирпич был страшный на вид, корявый, с подпалинами, много боя. Николай даже подумал о сговоре между дедами. Но Юрий Петрович, взяв кирпичину в руку, любовно посмотрел на неё и сказал: «Вещь! Теперь такого нету. Ожерельевский. Камень! Ты, Николай, насчёт боя не переживай. Это даже хорошо, а то его колоть трудно. А лишку мы в фундамент забудим. Печку пушка не возьмёт». А другой дед так печально глядел, сидя в сторонке, как грузили кирпич в машину, что стало понятно: нету тут сговора, а есть опыт, старость и печаль.

Привезли щебень, песок и цемент, ну а глину дед привёз сам вместе с зятем Игорем, который всю черновую работу взял на себя. Ну и Коля не сидел. Дед наметил им место, как ему удобней трубу выводить, а они уж погнажи. И-их! Дед покрякивал, им указывая, даже потом придумал обоих звать: «Николаша-программист» и «Игоряша-юрист». Хм, так оно ведь и есть.

Всё шло как по маслу, но в конце перед трубой Юрий Петрович стал беспокоиться, и точно — кирпича не хватило, надо было подвезти. Дед с Игорем отчалили, договорившись, что как Николай подвезёт, то дед один уж с ним трубу и выведет. Так оно всё и вышло.

Гроза весело прогрохотала последним рыком и, подбрав тёмно-синие юбки, понеслась дальше, выбросив напоследок ленту радуги. Юрий Петрович ихнул вослед и, подкатив к луже пенёк, уселся, опустив босые ноги в воду.

— Зачем? — спросил Николай.

— Заземляюсь, — сказал печник, блаженно шевеля пальцами. — Ты ж, Николаша, технарь, должен понимать, сейчас самое полезное для организма заземление. После грозы всё встряхнулось, вымылось — чистота!

Николай понимающе кивнул. Сейчас что бы Юрий Петрович ни сказал, он со всем согласен. За эти несколько дней, что они были рядом, тот его очаровал. Может, за всю жизнь он таких людей не встречал, хотя и лет ему немало. Но всё, что дед говорил и говорил, он слушал и слушал. А почему? Да потому что тот умный и мудрый. Теперь дураков мало, все умники. Умников пруд пруди, а умных и мудрых, как всегда, очень мизерно. Так-то. А ещё дед брал тем, что имел обо всём своё особое мнение, основанное на знаниях, полученных из незнакомых источников. Ну конечно, и тем, что были они с ним, как говорил дед, одной крови: оба технари.

Труба была выведена, и Юрий Петрович, проверяя тягу, разжёл немного щепок. Всё вышло как надо. Получив расчёт, от предложенного угощения дед отказался, но чайку испил. Они сидели на терраске и глядели на близкий лес.

— Вот, значит, сладили мы тебе печь Емелину, — усмехнулся дед. — Вовремя. Ведь, Николаша, почему я к тебе согласился, мне деньжат на доски надо. Мы с Игоряшей реши-

ли дом летом закончить. А то мне годов много, мало ли что. Может, и печку сладим.

— А почему вы один живёте? Вдов? — спросил Николай.

— Почему вдов? Не хочет жена в старом доме жить. Она с дочерью в городе, там удобства и внук опять же. А я здесь люблю. Вот скажешь тоже, вдов. Просто так решили. В городе мне жизни нету. А тут я и хозяин, и как мастер многим нужен. Вон колокольню в Хатуни видел? Я помогал восстанавливать. И в церкви много делал. Отец Валерий доволен был.

Они замолчали.

Николай подумал о своей жене и сыне. Так нежно, что задохнулся. Взглянул на деда. Тот одиноко глядел внутрь себя. Было его жалко, хотя и всё понятно. И чтоб отвлечь его, Николай спросил:

— А вот этот холм в Хатуни, где кладбище, это ведь городище, я правильно понимаю?

— Точно понимаешь. Городище. И места тут кругом очень исторические. Теперь, правда, всё это замолчать хотят. Все заняты этим бизнесом проклятым. Всё чего-то продают, чего сами не покупали. Вон среди людей слухи ходят, что всю землю вокруг иностранцы скупили. Ну когда колхозы делились, то и землю по людям тоже делили. А теперь вроде по-тихому её и скупили. Я уж не знаю, верить или нет. Ведь эта земля святая, она кровью, слезами, как дождём, полита. Разве ж такое можно?!

Дед внимательно вгляделся в Николая, словно взвешивая в уме, стоит ли он того, что дальше будет сказано. Потом засобирился, взял свой мешок с инструментом, надел кепку и попросил отвезти домой. И как-то торопливо пошёл к машине, спеша.

Они вырулили на дорогу, проехали мост через Лопасню, и тут дед попросил свернуть на просёлочек.

— Это тут недалёко, кой-чего тебе покажу, — говорил он, показывая рукой на раскисшую после грозы дорогу.

— А что вы хотите показать, стоящее хоть? — спросил Николай, вцепившись в руль идущей юзом машины.

— Очень даже, очень. Главное — понять, прочувствовать, — сказал дед. — Вот здесь останови.

Машина стояла среди поля, дальше дорога уползала в

мрачно-тёмный после грозы лес. Они вылезли из машины.

— Там, впереди, деревня Каменищи, а уж дальше Окаматушка. Ну вот тут они все и ходили.

— Кто? — недоумевал Николай.

— Все! Кто верхами, кто пешком.

— Да кто все-то?

— Воины и пленные. Ты знаешь, как Оку называли на Руси? Поясом Богородицы. Она, матушка, от татар защищала. Они ж степняки. Ведь Батый пришёл с разореньем на Русь зимой по руслам замёрзших рек, а потом, когда иго установилось, если не платили дань или роптать начинали, то они летом карать, а то и просто грабить приходили. И путь у них был один — через Сенькин перелаз на Оке, чуть выше устья Лопасни. Тут они и пёрли на Русь. А потом всю добычу и людей, взятых в полон, здесь же и гнали. Сами на конях, добро награбленное на конях, а люди пеши, босы, биты и голодны. Слезьми обливались и сами под плетью в рабство шли. Вот ты попробуй боса.

Дед махом скинул чоботы и встал в лужу.

— Что, слабо?

Николай снял ботинки и встал в холодную липкую грязь.

Дед одобрительно кивнул и громко продолжил:

— Тут и великий воевода Тимофей Вельяминов поспешал с московским ополчением к бродам, куда подходили с верха от Серпухова князь Владимир, а с низа от Коломны с основным войском великий князь Дмитрий. А там переправились и с молитвой Божьей на Куликово поле пошли. Ведь ты пойми, их много тысяч было. Ты вникни: на смерть пошли. И после обратно шли оставшиеся в живых. Сначала туда, — дед вытянул одну руку, — потом оттуда, — дед вытянул другую и стал похож на крест, живой крест, в пламенеющей закатным солнцем рубахе. И охрипшим голосом он говорил дальше: — И это забыть?! Даже словечко такое выдумали — «толерантность». Дескать, не надо раздувать национальный вопрос. А ведь во всех летописях написано, что в коннице ордынской скакал всякий сброд, которому всласть было пограбить и убивать. И у них одна национальность — бандитская. И что же, из-за них всю историю переписать? На цыпочках в грязь

встать и кровавыми соплями утираться? Нельзя забывать, нельзя—я!

Печник вытер лицо обеими руками, будто снимая невидимую паутину, и спросил:

— Ты в церкви святое причастие принимаешь?

Николай утвердительно кивнул.

— Тогда, значит, читаешь каноны покаянные и помнишь, что в каждом в седьмой песне вспоминается о печи огненной, куда халдеи—мучители ввели трёх отроков невинных, но спустился Ангел Божий, пещь оросил и спас их, а халдеи погибли от своего же огня. И так будет всегда. А кто забывает, тому напомнят.

Тут дед аж задохнулся от волнения, замолчал и, засунув грязные ноги прямо в чоботы, полез в машину. А Николай полез прямо босиком. Долго ехали молча. Николай закурил.

— Ты, может, думаешь, что я всё выдумал про дорогу. Не—ет. Тут жил замечательный такой человек Слава Калёнов. Он офицер бывший, а потом начал краеведением заниматься. Очень серьёзно. Книгу написал о Хатунской волости. У него там и схемы всякие, и из летописей выдержки. За свои слова приучен был отвечать. Да и у других об этом написано. Но только я думаю, другие просто писали, а Слава, как мы с тобой, на этой дороге стоял. Так—то.

Прощались они уже в сумерках, дед было хотел показать постройки, но раздумал, просто махнул рукой и пошёл в свою хибарку. А когда Николай тронул машину, то услышал, как дед крикнул от дома: «Посыпай плиту солью, а то от жара лопнет».

Утром он встал рано, надо было ехать в Москву. Заскочить домой переодеться, а после на работу. Удовлетворённо потрогал влажный бок печки. Всё как надо. Усмехнулся, вспомнив: «Емелина». На улице его встретил оглашенный хор птиц и отчаянный запах черёмухи. Начинался день. Новый день его жизни. И он погнал в него, прямо в светящееся рассветом солнце. Вперёд!

Николай поверил печнику и, выехав на дорогу, никак не мог отделаться от ощущения, что вот сейчас за поворотом он встретит всадников в алых плащах и сияющих на солнце доспехах. Просто чувствовал их присутствие и совместное

движение. Теперь он по-другому думал о прошлом. Он понял, что время может сжаться до невероятной тонкости и слить чувства людей разных эпох в одно целое. И это целое будет народ. Всё было просто и крепко, как кирпич. И из него печь.

Он вёл машину и по-новому смотрел на иностранные надписи на зданиях, вспоминая небоскрёбы бизнес-центра, чёртовыми пальцами вздымавшиеся в небо, адским глазом глядящие на город. Кол вам осиновый. Значит, «пещь огненная». Ну-ну, отродье халдейское. Станцуем от печки.

И он всё сильнее и сильнее стал настёгивать своего железного коня и гнать домой, не оглядываясь...

Князья-братья смотрели на переправу. Каждый думал своё, но в конце оба приходили к одному: победа дорогой ценой досталась. Оба знали, какой плач и стон ждёт их по возвращении. Сколько панихид и молебнов служить по дорогим соратникам.

Невдалеке на берегу лежали горы остро заточенных кольев, приготовленных, чтобы после их ухода вбить в мелководье брода. Эти колья были здесь первым рубежом защиты от конницы степняков — вспарывать брюхо плывущим лошадям.

— Утверждаю береговую охрану и тебе приказываю, — сказал Дмитрий.

Владимир согласно наклонил голову: брат смотрел в будущее. Братья по крови, братья по Божьему промыслу, они понимали друг друга и теперь, глядя на такое количество пораненных воинов своих, чувствовали, что впереди ещё не одна битва с погаными, что Орда так просто не отстанет, будет мстить.

— Сколько воинов было достойных, вот только не полегли бы они напрасно, — сказал наконец Владимир.

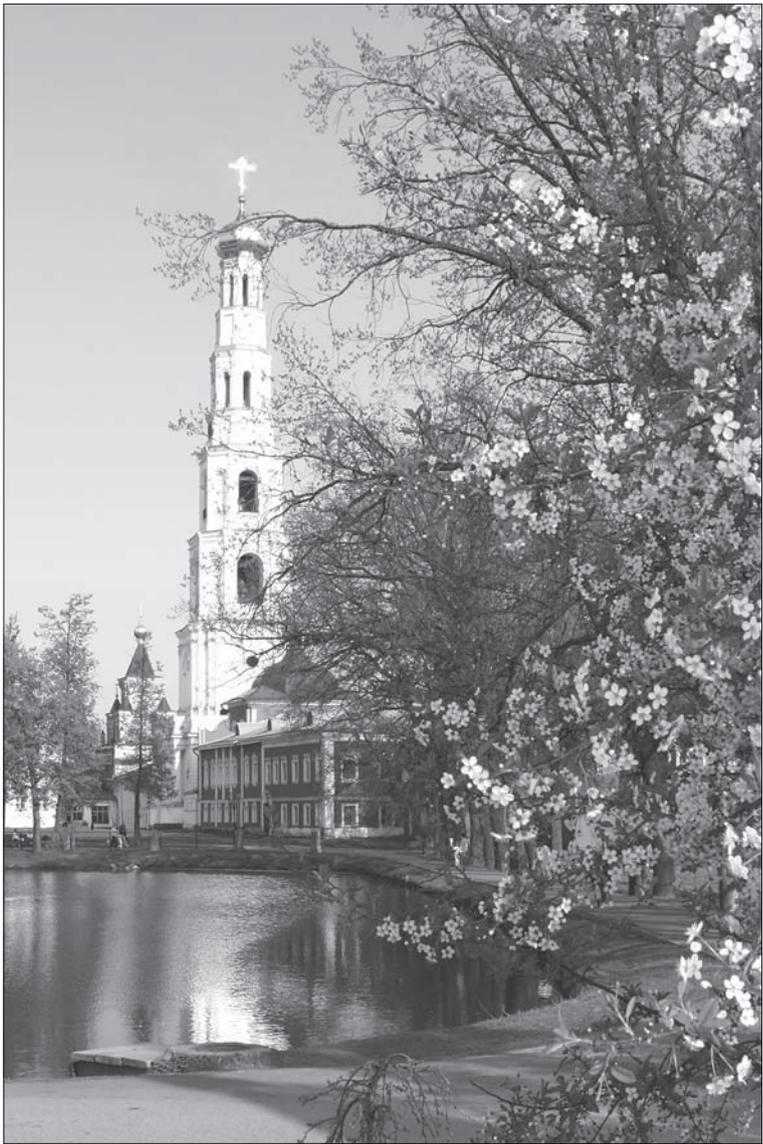
А Дмитрий спросил:

— Тогда что же, и Господь на крест взошёл напрасно?

И сам ответил:

— Нет, не напрасно. Не напрасно!

И, вскочив на коней, они поехали к своим, к перевозу.

Юная муза Угрешы

Анастасия Андрейченко

Анастасия Андрейченко — призёр 7-го городского конкурса «Юная муза Угреши» в номинациях «Поэзия» и «Проза», учится в лицее № 2 г. Дзержинского.

Любовь призраков

Тёмная долина, укрытая непроглядной мглой. Кажется, здесь больше нет места счастью и радости, здесь невозможно найти ни одного живого существа. Цветов и деревьев уже давно не видно. Бесконечно льёт дождь. Это слёзы призрака, скитающегося тут много веков.

Этот призрак темнее ночи. Нескончаемо одинокий, он, как и при жизни, не может найти себе приют. Его мысли заполнены воспоминаниями о прошлом. Ему кажется, что даже вчера было лучше, чем сегодня, хотя его дни совершенно одинаковы. Призрак страдает, и ни одна душа никогда не узнает, что привело его к этим страданиям.

В один из ужасных дней, бродя по долине, вдыхая запах сырости и гнили, он заметил нечто. Впервые за тысячи лет он увидел свечение. Оно было так прекрасно, что он не смог подойти ближе. Из места, где находился свет, доносился восхитительный запах цветов. Медленно, будто боясь чего-то, свечение подкрадывалось ближе. Это оказался такой же призрак. Вот только он был похож на счастье. С каждым шагом он заставлял долину зеленеть. За ним распускались волшебные цветы, похожие на драгоценные камни. Улыбка призрака была настолько яркой, что не хватит слов описать её.

В этот момент время остановилось. Тёмный призрак был очарован всем вокруг. Чувства, которые он испытывал, были

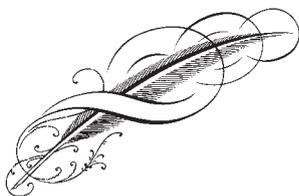
для него абсолютно новыми. Он первый раз ощутил радость. То, о чём он мечтал, внезапно воплотилось в реальность.

Ему хотелось отблагодарить этот солнечный лучик. Призрак попытался подойти ближе, но... не смог. Словно крепкая стена встала между ними. Долина разделилась на вечную темноту и цветочный светлый мир. Как оба они ни старались, не смогли преодолеть стену.

Тогда вновь полил дождь, который был намного сильнее обычного. Лились горькие слёзы, наполненные невыносимой болью.

Спустя время призрак тьмы привык. Он больше не плакал. Теплота разливалась в нём при взгляде на солнечного призрака. Другой мир стал источником света в его тьме. Он мог часами смотреть, как солнечный призрак гуляет по своей долине. А тот в ответ делал каждый день светлее. Иногда солнце освещало даже часть тёмной долины, и эти дни были прекраснее всего.

Стена ещё мешает встрече двух призраков. Но каждый из них верит, что однажды она упадёт и свет полностью победит тьму.

Анастасия Горохова

Анастасия Горохова — призёр 7-го городского конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Проза», учится в лицее № 3 имени А.Е. Голованова (г. Дзержинский).

Цена мечты

И вот я стою, счастливая в душе, но со слезами на глазах, перед своей долгожданной мечтой. Этот выбор был невероятно тяжёлым для меня: сутками и ночами я размышляла, как будет лучше. Я решила рискнуть, отдаться чувствам и судьбе. Вы, наверное, интересуетесь, что же являлось моей настолько горькой, но при этом волшебной мечтой, ради которой я готова пойти на всё?

В одно прекрасное, но роковое для меня утро, проснувшись позже обычного, я опоздала на работу. Пришлось выслушивать бесконечные лекции начальника о том, что это мой последний шанс, иначе меня уволят. Но я совершенно не слушала его. Мои мысли были заняты новостями, которые я услышала по телевизору и потом по дороге на работу искала подробности в интернете. Эти мысли не выходили из головы ни на секунду, мне не хотелось возвращаться в реальную жизнь к своей нелюбимой работе.

На протяжении всего дня я была совсем не сосредоточена на работе, такой меня не видел наш персонал никогда. А всё из-за чего? Из-за пёстрых заголовков в сети: «Объявлено, что набирается экипаж для посещения землянами Марса и его колонизации». С детства я была ребёнком любопытным, постоянно чем-то интересующимся. И космос являлся для меня некой загадкой, которую я любила разгадывать. У меня дома полно энциклопедий, посвящённых космосу. Эта таинственная даль и вечный хаос в подрост-

ковом возрасте полностью поглотили меня. И как я должна была отреагировать на новость, что наконец–то появилась возможность слетать в космос и одной из первых увидеть жизнь вне Земли?

Я не рассказывала родным о своей идее стать одним из членов экипажа, понимая, как они отреагируют на моё признание. Это моя жизнь, я хочу распорядиться ей так, как сама посчитаю нужным. Каждый день я заходила на сайт, читала перечень документов, которые нужно подать, чтобы заявку приняли на рассмотрение.

Пока телевидение и интернет гудели о том, что мы стоим на пороге новой цивилизации, я сутками напролёт пыталась узнать больше информации о данной возможности. Я прекрасно понимала, что это стоит больших денег, но не могла отказаться от своей мечты. Искала помощи везде: писала создателям компании, которая разработала необычайной мощности и красоты космический корабль, продавала какие–то свои вещи, пыталась найти контакты людей, которые могли бы мне помочь.

Как–то вечером я шла по неосвещённой улице после тренировки домой. Вся в своих мыслях, я случайно заметила некий силуэт, лежащий возле банкомата. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что рядом никого нет, я подбежала к человеку. Это оказался молодой человек, его одежда была порвана, а лицо в крови.

Я попыталась поднять его, но... что вы хотите от хрупкой девушки небольшого роста? Конечно, у меня ничего не получилось, пыталась звать на помощь, но никого не было рядом. Телефон мой был разряжен, потому что на тренировке я слушала два часа подряд музыку, вследствие чего потратилось много энергии. Ощупав карманы юноши, я также не нашла ни документов, ни телефона, ни денег.

Бросить человека я не могла, совесть мне не позволяла. Рядом находился большой жилой дом, где почти в каждой квартире горел свет. Я наугад набрала код и позвонила в домофон. Ответившему на мой звонок мужчине я кратко объяснила причину моего обращения и попросила вызвать скорую помощь. Мужчина охотно откликнулся.

Чтобы убедиться, что с молодым человеком всё хорошо, я, назвавшись его сестрой, поехала с ним. По приезде в больницу ему первым же делом сделали диагностику. Он пришёл в себя. Врач сказал, что у него сотрясение головного мозга. Потом его отправили домой, прописав постельный режим и таблетки.

Наконец молодой человек обратился ко мне:

— Спасибо вам большое, что помогли мне. Приятно осознавать, что добрые люди существуют.

— Я не могла поступить по-другому.

— Как мне вас отблагодарить?

— Что вы, нет-нет, ничего не нужно.

— Скажите хотя бы ваше имя.

— Амальтея, — я протянула руку.

— Адам, — назвал молодой человек своё имя, после чего поцеловал протянутую мной руку. — Очень красивое имя Амальтея. Вы знали, что такое же имя, что и у вас, носит пятый по размеру спутник Юпитера? Он, кстати, был назван так в честь древнегреческой нимфы Амалфеи.

Мои глаза безумно загорелись: видимо, у него такие же интересы, что и у меня. До этого момента я ещё ни разу не встречала людей, которые увлекались бы космосом.

— Человек с сотрясением головного мозга способен выдавать такую информацию? Это вы и в жизни так умны или это всё от удара? — пошутила я, после чего он засмеялся.

Выйдя из больницы, мы решили ехать домой на такси, потому что очень устали. Оказалось, что молодой человек живёт в той же части города, что и я. В течение всей дороги Адам рассказывал интересные, завораживающие и подталкивающие мой мозг к размышлениям факты о космосе и космических телах. Но время пролетает довольно быстро, особенно когда увлечённо чем-то занимаешься. Адам взял у меня номер телефона, и мы договорились, что будем встречаться, чтобы делиться какими-то новостями из среды нашего общего увлечения.

Прошло несколько месяцев. С Адамом мы встречались довольно часто — через день. Видя меня на остановке, он

всегда подбегал и говорил мне о каком-то новом достижении науки.

Вскоре я узнала, что Адам работает в компании «Космические горизонты», которая как раз занималась созданием космического корабля, на котором планируется совершить полёт и колонизацию Марса. Моей радости не было предела, ведь этот человек, как оказалось, может помочь мне осуществить мечту.

Как-то раз я заикнулась про своё намерение полететь в космос в разговоре с Адамом. Его весёлое выражение лица изменилось на недоумевающее, озадаченное. Он не был готов к такой информации. Адам стал отговаривать меня, поясняя, что, возможно, этот корабль никогда и не долетит до Марса, что всё это очень неточно и спорно. Но я не хотела даже слушать его, ведь я думала, что он поддержит меня и не станет возражать. За эти месяцы он стал мне ближе, чем кто-либо другой. Я не была готова принять то, что даже он будет против моей мечты.

Но поняв, что переубедить меня бессмысленно, он решил помочь мне. Адам сказал, что ему предлагали место на космическом корабле, ведь он его главный конструктор. Адам пообещал, что поговорит с начальством и примет предложение, но вместо него полечу я.

Он сдержал слово. Я сдала все документы, которые требовались от меня, а также тест на физическую подготовку. Через несколько дней курьер принёс мне заветный билет на космический корабль. Я была полна энтузиазма. Столько тепла, восхищения и радости во мне не было никогда. Я слишком долго мечтала о чём-то недостижимом, нереальном и, Боже, вы не представляете, как трепетно, восхищённо думала о том, что скоро всё, о чём только могла мечтать, воплотится в жизнь!

Когда долгожданное событие приближалось, происходило то, чего я боялась больше всего. Я начала сомневаться, думать о семье, о людях, которые окружали меня на протяжении всей моей жизни. Думала о городе, стране, в которой живу. О привычной мне рутине. Прокручивала события, действия, которые я сделала ради достижения

своей мечты. Думала о случайном, но настолько удачном и роковом знакомстве, которое дало возможность воплотить мою мечту в реальность, думала о своих чувствах к Адаму, но понимала, что они не должны стать преградой к мечте.

Я боялась будущего, но прекрасно осознавала, что этот выбор зависит только от меня.

И вот этот день икс настал. Проводить меня пришли мои родные, которых я оповестила буквально за день до отлёта. Все плакали, я тоже. Я понимала, что это последние часы вместе, что больше их не увижу. От этого становилось очень тоскливо на душе. Но выбор сделан!

За полчаса до отлёта на взлётную полосу прибежал Адам. Слезы на глазах не сдерживал из нас никто. Минут пять мы стояли, обнимая друг друга, время казалось вечным. Потом он тихо сказал:

— Амальтея, мы познакомились с тобой семь месяцев назад. С самой первой минуты, как я пришёл в сознание, ты мне понравилась. Узнавая тебя всё лучше и лучше, я восхищался тобой. Ты невероятно сильная и целеустремлённая. Твоя борьба за мечту вызывала у меня восторг. Я не встречал ещё ни одного человека, похожего на тебя. Ты уникальна. Я уверен, что не смогу забыть тебя никогда. Я молчал о своих чувствах, боялся, что стану преградой в исполнении твоей мечты. Но я не могу отпустить тебя навсегда, так и не сказав о своих чувствах. И если быть честным, рассчитываю на то, что ты останешься на нашей прекрасной планете. Я хочу провести с тобой всю свою жизнь, и поэтому, — Адам, поправляя брюки, встаёт на одно колено, — дорогая Амальтея, я безумно тебя люблю. Ты выйдешь за меня? — сказал Адам, открывая коробочку с кольцом.

Люди восхищённо смотрели на нас, кричали, чтобы я сказала «да». Слезы текли из моих глаз, я не знала, что ответить. До отлёта оставались считанные минуты. От одного выбора зависела вся моя жизнь. Я пребывала в шоковом состоянии и всё, что могла делать, — это закрывать лицо руками и плакать. Я очень сильно прониклась словами Адама и чувствовала то же самое, что и он.

— Полетели со мной, Адам, пожалуйста! — сквозь слёзы попросила я.

— Я не могу, Амальтея. Моё место на Земле. Я нужен здесь, — Адам уже больше не мог сдерживать слёз.

Развернувшись, я побежала на борт корабля, каждую секунду вытирая всё капавшие и капавшие слёзы. Ещё несколько минут сквозь плотное окно кабины корабля мы с Адамом смотрели друг другу в глаза.

Прозвучал сигнал. Нас оповестили, что через несколько секунд космический корабль с большой скоростью отправится ввысь.

Пять, четыре, три, два, один...

Я смутно помню этот момент. Я кричала, била кулаками о плотные стены корабля, ревела, почти ничего не видела из-за пелены слёз в моих глазах. Безумно хотела вернуться на несколько минут назад, ответить на чувства Адама.

Вот она — цена мечты! Приходится от многого отказываться, чтобы воплотить её в реальность. Жалею ли я? Не знаю, но могу сказать точно: Адам — самый лучший человек для меня. И глядя в космическую даль, я всегда думаю о нём и о Земле.

Виктория Закатова

Виктория Закатова — призёр 6-го и 7-го городских конкурсов «Юная муза Угреши» в номинации «Поэзия», учится в лицее № 2 г. Дзержинского. Её произведения публиковались в 5-м выпуске альманаха «Угрешская лира».

Полюби стихи

1

Ты не любишь стихи?
Очень жалко, мой милый,
Ведь в пучинах стихий
Придают они силы.

Ты поверь им, мой друг,
Тебе это поможет,
И поднять в тебе дух
Стих любви быстро сможет.

Будут тяжкие муки
На нелёгком пути,
Только нежные звуки
Могут сердце спасти.

2

Нужны тебе они,
Как свет, как хлеб, как соль.
В огне, в воде они
Души уменьшат боль.

Не мучай себя, друг,
Простятся твои грехи.
Чтоб стало легче вдруг,
Ты полюби стихи!

Кристина Козенец

Кристина Козенец — лауреат 7-го городского конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Поэзия», студентка колледжа «Угреша». Публикует свои произведения на сайте Стихи.ру.

Мервин Пик К Мэйв

Вольный перевод

Ты бежишь в никуда,
Позабыв о строфе,
Все движенья в лад, как по нотам.
И частичка тебя блёкнет вновь в темноте,
Потерял свой огонь уж давно ты.

Ты не слышишь
Тот дивный слабеющий звон,
Что искрится от цоканья лани,
От краёв берегов, где по глине ручей
Омывает твои же мечтанья.

Вы летите, стоите, идёте и спите,
Но всё тот же мерещится звук,
Вновь всё та же строфа
Средь истлевших костей
Безустанно тревожит ваш дух.

Анастасия Репина

Анастасия Репина — прозаик, победитель 5-го и 6-го городских конкурсов «Юная муза Угреши» (2014, 2016) в номинации «Проза». Её произведения печатались в газете «Угрешские вести» и альманахе «Угрешская лира».

На Куликовом поле

Представьте себе, как в далёком 1380 году на Куликовом поле вдоль дороги образуется столпотворение машин, на которых приехали участники будущей битвы. Некоторые из них уже расположились в лагере, с помощью айфонов пытаются дозвониться до товарищей и негодуют оттого, что связи совсем нет. Довольно забавная картина, не правда ли? Однако я увидела именно это, когда приехала на Куликово поле на реконструкцию знаменитой битвы Дмитрия Донского с Мамаем.

Историческая реконструкция — довольно молодой вид хобби, восстановление материальной и духовной жизни того или иного времени. Этим с каждым годом увлекается всё больше и больше людей. Участники исторических клубов посещают такие прославленные места, как Можайск, где проходило Бородинское сражение, Изборск, Смоленск, воспроизводят события прошлого и представляют результаты своего творчества людям.

19 сентября 2015 года многие из них отправились в Тулу на Куликово поле. Ныне там находится музей–заповедник, и каждый год туда съезжаются люди со всех уголков России, поэтому фестивалю присуща та атмосфера объединения целого народа, которое произошло в тяжёлые времена нашего Золотой Орды.

Многочисленным зрителям был представлен эпизод средневекового сражения, предшествовали которому про-

воды воинов в далёкий путь. Вся реконструкция сопровождалась инструментальным исполнением старых славянских мелодий и пояснениями диктора, который комментировал происходящее и интересно рассказывал об обычаях того времени. К примеру, я узнала, что в войске Золотой Орды наравне с мужчинами сражались и женщины—лучницы, и то, как необычно сливались бой татаро—монгольских барабанов и звон русских колоколов в единую музыку битвы.

Хотя сражение было постановочным, реконструкторы сумели передать ощущение тревоги и национального подъёма, желание защитить свою Родину любой ценой. Об этом можно судить по реакции зрителей — искренним и взволнованным подбадривающим крикам.

Однако не все, кто приехал на праздник с историческими клубами, взяли в руки мечи и копья. Некоторые не участвовали в представлении, а расположились поодаль, где торговали украшениями, похожими на те, что носили в XIV веке, деревянными мечами и прочим. Другие же, нарядившись в народные костюмы, давали различные мастер—классы. Приехавшие на фестиваль могли научиться плести кружева по одной из самых старинных техник, делать украшения из металлической проволоки и многому другому.

Меня заинтересовала группа умельцев из Тулы, набивавших на ткани орнаменты с помощью деревянных трафаретов. Правда, использовали они акриловые, а не традиционные краски, состоящие из масел и природных красителей (например, сажи и травы). И вот что сказала одна из мастериц набойки, а в обычной жизни дизайнер одежды Светлана: «Меня всегда интересовала история. Поначалу я ездила на реконструкции как турист, а потом присоединилась к историческому клубу. Первый мой серьёзный фестиваль проходил в Изборске, а вообще в реконструкциях участвую уже четвёртый год. Это очень интересно, но в то же время требует больших затрат — и материальных, и душевных. Потому что все костюмы, которые мы надеваем, шьются на заказ из дорогих материалов, всё оружие и снаряжение — настоящие. Всё, что мы делаем на таких праздниках, можно использовать. И конечно же, на это уходит много эмо-

циональных сил. Ведь мы здесь, на Куликовом поле, ещё с четверга. Всё время мы готовились: ели ту же еду, что была в те времена, готовили её в котлах и на кострах, жили в палатках. Точнее, мы жили в юртах, потому что являемся представителями Золотой Орды на этом фестивале. Вот такими способами мы энергетически погружаемся в татаро–монгольскую культуру, а она крайне интересна для изучения. Сейчас здесь проводим мастер–классы по набойке на ткани орнаментов, которые использовали для украшения одежды. И это также помогает нам окунуться в обстановку прошлого».

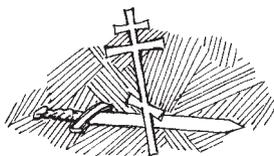
Историческое фехтование — одна из разновидностей реконструкций, предполагающая турниры и соревнования. Это пока ещё непризнанный вид спорта, несмотря на то что международные соревнования проводятся уже около 10 лет и с каждым годом масштаб этих мероприятий увеличивается. В 1–м межнациональном турнире приняло участие лишь 4 страны, а в 6–м — уже более 30. Отбор в сборную проходит очень жёстко, чем обеспечиваются ежегодные победы российских бойцов на турнирах «Битва наций». Своими знаниями с нами поделился Павел, один из участников контактного боя: «Исторические реконструкции — неотъемлемая часть моей жизни уже почти 20 лет. Меня всегда привлекали контактные виды спорта, и, когда в начале 90–х годов начало появляться движение исторической реконструкции, я понял, что это мой шанс заниматься любимым делом. Моя профессиональная деятельность связана с историей, я преподаю в вузе, а в свободное время бьюсь с людьми тяжёлыми металлическими предметами (смеётся). Хотя для меня турниры — это жизнь. На прошлой неделе у нас в Москве проходили манёвры, мы сражались, как бы забавно это ни звучало, с лучшим клубом Москвы „Берн“. А сам я из исторического объединения „Нюрнберг“. Как правило, мы занимаемся реконструкциями немецкого городского ополчения, но и в таких фестивалях, как на Куликовом поле, тоже участвуем».

Присутствие службы скорой помощи неподалёку от места сражения насторожило не только меня, но и всех зрителей. Меч, пожалуй, опасная «игрушка» даже для взрослых.

Тем не менее Павел как специалист поспешил заверить: «Травмы в нашем виде спорта — нечастое явление, потому что у всех, кто серьёзно этим занимается, достаточно хорошее снаряжение, чтобы не допускать ранения. К тому же каждый участник контактной борьбы понимает, насколько опасны его действия, и старается одержать победу, не травмировав оппонента. Поэтому любое ранение — это либо ошибка в снаряжении, либо чистая случайность. Но я с уверенностью могу заявить, что историческое фехтование — не более травмоопасный спорт, чем бокс, хоккей или футбол».

И всё-таки, как бы долго участники исторических клубов ни жили в палатках, как бы долго ни ели полевую еду и ни сражались на мечах, прогресс берёт своё и до конца отгородиться от цивилизации реконструкторам не удаётся. Это иногда порождает комичные ситуации. Вот девушка в наряде мордвы обратилась к организаторам с просьбой принести уставшим воинам воды, а вместо ключевой воды из колодца получила 19-литровую бутылку для кулеров. А вот уставшие воины, которые после сражения приобрели у «купцов» меховые воротники и пачки сигарет, уютно расположились в тени деревьев, перекусывая попкорном. Но все эти маленькие напоминания о современности не испортили впечатления о фестивале, а напротив, позабавили и зрителей, и самих реконструкторов, добавив хорошего настроения.

Пока многие приехали на Куликово поле в качестве туристов, но, возможно, в будущем и они станут членами одного из исторических клубов. Подобных объединений, изучающих разные эпохи, сейчас предостаточно. Каждый сможет найти то, где интересно именно ему. Как заметил один из реконструкторов, с которым я пообщалась на Куликовом поле: «Если уж идти в клуб, то в исторический, а не в ночной».

Анна Сарычева

Анна Сарычева — лауреат 7-го городского конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Проба пера». Настоящая публикация является для неё дебютной.

Новогодняя сказка

В одном царстве, тридевятиом государстве правил злой волшебник Карачун. Жил он среди вечных льдов в снежном дворце. Насылал на землю трескучие морозы, жестокие вьюги, ради забавы замораживал людей, животных, растения. Мрак и холод царили на его землях. Весна никогда не приходила в те края, ведь её пленил Карачун и запечатал в свой волшебный посох. Каждый год люди обязаны были приносить ему жертву — молодую красивую девушку. Он превращал красавиц в ледяные статуи, которые стояли в его дворце. Уныние, тоска и отчаяние поселились среди людей. Никто не знал, на кого в очередной раз падёт жребий.

Случилось возвращаться домой бравому солдату Николаю по тем мрачным местам. На ночь попросился он в один дом в деревне. Приняли солдата невесело: хозяйева были явно чем-то удручены. Извинилась перед солдатом хозяйка за холодный приём. Горе пришло в их дом: жребий пал на её дочь Любаву. Завтра должны они будут отдать её злому Карачуну на погибель. Призадумался солдат: как бы помочь хозяйке и спасти прекрасную Любаву? Решил он попытать счастья.

— Не тужи, хозяйка, авось сладим со стариком. Есть у вас кто в деревне даровитый, в искусствах сведущий? Пусть сплит из снега прекрасную статую, отнесу её в лес, может, и удастся провести Карачуна.

На следующее утро понёс солдат прекрасную снежную статую в лес. Идёт солдат, думу думает, как ему справиться со злым колдуном. Тут видит: сова мышонка схватила, хочет к себе унести. А мама–мышка солдату говорит:

— Спаси мышонка, я тебе пригожусь.

Бросил солдат в сову палку, она добычу и выпустила. Мышка–мать говорит:

— Знаю я, куда ты идёшь, помогу сладить тебе с волшебником Карачуном. Ведь вся сила его в волшебном посохе. В том посохе есть камень, где нечистая сила держит в заключении Весну–красну и толкает старика на злые дела. Ты спрячь меня в статуе. Я помогу тебе.

Сделал солдат норку в снежной статуе и спрятал туда мышку. Долго ли, коротко ли шёл солдат, наконец вышел он на заветную поляну. Поставил статую девушки, сидит, ждёт, когда злодей нагрянет. Недолго ждать пришлось. Замела пурга, завыл ветер, тучи мрачные застлали небо, и явился на поляне злобный Карачун.

— Ты кто таков? — спрашивает у солдата. — Зачем явился?

— Да вот, принёс тебе в дар дочку свою Василису. Ты уж не гневайся, колдун, на людей. Дай им хоть на этот год хлеба вырастить, а то уж и приводить–то скоро некого будет.

Презрительно ухмыльнулся старик:

— Уходи, пока цел, солдат. Как захочу, так и будет.

Солдат сделал вид, что ушёл, а сам спрятался за сосной посмотреть, что дальше будет.

Тут оборотился Карачун к статуе и спрашивает:

— Тепло ли тебе, девица?

А мышка в статуе ему отвечает:

— Тепло, старче.

Разозлился старик, взмахнул посохом и кричит:

— Так сейчас ещё теплее станет!

Ударил мороз, полопались стволы деревьев на поляне от холода. А мышке в снегу тепло, дразнит старика:

— Спасибо, старче, совсем жарко стало.

Взъярился колдун, ещё пуще мороз насылает. А мышка знай одно твердит.

Наконец устал старик, обессилел. Присел под сосной отдохнуть, посох к сосне приставил, удивлённо на статую смотрит. Тут мышка говорит:

— Ты, старик, не лютуй. Что ты такой злой? Давай я лучше тебя песенками и сказками позабавлю.

Ещё больше поразился старик, не может от удивления слова вымолвить.

— Ну давай. Отдохну, потом всё равно заморожу.

И тут мышка сказки ему, да песенки, да прибаутки стала сказывать. Развеселила колдуна. Хохочет он — только снег с него хлопьями сыпется. А потом мышка потихоньку колыбельные стала петь. Да так сладко! Смежились веки у колдуна, и стал он засыпать. А солдат тем временем к посоху подобрался, схватил его, вынул камень и в костёр бросил.

Опомнился колдун Карачун, да поздно. Вышла из камня Весна—красна. Зазвенели ручьи, набухли почки на деревьях, на проталинах появились первые подснежники. Карачуну стало жарко, начал он таять. И что самое странное, у него не стало никакого желания морозить всех. Взмолвился:

— Не губи меня, солдат. Не буду больше людей тиранить и девиц всех расколдую. Только отпусти подобру—поздорову. Пойду один свой век доживать.

И так жалко его стало солдату. Говорит он:

— Ты же волшебник, возьми свой посох — злой силы в нём уже нет — и вдохни жизнь в статую. Пусть будет тебе внучкой. Станете весь год вместе коротать, а потом приходите к людям под Новый год с подарками. А звать тебя пусть люди будут Дедом Морозом, а то, боюсь, Карачуна не примут по старой памяти.

На том и порешили.

А солдат решил в той деревне остаться. Понравилась ему прекрасная Любава. Женился он на ней, и стали они жить—поживать и добра наживать. А детишки их каждый год с нетерпением ждут Деда Мороза в гости. С подарками!

Примечание: Карачун — славянское божество нижнего мира, являющееся повелителем морозов, холода и мрака, злой дух, сокращающий жизнь. Чаще всего изображается седобородым стариком с суровым выражением лица и леденящим взглядом.

Александр Скобельский

Александр Скобельский — победитель 7-го городского конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Проза», учится в лицее № 3 имени А.Е. Голованова, выпускник Дзержинской ДМШ по классу скрипки, лауреат международных, всероссийских и областных конкурсов юных музыкантов. Настоящая публикация является для него дебютной.

Дружок

— Здравствуй, Иван Егорыч! — Председатель колхоза Эдуард Ануфриев радостно встал ему навстречу. — Какими судьбами?

Иван Егорович Селиванов всю жизнь проработал лесником, как и его покойный отец. Жил он в своём доме, в трёх километрах от деревни, возле леса. В тех местах его знали очень хорошо и уважали, так как он оберегал лес, как своё дитя. Никто без разрешения не мог и кустика срубить! Ходил он в деревню нечасто — далековато, а возраст немалый, 74 года. Да особо и незачем было, разве что в магазин зайти. Каждый день он вставал ни свет ни заря и уходил на обход лесных кварталов. Иной раз шёл по звериным тропам и мог из самого дальнего уголка своего огромного леса найти дорогу домой, как говорится, с закрытыми глазами. Так продолжалось изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

Егорыч — человек одинокий. Какие могут быть друзья у лесника? Ёлки да иголки... Жена давно умерла, а единственный сын жил с семьёй в городе.

— Здравствуй, Эдуард Васильевич! — с почтением ответил лесник. — Дело к тебе есть.

Председателя колхоза Егорыч помнил еще мальчишкой, гонявшим на велике по улицам и даже однажды чуть не сбившим его и какого-то областного лесного начальника, который приехал с проверкой. Но теперь обращался к председателю на «вы», потому как начальство.

— На Галкином лугу овраг начинает расти. Послал бы машины три с землёй. А то через год, глядишь, косить там уже не сможешь.

— Спасибо, Егорыч, завтра же отправлю...

Особенно Селиванов любил осень. Часами мог любоваться падающими багрово-алыми листьями. Но вечера становились уже холодными, смеркалось довольно рано, и в лесу оставаться было неприятно.

Однажды таким прохладным вечером, во время обхода краем уха он услышал слабый писк. Послышалось? Он прислушался. Писк прозвучал ещё раз, и Егорыч пошёл на звук. Пройдя немного, он увидел лежащего на дне канавы крохотного щенка. Кто-то бросил. Щенок умирал от холода и голода. Он уже почти не двигался, и силы пищать были на исходе. Сердце старика сжалось, и он, нежно взяв живой комочек и прижав его бережно к себе, побежал домой.

— Потерпи, дружок, потерпи! — повторял он, положив руку ему на живот, пытаясь согреть и почувствовать пульс одновременно. — Немного осталось, потерпи!

Прибежав домой, он сдёрнул с вешалки старый плащ, бросил его на пол и осторожно положил щенка. Егорыч стал судорожно искать, чем бы накормить его. Нашёл немного молока.

— Пей, дружок, пей! — Сердце Егорыча колотилось с невероятной быстротой. В нём боролись два чувства: он не знал, как ухаживать за щенком (у лесника, как ни странно, собак отродясь не было), но в то же время он хотел его спасти во что бы то ни стало.

Вылакав немного молока из поставленной тарелки, щенок закрыл глаза и тихо засопел.

— Ишь ты, уснул бедолага! — шёпотом сказал Егорыч. Нежно положив на щенка свою ладонь и ощутив тепло маленького тела, он тихо спросил как бы сам себя: — Ну что, дружок, будешь у меня жить?

На лице старика появилась улыбка. Но щенок уже крепко спал, да и старик начал клевать носом. Вскоре и он улёгся.

На следующее утро проснулся от возни на полу неподалёку от своей кровати. Щенок, неловко ползая на растопыренных лапах, опрокинул тарелку с остатками молока и теперь слизывал с пола белую лужицу.

Егорыч полежал немного и подумал, что за молоком придётся идти в деревню.

— Здорово, Егорыч! Ну как сам-то, а? — спросил продавец, не отрываясь от пересчёта мелочи.

— Вот пришёл еды купить новому другу.

— Какому это? — с удивлением уставился на лесника продавец.

— Да вот же он! — сказал Селиванов, доставая из-за пазухи щенка.

— А-а-а-а... хорош друг! — во весь рот улыбнулся продавец. — А звать его как?

Егорыч задумался.

— Это же не вещь, собаке имя положено.

— Да Дружком звать, как же ещё? — сказал он уверенно...

Дома он возился со щенком. Устроил ему в коробке гнездо, кормил из соски, даже купал в тазу. Когда щенок заснул, Егорыч погладил его по голове, в ответ щенок лизнул пальцы старика. В глазах Селиванова откуда-то проступили слёзы: уже много лет никто к нему не был так нежен и ласков.

Прошло два года. Дружок, добрый и умный пёс, стал большим и сильным. Ни на шаг не отступал от Селиванова, совершал с ним длинные лесные обходы. Дружба лесника и его пса была самой настоящей.

Стояла поздняя осень. Снег припорошил поля и дороги. Егорыч засобирился на дальний квартал. Дружок уже радостно вилял хвостом возле дверей. Ничто не предвещало несчастья. Но после получаса ходу Егорыч схватился за сердце, покачнулся и упал на землю, тяжело дыша и скрипя зубами. Дружок, бежавший впереди, кинулся к своему хозяину. Лизал ему потное от напряжения лицо, хватал зубами за одежду, пытаясь помочь встать на ноги. Но Егорыч потерял сознание.

Дружок, поняв, что не может помочь упавшему старику, побежал что есть духу в деревню. До деревни было километра три-четыре, но для здорового пса это немного. Он нюхал воздух и землю, пытаясь найти в деревне знакомый дом. На счастье, тот, кого хотел найти Дружок, председателя, первый попался ему на пути. Увидев его, пёс громко заскулил, приседая на передние лапы.

— Дружок, ты, что ли? — председатель, улыбаясь, протянул руку, чтобы, как тот любил, почесать за ухом.

Но пёс не дался и залился громким, срывающимся на хрип лаем.

— Ты что? — Ануфриев помрачнел.

Пёс подбежал к нему, схватил зубами подол его одежды и потянул в сторону леса.

— Володька, поднимай людей, берите машину и быстро отправляйтесь по нашим следам, понял?! — закричал председатель выходящему из калитки соседу.

Сыну лесника Дмитрию позвонили деревенские, и он тут же приехал.

— Пока ничего сказать не могу, — полный врач протирал тщательно очки, стараясь не смотреть в глаза сыну Селиванова. — Завтра, может, будет понятно.

Егорыч был в тяжёлом состоянии. Он лежал в отдельной палате, что-то ему подсоединили к руке, к носу тоже подходила трубка.

Сидеть возле отца Дмитрию не разрешили, поэтому он устроился в коридоре на лавке и печально смотрел в пол.

Где-то вдалеке хлопнула дверь, и через несколько секунд послышался топот собачьих лап по кафелю больничного коридора. Дружок уверенно бежал к палате, где лежал Егорыч. Следом за ним в конце коридора показался Ануфриев. Дмитрий удивлённо поднял глаза и уставился на пса. Тот поводит носом, встал на задние лапы и открыл дверь в палату. Следом зашли председатель и Дмитрий.

Пёс подбежал к постели Егорыча, присел и тихо заскулил, переминаясь с лапы на лапу. Его хозяин не шевелился.

Он поскулил ещё раз, а потом гавкнул. Потом ещё. В больничной палате это звучало особенно громко.

Селиванов вздохнул. Пёс тут же встал на задние лапы, а передними упёрся ему в грудь.

Егорыч открыл глаза. По его щеке пробежала слеза. Он тихо произнёс:

— Потерпи, Дружок...

Собака лизнула лицо своего хозяина.

В проёме двери показались тот самый полный врач и медсестра:

— Это что ещё такое?

— Это мой Дружок, — тихо сказал Селиванов.

Екатерина Сухова

Екатерина Сухова — победитель 7-го городского конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Поэзия», учится в гимназии № 5 г. Дзержинского. Пишет стихи и прозу. Публикуется в интернете под никнеймом Триана Остролист.

В этом мире безумном не всё так просто.
Не твой выбор — упасть иль тянуться к звёздам.
В твоей голове — чужие мысли снова.
Ни к жизни, ни к смерти ты не готова.
Сколько преданных мечт, идеалов, душ,
Столько бликов на глади дорожных луж.
Друг без друга прожить, конечно, возможно,
Но не думал я никогда, что будет так сложно.
Одиноки в своих городах и чужих мирах,
Мы улыбками расстояние обращаем в прах.
Буду ждать тебя от начала веков до конца света.
Средь зимы бесконечной всегда буду ждать лето.
Пусть под стеною дождя остывает зола,
Тебя я увижу, клянусь, где бы ты ни была...

От горящей зари до серебряных росчерков звёзд
Он идёт, между жизнью и смертью порой выбирая.
Наплевать, за покой или смелость поднимется тост,
Потому что ему нет ни смерти, ни ада, ни рая.
Под кровавым дождём беззастенчиво с жизнью играет,
Меч с зазубриной чаше в ладони, чем в ножнах таится.

Нет эмоций и чувств, да и тело давно умирает,
Как в агонии бьётся, страдая, бескрылая птица.
Неужели когда-то он не был таким одиноким,
По сосудам не тёк безразличный расплавленный лёд?
Он на день или месяц совсем перестал быть жестоким...
Но то время минуло, как всё, что когда-то пройдёт.
Пылью время подёрнулось в старых стоящих часах,
Но морщины не тронули мертвенно-бледную кожу.
Пепел-снег заблудился в кленовых его волосах,
А она в его мыслях всегда на виденье похожа.
Как рубины, искрясь, в снег посыпались капельки крови,
Сизый томный туман расстелился холщовым саваном.
Столько слов в тишине, а молчание мёртвое — в слове.
Ей хотелось всегда путешествовать в разные страны.
У него — острый меч и в петлице сухие цветы.
Там левкой, незабудка, лаванда и тёмная роза*.
Как букеты, впитавшие холод могильной плиты,
Под которой лежит растопившая сердце Мороза.
Он был счастлив, она же не знала несчастья;
Он — влюблён, а она не могла целый свет не любить.
Он сжигал всё вокруг в непокорном огне своей страсти
И её побуждал все заветы и клятвы забыть.
В пустоте догореть огню жаркому было несложно,
Хоть минувшее он не забудет уже никогда.
Сердце в клочья разорвано. Вынесет всё, что возможно,
Сердце новое из серебристого прочного льда.

* Подразумевается язык цветов.

Лаванда — восхищение, одиночество. «Я тебя никогда не забуду»,
«Никто не заменит тебя».

Левкой — неувядающая красота.

Роза — сушёная — «Лучше смерть, чем жить без счастья». Цвет
тоже играет роль: тёмно-красная — траур.

Незабудка — здесь: светлые воспоминания.

Волчья луна

Луна опять карабкается в небо,
Она красна, как палая листва.
Я верю в ложь, я верю в быль и небыль,
Пока она звучит в твоих устах.

Я не могу противиться приказам,
Зов крови перечёркивает жизнь.
Сильнее ненавижу час от часу,
Прошу, кричу, молю — остановись!

Внутри меня всё восстаёт, когда
Склоняю голову, прижав покорно уши!
Но новый день наступит, и тогда,
Наоборот, ты будешь мне послушен!

Ты на земле, повержен, побеждён,
Мне торжество лихое раны заживляет.
Ты не достоин лавров и корон,
Меня, как хмель, победа окрыляет.

Я помню все обиды, все удары,
За каждый ты мне отплатил сполна.
Для вожака теперь ты слишком старый...
А я, пожалуй, чересчур юна.

Иди, поверженный. Теперь я отмщена.
Я ухожу. И пусть сейчас достойный
Займёт по праву место вожака.
Я не хочу опять такой же бойни.

Я не желаю, чтобы в стае впредь
Безжалостно влюблённых разлучали,
Чтобы волчат не оставляла смерть
С такими вожаками-палачами...

Елизавета Фаренникова

Елизавета Фаренникова — призёр 7-го городского конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Проза», победитель конкурса сочинений, проведённого Николо-Угрешской духовной семинарией в 2018 году, окончила с золотой медалью лицей № 3 имени А.Е. Голованова (г. Дзержинский), учится на филологическом факультете Российского университета дружбы народов.

Живопись — это страстное молчание

«Живопись — это страстное молчание», — говорил известный французский художник Гюстав Моро. С его справедливым и точным высказыванием нельзя не согласиться: безмолвие живописных полотен в бесчисленном множестве цветовых оттенков выражает мысли, чувства и эмоции художника так ярко и достоверно, как не смогло бы их передать ни одно высказывание.

Незрелая, пока ещё призрачная идея, внезапно возникающая в голове, со временем приобретая форму, поначалу вызывает лишь лёгкое душевное волнение. Смутные образы, поселившиеся вместе с мыслью в сознании, постепенно яснее, становятся почти что осязаемыми и, наконец, создают в уме чёткую и яркую картину порождённых идеей эмоций, чувств и размышлений, связанных между собой общим замыслом. В этот момент и возникает нестерпимое желание поделиться своими переживаниями с окружающим миром, найти отклик в душах миллионов, заставить каждого человека пропустить через себя это волнующее чувство, побуждающее думать и размышлять каждого, кто неравнодушен к искусству.

Крепко сжатая в пальцах руки кисть уверенно кладёт на холст один слой краски за другим, смело проводит аккуратные изгибы линий, являющихся начальным воплощением,

каркасом создающегося изображения. С любовью вкладывая в каждый мазок частичку души, художник пытается выразить в своей картине всё, о чём думает и о чём мечтает, воссоздаёт очертания виденного ранее или же сотворённого собственной фантазией. Стараясь не упустить ни единой эмоции, он трепетно выписывает детали, вкладывает в каждый цвет определённый смысл, подчёркивает самые важные элементы своей работы игрой света и тени. Язык живописца — его техника владения кистью, без которой он не сможет нам поведать о самом сокровенном, рождённом в его душе и разуме.

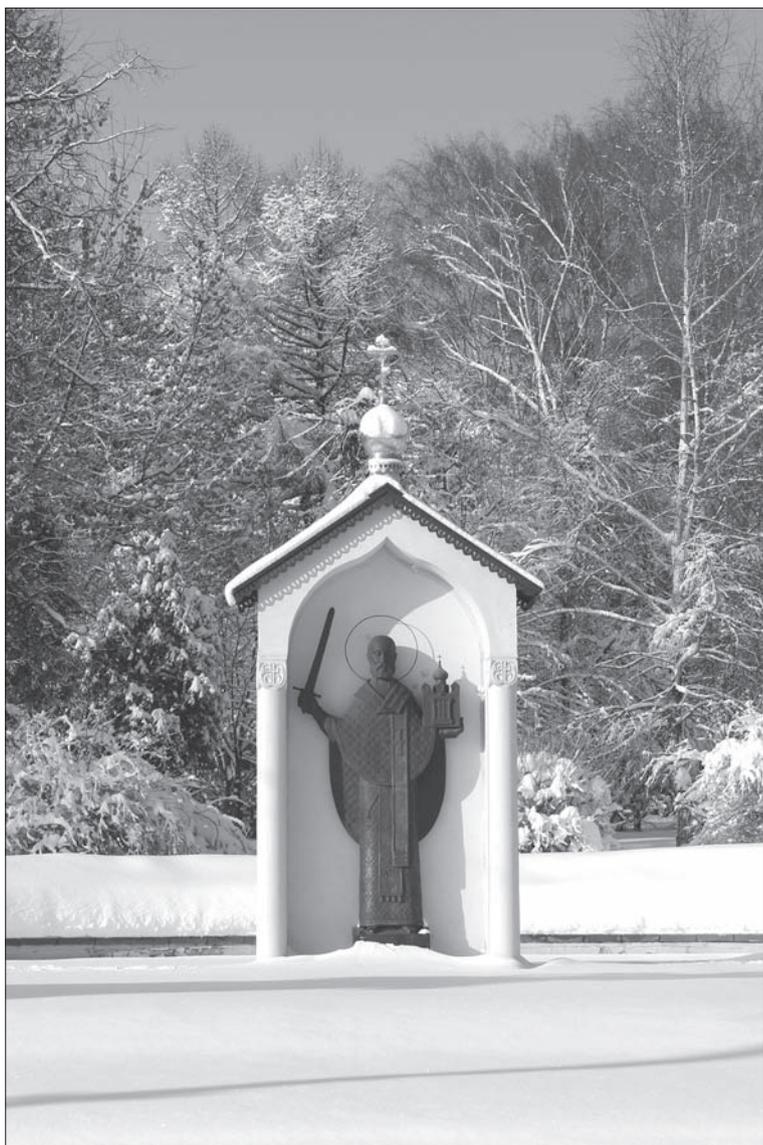
«...Я работаю для того, чтобы высказать что-то для меня важное, — говорит художница Татьяна Назаренко. — Заставить людей задуматься, призвать их к сочувствию — вот главная цель моей работы». И так, несомненно, считает каждый настоящий художник, стремящийся разбудить в людях своим творчеством желание размышлять над проблемами прошлого, настоящего и будущего и пытающийся донести до них то, что он считает поистине важным.

Подобно музыке, рождённой гармонией звуков, мы также слышим и живопись, голос которой увековечен множеством движений кисти в цветовой гамме картин. Неспешно ступая по лакированному паркету картинной галереи, внимательно изучаешь разнообразие произведений искусства, и нет-нет, а взгляд всё равно зацепится за какую-нибудь, казалось, незначительную деталь. Полотно, словно живое, подаёт голос в попытке обратить внимание зрителя на что-то очень важное, что каждый должен понять для себя сам. Анализируя композицию картины, невольно окунаешься в атмосферу той исторической эпохи, в которой она была написана, чувствуешь веяние времени, знакомишься с интересными образами, взятыми из реальности и чуть изменёнными по задумке художника. Сосредоточенно погружаясь в мир метафор и ассоциаций, чувствуешь, что каждая линия и каждый мазок, объём, пространство и детали несут в себе определённый смысл, раскрывают нам самую суть произведения, повествуют о том, о чём думал живописец и чем хотел поделиться со зрителем. Художники, как и литературные

деятели всех времён, всегда живо отзывались на события, происходящие в обществе, в их картинах можно найти отражение быта, философских идей и народных образов, войн и революций. Чем дольше смотришь на картину, тем больший отклик она находит в душе и тем сильнее становится ощущение, будто завеса тайны чуть приоткрылась. Ведь процесс написания картины — величайшее таинство, а мысли и чувства художника — та самая тайна, которую заинтересованному человеку предстоит разгадать. «Мысль изречённая есть ложь», — писал русский поэт Фёдор Иванович Тютчев. Именно поэтому живопись — один из лучших способов сообщить то, о чём нельзя высказаться определённно.

С вниманием взглядевшись в картину любого мастера, каждый человек, способный чувствовать и сопереживать, обязательно найдёт в ней что-то близкое, родственное своей душе, ощутит тонкую связь, установившуюся между ним и автором произведения, услышит спектр эмоций, трудолюбиво вложенных им в красочные линии и формы. И в момент, когда зритель начнёт размышлять, главная цель художника будет достигнута. «Искусство рисования и самая живопись суть не что иное, как орудия, содействующие литературе и, следовательно, просвещению народа», — уверенно и истинно звучат слова русского художника А.Г. Венецианова. И действительно, живопись, подобно литературным романам, рассказывает нам о настоящем и минувшем, о чём мы в силу обстоятельств не можем узнать, позволяет ознакомиться с различными зрительными образами, развивает мышление и формирует индивидуальное восприятие действительности.

Справедлива меткая фраза французского живописца и писателя Эжена Фромантена: «Живопись — это искусство выражения невидимого через видимое». Художник воплощает на холсте незримое: свои воспоминания, тревоги, мысли и чувства. Наша задача состоит лишь в том, чтобы это услышать, обдумать и составить своё мнение на тему главной мысли его произведения.

**Эдизум
«Угренской дилры»**

Архимандрит Пимен (Благово)

Архимандрит Пимен (Дмитрий Дмитриевич Благово, 1828–1897) — известный русский духовный писатель, автор книг «Исторический очерк Николаевского Угрешского общежительного мужского монастыря» (1872), «Духовные стихотворения» (1874), «Инок» (1873–1874), «Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово» (1878–1880) и других.

Пережив семейную драму, в 1867–1880 годах подвизался в Николе-Угрешском монастыре, постригся в 1882 году в Ярославском Толгском монастыре, в 1885–1897 годах был настоятелем русской посольской церкви в Риме, где и похоронен.

*Тебе же, творящу милостыню, да не увести
шуйца твоя, что творит десница твоя.*

Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 3

Коль ты богат, делись с собратом,
Хотя избытками делись,
Но что помог серебром иль золотом,
Тем перед ним не возгордись;
Не возносись и пред собою:
Ты только долг исполнил свой,
И что ты дал одной рукою,
Пусть будет тайна для другой.

С любовью тёплой, со смиреньем
В нужде собрату помогай,
И что помог, с благодареньем
За то хвалу Творцу воздай!

Забудь свои все благостыни
И не кичись, как фарисей:
Творцу противен дух гордыни,
Не примет жертвы Он твоей!

Обижен сам ли ты судьбиной
И нет сокровищ у тебя —
В нужде хоть лептою единой
Ты помоги, но дай любя:
Богатых жертв и приношений
Господь не требует, не ждёт!
Он хочет милости, лишений,
Любви от тех, кто подаёт.

Но есть и нищие такие,
Которых бедность не видна,
И в помощь им дары иные
Твоя любовь принести должна:
Есть в свете нищие душою,
Не ходят в рубищах они
И не скитаются с сумою —
Им только руку протяни.

Твоих сокровищ им не нужно;
Они вельможи, богачи:
Их сердце бедное недужно,
Им сиротство их облегчи.
Они горды, просить не станут,
Чтоб ты им милостыню дал:
Руки молящей не протянут, —
А ждут, чтоб ты их угадал.

И этим нищим подаянья
Не смей, не думай предлагать, —
Они не просят состраданья,
Им дар иной ты должен дать:

Душа их ждёт любви собратий,
Привета искренних друзей,
Любви святой, живых объятий —
Вот дар для нищих богачей!

1857

Истина

О, сколь ты, истина, прекрасна,
И непорочна, и чиста!
Блажен тот смертный, чьи уста
Не говорят другим пристрастно,
Не лицемерствуют, не льстят,
Не скроют правду из боязни
И по вражде и неприязни
На зло неправдою не мстят!
Блажен, кто к истине стремится
И неуклонно служит ей:
Тот в мире миром насладится,
Не омрачит души своей,
И отрешась от плоти тленной,
И в мире горнем, в небесах,
Где Правды Свет Всесовершенный, —
Он насладится вечных благ!
Но тот, кто правду не возлюбит,
Чьё сердце злобствует, кто лжёт,
Кто счастье брата словом губит,
Тот счастья в мире не найдёт:
Он сеет зло — он зло и жнёт!

1874

Игумен Антоний (Бочков)

Игумен Антоний (Алексей Поликарпович Бочков, 1803–1872) — духовный поэт XIX века, знакомый А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Его произведения печатались в журнале «Благонамеренный» и альманахах 1820–х годов. С 1837 года подвизался в различных монастырях, принял постриг в 1844 году, был настоятелем Черемнецкого Иоанно–Богословского монастыря, последний год жизни провёл в Николо–Угрешском монастыре, где похоронен.

В 1875 году издана его книга «Русские поклонники в Иерусалиме». В 2010 году издательство «Пушкинский дом» выпустило в свет книгу о нём «Дон Кихот русского монашества».

Кавалер–архимандрит

*Тип чисто всероссийский и нигде,
кроме России, невозможный*

Был один архимандрит — ростом в два аршина,
Он любил ужасно имя *господина*.
Его господином так и называли,
Под руки водили, на постелю клали.
Он молился Богу, рук не поднимая,
А твердил келейнику, сладко засыпая:
«Прекресты ж мене ты, хлопче!» —
Тот крестил аббата
И укутывал его в одеяло с ватой.
Из хохлов он был, покойник, а водился с знатью
И колачивал исправно всю Христову братью,
Но был всюду ублажаем по суме, по платью.
На нём была шуба дорогой куницы,
Вышитые шёлком в строку рукавицы.
Он перчаток не носил — не сгибались пальцы:

Келий тесных не любили эти постояльцы.
И ходил он с перевалом, точно как медведи,
Но его прозвали *крысою* соседи.
Он на это имя преужасно злился,
Он изобретателя утопить грозился,
Всячески отыскивал — только не добился.
Как и не сердиться? Он был в первом классе,
Кавалер святыя Анны! Да имел в запасе
Тысяч сотенки поболе в кабинетной кассе.
Ему жали руку графы, генералы:
Он проигрывал им в карты полуимперьялы.
Раз келейника спросил он, выпив три стакана:
«На кого похож я, хлопче? Верно, уж на пана,
На архиерея или на султана?» —
Тот был навеселе сам да и молвил сдуру,
Позабыв про штатную скотскую натуру:
«Вы походите на крысу хлебного засека,
Только не походите вы на человека!» —
Авва так его отделал, что он стал калека.
Он вельми прославился за свои побои.
Вот вам наши кавалеры, витязи, герои!
Жаль, что нет для них Омира, песнописца Трои.

СВИТОК

Был свиток пергаминаый
Старинный.
Писало чёткое, красивое перо.
И навивался он, как следует, в нутро.
И плотно прилегал он к палке кипарисной,
Благоуханной и прямой,
И по краям её с карминною каймой.
Но вздумали наш свиток рукописный
Так вывернуть, что прямо в глаз
Все литеры заглавные бросались,

Чтобы все в золоте, в узорах выставлялись
На похвалу и напоказ.
Чтоб гнулись к свету или к миру:
Всё гнули да и выгнули папирус.
Зачем бы, кажется, его грязнить и мять?
Ведь развивался он и прежде не упрямо.
Для чтения раскладывался прямо —
Не уставай только читать.
На древней хартии всё было так прекрасно.
И Слово Первое так правильно стоит,
Простое и смиренное на вид.
И только киноварью красной
Пять крапинок в пяти местах
Начертано: большая сбоку;
И так легко Оно вместилось в нашу строку.
Да и в других по нём словах
Так хорошо: они так чётки,
Такие ровные: ни длинные, ни короткие.
Нет слишком вычурных хвостов
И с бусами фальшивыми венцов.
Нет! краснописцы–грамотеи,
Хоть переменяли всё да сделали пышнее. —
Запачкались заглавные слова,
А чёрные и виделись едва;
Позолотили их и побелили мелом
И краснописным делом
Так распестрили, что ау!
И древний свиток стал похожим на дипломы
Или на модные альбомы,
Пригодные лишь только к торжеству.
С цепочками, с застёжками, с крестами
И со звёздами.
И думает наш пишущий собор:
«Ахти! какой узор!
Поди–ка так глаза и плят
На наши красные полосы с желтиной

И с черниной!
А голубые–то, как небеса, восхвалят».
И с восхищением глядят
На свой парад.
Заглавных букв не тронь и перстом не касайся,
Чтобы с них краски не сошли.
Ты их не разбирай, а токмо поклоняйся,
Как будто бы иконе издали.
А буквы малые на этом пергаменте
По мелу расплылись и, точно плесень в тине,
Совсем почти сошли,
И дело вышло плохо.
Насмешники давно уж говорят,
Что свиток нынешний похож на первый взгляд
На сказку про царя Гороха.
Решились кое–что посмыть,
Почистить, поскоблить.
«Ну, — говорят, — читай: теперь опять всё то же».
«Да, батюшки; да всё еще вельми пригоже.
Хоть древний смысл и тот, снаружи не похоже».
Хотели свиток тот по–старому свернуть, —
Да мудрено по–прежнему согнуть.
От стерженя отвык, скоробился, надулся,
И как ни мни его, а он всё к свету гнулся.
«Поправьте, батюшки; поправится авось».
Вертят собранием, да после всех попыток
Наш древний свиток
Переломался так, хоть в печку брось.

Из письма монахине–поэтессе Марии (Шаховой)

Нет, ваше золото червонное так звонко,
Такой гармонией мне под ухо звенит;
И маленький листок так отчеканен тонко,
Что весь огнём поэзии горит.
Ни ризничим, ни казначеем
Небрежно свёрнутый в бумажку, бриллиант
Не будет оценён. Лишь старым стиходеем,
Благословляющим ваш истинный талант.

1864

Комментарии редактора–составителя

Оба сатирических произведения написаны, предположительно, в 1860–е годы. Стихотворение «Кавалер–архимандрит» послано монахине–поэтессе Марии (Елизавете Шаховой, 1822–1899), духовной дочери игумена Антония, с припиской: «Для масленицы прошу принять это балаганное произведение, эту басню–вечье». Конкретное лицо, являющееся основным прототипом произведения, установить не удалось.

«Он был в первом классе, / Кавалер святых Анны!» Имеется в виду, что герой стихотворения был настоятелем монастыря первого класса и кавалером ордена Святой Анны. После церковной реформы 1764 года российские монастыри были разделены на три класса. К первому классу отнесены самые крупные и значимые монастыри.

«Он проигрывал им в карты полуимперьялы». Полуимперьял — золотая монета номиналом 5 рублей. Чеканилась в России с 1755 года.

«Жаль, что нет для них Омира, песнописца Трои». Имеется в виду Гомер, всемирно известный древнегреческий поэт, автор эпической поэмы «Илиада», повествующей о Троянской войне.

Сергей Красиков

Сергей Павлович Красиков (1928–2007) — известный русский поэт, автор более 40 книг, в числе которых: «Таёжная быль» (1972), «На грани мистики» (1995), «Легенды о цветах и самоцветах» (1996), «Возле вождей» (1997), «Охранный свет» (2002). На его стихи написано около 400 песен. В течение 20 лет руководил литературным объединением «Родник» в г. Дзержинском.

Где живут соловьи

Где живут соловьи
И тревожат бессонницей души?
Я хочу о любви
Соловьиные песни послушать.
Я хочу до зари
Побродить по речным перелескам,
Где живут соловьи
И поют свои звонкие песни.

Где живут соловьи?
Почему они ночью весенней
Рассыпают свои
Переливы по гроздьям сирени?
Почему всё звенит
На высокой торжественной ноте?
Певуны соловьи,
Расскажите, о чём вы поёте?

Певуны соловьи,
Многим хочется в юность вернуться.

Пусть и в грустные дни
Ваши светлые песни поются.
Пусть ваш голос звенит,
Не смолкая, звенит над ветвями.
Пусть и в грустные дни
Озаряется жизнь соловьями.

Родник

Из–под земли заре навстречу,
По разнотравью напрямик
Бежит и ласково лепечет
Весёлый маленький родник.
Он то струится между сосен,
Вздывая вверх песчинок рой,
То обрывается с откоса
Прозрачной радугой–дугой,
То лентой стелется по лугу,
Качая в зеркале воды
И белоствольную округу,
И белопенные сады.
Нередко путник запылённый
К нему, журчащему, спешит,
Чтобы водой, как лёд, студёной
Сухие губы освежить.
Приходят школьники ватагой,
Идут жнецы и плугари
Попить холодной, чистой влаги,
Что дышит свежестью зари.
А я в труде суровых буден
Стремлюсь всю жизнь хотя б на миг
Быть так же очень нужным людям,
Как этот маленький родник.

Легендарная тройка

Тройка! Тройка! Песнею крылатой
Ты летишь за юностью вослед,
Только гривы падают в закаты
И на гривы падает рассвет.

Вижу я, по дальним полустанкам,
По червонным листьям октября
Вдаль летит гвардейская тачанка,
На тачанке — молодость моя.

Слышу я, как звякают уздечки,
Как метели хлещут по лицу,
Как девчонка прыгает с крылечка
На руки к безусому бойцу.

Тройка! Тройка! Песнею крылатой
Улетай за юностью вослед,
Чтобы гривы падали в закаты
И на гривах вспыхивал рассвет.

Следы на снегу

Метель мела вторые сутки.
Но вот за полночь на село
Спустилась тишь, погасли звуки,
И снег искрится, как стекло.
В снегу застыли искры смеха,
Напевы песен молодых.
И тут и там на корке снега
Следы, следы, ещё следы.
И вопреки шальной метели
При расставанье на мосту
Не порознь те следы темнели,
А подошли носком к носку.

Зарево заката за окном
Тонким слоем пепла покрывается.
Мне в часы такие перед сном
О тебе всё чаще вспоминается.
Хочется дела отбросить прочь
И лететь к тебе под лёгким парусом,
Как сегодня улетает ночь
Светлым вальсом Иоганна Штрауса.
Знай, я чувства отдал под арест,
Чтобы не касаться пережитого.
Жду, пока тебе не надоест
На разрыв любовь мою испытывать.

Над весенним полем молодым
Переливы птичьих голосов.
Вспыхнувшей зари рассветный дым
Заслонил зелёный дым лесов.
Лёгкое парение орла,
Облаков серебряный прибор...
Здесь в шинели молодость прошла
По дороге дымной, фронтовой.
Ночи нет.
Едва сойдёт закат —
Сразу занимается восход.
Только жаль, что никогда назад
Молодость в шинели не придёт.

Ярослав Смеляков

Ярослав Васильевич Смеляков (1913–1972) — выдающийся русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР (1968). Трижды отбывал несправедливое заключение в 1934–1956 годах, в 1937–1939 годах был ответственным секретарём газеты «Дзержинец», которая выпускалась трудовой коммуной № 2 НКВД, располагавшейся в бывшем Николо-Угрешском монастыре. Наиболее значительными книгами Я.В. Смелякова являются:

«Кремлёвские ели» (1948), «Строгая любовь» (1957), «Милые красавицы России» (1966), «День России» (1967), «Моё поколение» (1973), собрание сочинений в трёх томах (1977–1978).

Признание

Не в смысле каких деклараций,
не пафоса ради, ей-ей, —
мне хочется просто признаться,
что очень люблю лошадей.

Сильнее люблю, по-другому,
чем разных животных иных...
Не тех кобылиц ипподрома,
солисток трибун беговых.

Не тех жеребцов знаменитых,
что — это считая за труд —
на дьявольских пляшут копытах
и как оглашенные ржут.

Не их, до успехов охочих,
блистающих славой своей, —
люблю неказистых, рабочих,
двужильных кобыл и коней.

Забудется нами едва ли,
что вовсе в недавние дни
всю русскую землю пахали
и жатву свозили они.

Недаром же в старой России,
пока ещё памятной нам,
старухи по ним голосили,
почти как по мёртвым мужьям.

Их есть и теперь по Союзу
немало в различных местах,
таких кобылёнок кургуzych
в разбитых больших хомутах.

Недели не знавшая праздной,
прошедшая сотни работ,
она и сейчас безотказно
любую поклажу свезёт.

Но только, в отличие от прежней,
косясь, не шарахнется вбок,
когда по дороге проезжей
раздастся победный гудок.

Свой путь уступая трёхтонке,
права понимая свои,
она оглядит жеребёнка
и трудно свернёт с колеи.

Мне праздника лучшего нету,
когда во дворе дотемна
я смутно работницу эту
увидю зимой из окна.

Я выйду из душной конторки,
заранее радуясь сам,
и вынесу хлебные корки,
и сахар последний отдам.

Стою с неумелой заботой,
ослабив улыбкою рот,
и глупо шепчу ей чего-то,
пока она мирно жуёт.

Дальняя поездка

Я остался и нежным, и резким —
тем, каким меня знали всегда,
но вернулся из дальней поездки
не таким, как уехал туда.

В каждом чуть изменившемся жесте
я невольно ответно сберёг
продолжение всех путешествий,
повороты и локти дорог.

Из дорожных моих впечатлений
ничего не пропало вдали,
и на лоб полуясные тени
для других незаметно легли.

Двери в собственный дом открывая,
надевая в передней пальто,
непривычно в себе ощущаю
путешествие дальнее то.

1964

Земля

Тихо прожил я жизнь человечью:
ни бурана, ни шторма не знал,
по волнам океана не плавал,
в облаках и во сне не летал.

Но зато, словно юность вторую,
полюбил я в просторном краю
эту чёрную землю сырую,
эту милую землю мою.

Для неё ничего не жалея,
я лишился покоя и сна,
стали руки большие темнее,
но зато посветлела она.

Чтоб её не кручинились кручи
и глядела она веселей,
я возил её в тачке скрипучей
так, как женщины возят детей.

Я себя признаю виноватым,
но прощенья не требую в том,
что её подымал я лопатой
и валил на колени кайлом.

Ведь и сам я, от счастья бледнея,
зажимая гранату свою,
в полный рост поднимался над нею
и, простреленный, падал в бою.

Ты дала мне вершину и бездну,
подарила свою широту.
Стал я сильным, как тёрн, и железным —
даже окиси привкус во рту.

Даже жёсткие эти морщины,
что на лбу и по щёкам прошли,
как отцовские руки у сына,
по наследству я взял у земли.

Человек с голубыми глазами,
не стыжусь и не радуюсь я,
что осталась земля под ногтями
и под сердцем осталась земля.

Ты мне небом и волнами стала,
колыбель и последний приют...
Видно, значишь ты в жизни немало,
если жизнь за тебя отдают.

1945

Паренёк

Рос мальчишка, от других отмечен
только тем, что волосы мальчика
вились так, как выются в тихий вечер
ласточки у старого крыльца.

Рос парнишка, видный да кудрявый,
окружённый ветками берёз,
всей деревни молодость и слава —
золотая ярмарка волос.

Девушки на улице смеются,
увидав любимца своего,
что вокруг него подруги выются,
выются, словно волосы его.

Ах, такие волосы густые,
что невольно тянется рука
накрутить на пальчики пустые
золотые кольца паренька.

За спиной деревня остаётся, —
юноша уходит на войну.
Вьётся волос, длинный волос вьётся,
как дорога в дальнюю страну.

Паренька соседки вспоминают
в день, когда, рождённая из тьмы,
вдоль деревни выюга навевает
белые морозные холмы.

С орденом кремлёвским воротился
юноша из армии домой.
Знать, напрасно чёрный ворон вился
над его кудрявой головой.

Обнимает мать большого сына,
и невеста смотрит на него...
Ты развейся, женская кручина,
завивайтесь, волосы его!

1945

Борис Щербатов

Борис Николаевич Щербатов (1941–2013) — известный поэт, был членом Союза писателей России и литературного объединения «Угреша», кавалер памятной медали «Ярослав Смеляков», автор пяти сборников стихов. Первый сборник «Над Непрядвой–рекой» опубликовал в 1983 году. В книгу «Плач соловьиный» (2006) вошли избранные произведения и стихи последних лет.

До сих пор я летаю во сне.
Кто ссудил мне такое наследство:
при порочной моей седине
этот дар непорочного детства?

Только сон затуманит глаза,
глянет в окна звезда–незабудка —
улетает душа в небеса,
уходя из–под власти рассудка.

И пока она реет во мгле,
пропадая средь млечного роя,
моё тело лежит на земле,
то ли мёртвое, то ли живое...

Будет ночь за окошком свежа.
Я усну без забот и тревоги.
Улетит в мирозданье душа
и назад не отыщет дороги.

В этом мире звёзд и ливней,
ливней длинных, как былины,
разве не был я счастливым,
ну хотя б наполовину!
Было всяко — пел и плакал
на путях своих безвестных.
Соловьиный плач, однако,
называют люди песней.
Да и впрямь, какое лихо
может сердце занавесить,
если мёдом и гречихой
пахнет ветер в поднебесье?
Если снова в вечер будний
у забытого овина
ты со мной счастливой будешь...
Ну хотя б наполовину.

Я покидал деревню без печали —
с мальчишескою верой в чудеса!
Навстречу мне, распахивая дали,
катило солнце ясные глаза.

И, не питая нежности к былому,
я оглянулся:
стёжкой луговой
тянулась тень к родительскому дому
и на порог ложилась головой.

* * *

Холодком пахнуло и озоном,
вздогнули прибрежные кусты.
Не спеша взошла над горизонтом
туча небывалой красоты.

Там вовсю сверкало и гремело,
били в землю белые клинки.
И не рябь,
а дрожь прошла по телу
задремавшей к вечеру реки.

Закрестились набожно старухи,
закрывая окна второпях.
И в глазах весёлой молодухи
без труда угадывался страх.

Но не враг всему, что по соседству,
я их страхи почитал за вздор.
Бури ждал — и замирало сердце,
душу мне захлёстывал восторг!

Бури ждал —
чтоб во поле, ликуя,
ветер травам дыбил волоса,
чтобы кровь кипящую и злую
в плоть земную
врезала гроза!..

Но когда бесшумно и неспешно
горы туч свалились за село,
люди выползали из убежищ,
на небо глядели: пронесло!

Я один был, кажется, печален,
даже не хотелось говорить.
Будто что-то мне пообещали,
а потом раздумали дарить.

Превратимся в дым Отечества,
в клубы белых облаков.
Жизнь такая быстротечная —
искра в пламени веков.
На земле живу, как дерево,
посвящённое огню,
пуще злата, пуще серебра
верность племени храню...

А когда, сожжённый заживо
песней, временем, хулой,
посреди цветенья вашего
стану пеплом и золой,
может, молодость беспечная
вспомнит наши голоса
и полюбит дым Отечества,
выедающий глаза.

**Новые публикации
о Ярославе Смелякове**

Николай Черногорец

Николай Андреевич Черногорец — журналист, писатель, поэт. Родился на Кубани в казачьей семье. Окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Работал в редакциях газет «Московский железнодорожник», «Вечерняя Москва», «Водный транспорт», «Сельская жизнь», «Гудок».

Как «пропал без вести» поэт Ярослав Смеляков

В Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), находящемся в подмосковном Подольске, хранится очень интересный документ, связанный с именем выдающегося русского поэта Ярослава Смелякова. Это донесение начальника штаба Медвежьегорской опергруппы полковника Иванова и комиссара штаба опергруппы батальонного комиссара Евтюхова. Оно было направлено 27 декабря 1941 года в отдел по укомплектованию войск Генерального штаба РККА, расположенный в городе Куйбышеве (ныне Самара). В ЦАМО этот документ¹ находится в деле № 513 описи № 818883 фонда № 58.

К донесению приложены именные списки безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава частей и подразделений Медвежьегорской оперативной группы в октябре — декабре 1941 года. Основной список состоит из воинов 2-й легко-стрелковой бригады, которая была сформирована в сентябре 1941 года (командир майор Пименов, военком батальонный комиссар Алёшкин, начальник штаба капитан Бажанов). Упомянуты также подразделения: 512-й отдельный строительный батальон, 2-я рота 3-го отдельного батальона, 261-й отдельный инженерно-строительный батальон, 413-я отдельная телеграфно-строительная рота, 531-я отдельная кабельно-шестовая рота,

парковый взвод опергруппы, 351-я отдельная телеграфно-эксплуатационная рота, 4-й отдельный танковый батальон.

На 90 листах представлены фамилии командиров и бойцов 2-й легко-стрелковой бригады, погибших и пропавших без вести с 5 октября по 5 декабря первого года Великой Отечественной войны. В соответствующей графе против фамилий почти половины списка значится «пропал без вести». Так, 5 октября пропали без вести под деревней Гомсельга (дом отдыха) более 90 бойцов 2-й легко-стрелковой бригады, в их числе и политрук, и 7 октября — около 230 бойцов во главе с командиром взвода и политруком. У деревни Кончезеро Кондопожского района 5, 7, 17 и 18 октября пропали без вести около полусотни красноармейцев.

27 октября «в бою под деревней Кумса-2 Медвежьего района КФССР», как значится в документе, пропали без вести 15 человек (четверо из них, кстати, москвичи), на следующий день — ещё 19 человек. В тот же день пропали без вести при обороне села Кяппесельга бойцы 512-го отдельного строительного батальона в количестве 10 человек. Есть погибшие и похороненные в районе деревни Кумса-2.

№	Фамилия	Уч.	№ документа	Событие	Дата	Место гибели	Участие в боях	Примечания
50	Будяк, Яков	4/а	49	Сибирские	1918	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
51	Монархов, Алексей	4/а	50	Сибирские	1906	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
52	Войнак, Алексей	4/а	51	Сибирские	1921	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
53	Николаев, Алексей	4/а	52	Сибирские	1911	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
54	Войнак, Алексей	4/а	53	Сибирские	1918	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
55	Войнак, Алексей	4/а	54	Сибирские	1920	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
56	Войнак, Алексей	4/а	55	Сибирские	1916	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
57	Войнак, Алексей	4/а	56	Сибирские	1921	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
58	Войнак, Алексей	4/а	57	Сибирские	1913	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
59	Войнак, Алексей	4/а	58	Сибирские	1911	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
60	Войнак, Алексей	4/а	59	Сибирские	1920	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
61	Войнак, Алексей	4/а	60	Сибирские	1913	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
62	Войнак, Алексей	4/а	61	Сибирские	1904	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
63	Войнак, Алексей	4/а	62	Сибирские	1911	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт
64	Войнак, Алексей	4/а	63	Сибирские	1911	Деревня Будяк	Кавказский фронт	2 Кавказский фронт

Фрагмент донесения о потерях, где за № 61 упомянут Я.В. Смеляков

А теперь главное. Среди пропавших без вести в бою 27 октября 1941 года числится и красноармеец, стрелок Смеляков Ярослав Васильевич, 1913 года рождения, беспартийный. В графе «Адрес жены или близких родственников» штабной писарь написал: «Москва, Больш. Малаховка, д. 31, кв. 5». Очевидна ошибка: конечно же, никакая не «Малаховка», ведь сейчас нам известно, что поэт перед войной проживал в столице в квартире матери на улице Большая Молчановка². Но, видать, для писаря было всё едино: что Малаховка, что Молчановка. Кстати, правильно адрес обозначен в алфавитной карточке военно-пересыльного пункта, заполненной в Тверском объединённом военкомате города Москвы. В ней сообщается, что Смеляков Ярослав Васильевич, 1913 года рождения, призван на военную службу по мобилизации 22 мая 1941 года столичным Краснопресненским райвоенкоматом. Примечательно, что местом работы поэта назван Союз писателей.

...Шли первые месяцы войны. На территорию СССР вступили войска нескольких стран гитлеровской коалиции, в том числе и Финляндии, союзницы Германии. В начале октября 1941 года финские войска, захватив Петрозаводск, продолжили наступление на Медвежьегорск, их целью был знаменитый советский Беломорканал, носивший имя Сталина. Для отпора врагу была создана Медвежьегорская оперативная группа Карельского фронта в составе трёх стрелковых дивизий и 2-й легко-стрелковой бригады, в которой воевал поэт Ярослав Смеляков. Упорно обороняясь, советские части медленно отступали, неся большие потери. 5 ноября бои шли уже под Медвежьегорском, пропали без вести там более 170 бойцов 2-й легко-стрелковой бригады. Большие потери бригада понесла в кровопролитных боях 7–9, 16–18 ноября и позже, но при этом все погибшие были похоронены

Кровопролитное сражение с превосходящими силами врага состоялось 5 декабря под Медвежьегорском. Здесь потери бригады (как погибшие, так и пропавшие без вести) были наиболее ощутимыми. Есть даже список оставшихся после боёв в тылу противника бойцов особой роты в коли-

честве 80 красноармейцев, из них 6 сержантов. По сути, они были окружены и уничтожены или взяты в плен. Остался в тылу противника (читай — в окружении) 2-й батальон 2-й легко-стрелковой бригады во главе с комбатом, начальником штаба и комиссаром (все коммунисты). Такая же судьба у командования и бойцов 3-го батальона. Общий состав обоих батальонов — около 300 человек. К слову, в связи с невосполнимыми потерями бригада в середине декабря была расформирована.

Медвежьегорск пришлось оставить. И хотя финны вышли—таки к Беломорканалу, но их успех оказался временным, советские части отбросили их с этого рубежа, стабилизировав здесь фронт на долгие месяцы.

А в это время красноармеец Смеляков Ярослав Васильевич, который по документам штаба числился пропавшим без вести, подвергался допросам пленивших его финских захватчиков в лагере военнопленных. Он разделил судьбу десятков тысяч советских солдат и офицеров, попавших во вражеский плен в первые тяжелейшие месяцы Великой Отечественной войны.

Сегодня, когда видишь в Книгах памяти слова «пропал без вести», понимаешь, что означают они зачастую или гибель воина на поле боя, или плен (и смерть в концлагере). Немногим из сотен тысяч «пропавших без вести» посчастливилось вернуться из небытия, как это случилось с поэтом Смеляковым. Хотя впереди его ждали не менее суровые испытания.

Ссылки

¹ <https://www.obd-memorial.ru>

² *Егорова Е.Н.* Коммунар Ярослав Смеляков. — Дзержинский: ДМУП «Информационный центр»; Литературное объединение «Угреша» имени Я.В. Смелякова, 2017. — С. 37.

Содержание

Поэтический венок русским литераторам

<i>Елена Егорова. Поэтическое слово</i>	4
<i>Елена Егорова. Заснеженное Болдино</i>	4
<i>Алексей Гушан. На Чёрной речке</i>	5
<i>Елена Егорова. Болдинская сирень</i>	6
<i>Елена Егорова. Роща Лучинник</i>	7
<i>Игорь Ушаков. Грусть предновогодняя</i>	8
<i>Елена Егорова. Сосны во Львовке</i>	9
<i>Елена Егорова. Благодатная туча</i>	11
<i>Евгений Хазов. Заяц и волк</i>	12
<i>Елена Егорова. Наследие поэта</i>	13
<i>Елена Егорова. Гранатовый браслет</i>	14
<i>Лев Котюков. Фетовский мотив</i>	15
<i>Наталья Алимова. По мотивам стихов Афанасия Фета</i>	15
<i>Лев Котюков. Лёгкое дыхание</i>	16
<i>Игорь Ушаков. Бело–розовое платье</i>	16
<i>Татьяна Уварова. Анне Ахматовой</i>	17
<i>Ярослав Смеляков. Анна Ахматова</i>	18
<i>Алексей Гушан. В Коломне</i>	19
<i>Елена Егорова. Читая Ахматову</i>	19
<i>Наталья Алимова. Памяти Анны Ахматовой</i>	20
<i>Станислав Горшков. Памяти Николая Гумилёва</i>	21
<i>Ярослав Смеляков. Сергей Есенин</i>	21
<i>Лев Котюков. Вспоминая Есенина</i>	23
<i>Лев Котюков. Памяти незабытого поэта</i>	23
<i>Татьяна Уварова. Сергей Есенин</i>	24
<i>Владимир Зайцев. Сергею Есенину</i>	25
<i>Елена Егорова. Сон о Сергее Есенине</i>	26
<i>Елена Егорова. Ясный месяц</i>	26
<i>Денис Минаев. Сергею Есенину</i>	27
<i>Анна Картавец. Сергею Есенину</i>	28
<i>Наталья Алимова. Близкий и родной</i>	28

<i>Евгений Хазов. Есенинские мотивы</i>	29
<i>Ольга Суркова. По дороге Есенина</i>	30
<i>Сергей Соловьёв. Из «Персидского цикла»</i>	31
<i>Маргарита Филатова–Клюева. Есенин</i>	31
<i>Елена Егорова. «И счастья без подвига нет»</i>	32
<i>Наталья Алимова. Вспоминая Бориса Пастернака</i> ...	33
<i>Наталья Алимова. Николай Рыленков</i>	33
<i>Ярослав Смеляков. Юрий Олеша</i>	34
<i>Ярослав Смеляков. Алексей Фатьянов</i>	35
<i>Наталья Алимова. Блокадные музы</i>	37
<i>Наталья Алимова. Поэзия Сергея Наровчатова</i>	37
<i>Наталья Алимова. Боевые спутники</i>	38

Новые смеляковские лауреаты

Елена Егорова	40
Денис Минаев	60
Сергей Соловьёв	64
Андрей Шульмин	68

Угрешский Парнас

Валерий Аушев	74
Ксения Александрова	80
Наталья Алимова	83
Любовь Богомолова	88
Натали Владо	90
Инна Гильченко	93
Станислав Горшков	97
Алексей Гушан	101
Владимир Зайцев	105
Анна Картавец	109
Максим Клюев	111
Геннадий Кобылкин	114
Екатерина Корнакова	118
Кирилл Кострецов	127
Андрей Кошелев	129

Михаил Ложников	136
Анастасия Мигова	139
Светлана Михайлова	143
Геннадий Рязанцев–Седогин	148
Александр Смирнов	152
Людмила Снитенко	158
Любовь Стародубцева	162
Ольга Суркова	164
Татьяна Уварова	168
Игорь Ушаков	176
Валерий Фоменко	180
Евгений Хазов	186
Любовь Щипанова	190

Юная муза Угреши

Анастасия Адрейченко	198
Анастасия Горохова	200
Виктория Закатова	206
Кристина Козенец	207
Анастасия Репина	208
Анна Сарычева	212
Александр Скобельский	215
Екатерина Сухова	219
Елизавета Фаренникова	222

Элизиум «Угрешской лиры»

Архимандрит Пимен (Благово)	226
Игумен Антоний (Бочков)	229
Сергей Красиков	234
Ярослав Смеляков	238
Борис Щербатов	244

Новые публикации о Ярославе Смелякове

<i>Николай Черногорец. Как «пропал без вести»</i> поэт Ярослав Смеляков	249
--	-----

Угрешская дора

Литературный альманах
Выпуск 6

Произведения печатаются в авторской редакции

Составление, дизайн,
подготовка текстов XIX века

Е.Н. Егорова

Технический редактор

В.Н. Киселева

Корректор

Е.Ю. Биткова

Литературное объединение «Угреша» им. Я.В. Смелякова

Московской областной организации Союза писателей России
121069, г. Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5, стр. 1. Тел. (495) 551–25–97
Сайт: <http://www.lito-ugresha.narod.ru>. E-mail: lito_ugresha@mail.ru

ДМУП «Информационный центр»

140093, г. Дзержинский Московской обл.,
ул. Томилинская, 14а, тел. (495) 551–22–32.

Сдано в набор 10.03.2019. Подписано в печать 06.06.2019
Формат 60х90/16. Гарнитура «Pragmatika». Печ. л. 16,0. Тираж 1000 экз.

На лицевой стороне обложки: Вид на колокольню и Успенский храм Николо-Угрешского монастыря. Фото Е.Н. Егоровой

На оборотной стороне обложки: Вид Николо-Угрешского монастыря. Храм во имя прп. Пимена Угрешского. Фото Е.Н. Егоровой

На страницах 59, 181, 209: Виды Николо-Угрешского монастыря и памятного знака святителю Николаю Чудотворцу. Фото Е.Н. Егоровой

ISBN 978-5-6041100-4-1

9 785604 110041

Отпечатано

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская область, г. Можайск,
ул. Мира, 93.

Тел.: (496) 382–10–23, (495) 745–84–28.

Сайт: www.оаомрк.ру. E-mail: оаомрк@оаомрк.ру.

Заказ № 2866